

Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование

О некоторых (новых) явлениях в славянском словообразовании с типологической точки зрения

Ц. Аврамова

Софийский университет им. Св. Климента Охридского (София, Болгария)

Композиция, аналитизм, аглотинация, полисинтетизм

Аннотация. В докладе рассматривается ряд дискуссионных вопросов, связанных с некоторыми (новыми) явлениями в словообразовании современных славянских языков, в т. ч. такие, как: вопрос о принадлежности т. наз. чистых композитов к аналитическому (изолирующему) или к полисинтетическому типам, вопрос о характеристике конструкции типа болг. *рокконцерт*, *МВР-шеф*, рус. *бизнес-клуб*, чеш. *techno verze*, *technorytmus*, пол. *wideoklub* и др.

1. Днес се смята за почти азбучна истина, че всеки език е структурно политипологичен, с преобладаване на черти от определен езиков тип. В *типологичните изследвания* на словообразователното равнище на езика се отделя внимание предимно във връзка с използването на едни или други начини и средства за образуване на думи, т. е. от гледна точка на техниката на образуване на производни думи. В *словообразователните изследвания* типологичната страна на явленията се засяга спорадично. Едва през втората половина и особено през последната четвърт на ХХ в. в славистиката се наблюдава по-отчетлив интерес към изучаването на типологичните характеристики на словообразователните системи на славянските езици, като се акцентира предимно на увеличаването на аналитизма и на аглутинативните елементи в тях [РЯСО 1968]; [Земская 1992]; [Gazda 1990]; [Вачкова, Вачков 1998]; [Zemskaja, Ermakova, Rudnik-Karwatowa 1999] и др. Прави впечатление обаче, че често на едни и същи явления се приписва различен типологичен статус. Предмет на дискусия е например образуването на т. нар. чисти композитуми (получени чрез «чиста» композиция, т. е. без съпътстваща афиксация), които съдържат две и повече пълнозначни основи, свързани помежду си без съединителна гласна, при което в процеса на композиране не настъпват формални изменения в основите (алтернации, сливане на морфи и др.). Композитообразуването е смятано от някои автори (вж. по-горе) за аналитична (изолираща), а от други [Gutschmidt 2003] – за полисинтетична черта. Предварителният анализ на причините за разминаването в мненията на изследователите ни дава основания да предположим, че то може да се дължи, от една страна, на различните изходни теоретико-методологични основи на отделните изследвания, а оттам и на различните типологични класификации, на които те се основават, а от друга, на това, че едно явление би могло да съвместява повече от една типологична черта, т. е. може да се припише на повече от един езиков тип.

2. В доклада се разглежда и граматичният статус на образування от типа: болг. *рокконцерт*, *МВР-шеф*, *антиспин кампания*, рус. *бизнес-клуб*, *видеомагазин*, *порнолавка*, чеш. *techno verze*, *technorytmus*, *DVD přehrávač / DVD-přehrávač*, *unisex móda*, пол. *wideoklub*, *pornosklep*, *infolinia* и др., намиращи се на границата между лексемата и словосъчетанието. Сред изследователите се открояват две основни становища: че това са конструкции (словосъчетания) от неизменяемо (аналитично) прилагателно и съществително име, или че са сложни думи, образувани чрез композиция. Анализът на подобни конструкции в българския и в други славянски езици ще покаже, че те трябва да бъдат отнесени към словообразователното равнище, т. е. смятани за сложни думи – композитуми. А оттам следва да бъде отговорено и на въпроса какъв е техният типологичен статус.

Литература

- Вачкова К., Вачков В. Словообразуване и аналитизъм. Типологична обусловеност на някои словообразователни процеси в съвременния български език // Славянска филология. Т. 22 (Доклади за XII международен конгрес на славистите Краков, 1998). София, 1998. С. 95–101.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка / Под ред. М. В. Панова. М., 1968 (РЯСО 1968).
- Gazda J. Integrace cizojazyčných prvků v slovní zásobě současné ruštiny a češtiny. (Na materiálu substantivních neoplogismů). Disertační práce. Brno, 1990.
- Gutschmidt K. Типологични тенденции // Komparacja współczesnych języków słowiańskich, 1. Słowotwórstwo / Nominacja. Red. I. Ohnheiser. Opole, 2003. С. 341–355.
- Zemskaja E. A., Ermakova O. P., Rudnik-Karwatowa Z. Tendencje rozwojowe w słowotwórstwie języka polskiego i rosyjskiego końca XX stulecia // Slavia. 1999. 68. 1. S. 9–18.

Новая отонимическая лексика в современных славянских языках

Н. Е. Ананьева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Апеллятив(из)ация, проприальное (собственное) имя, эргоним, деривация, словообразовательное средство

Аннотация. В докладе образование новой отонимической лексики в современных славянских литературных языках сопоставляется с соответствующими явлениями в традиционных народных говорах.

Апеллятивизация проприальных имен представляет собой один из источников пополнения лексического состава того или иного языка. Чистую апеллиацию (переход имени собственного в нарицательное без использования каких-либо словообразовательных средств) можно рассматривать как своеобразный вид лексико-семантической деривации. В отличие от внутриапеллятивного семантического словообразования, при котором тот же по форме апеллиатив приобретает новое лексическое значение, вступая в отношение омо-

нимии к производящей базе, чистая апеллятивизация сопровождается не сменой одного лексического значения другим, а вообще появлением лексического значения как такового, отсутствующего в прототипических именах собственных.

Апеллятивизация, осложненная теми или иными словообразовательными средствами, относится к области формальной деривации и осуществляется с использованием тех же продуктивных словообразовательных морфем, что и деривация от апеллятивных основ. С давних времен апеллятивизация из-

вестна народным говорам, в частности, в славянских языках широко употребляются имена лиц для номинации реалий растительного и животного мира. Ср. русск. *василек*, *маргаритка*, *иван-да-марья*, русск. диал. *авдотки* 'купальница азиатская', *аленка* 'бальзамин султанский' [Арьянова 2006], укр. диал. *васильчик*, *грицики*, *грички*, *иванок*, *иванчик*, *ивасик*, *катеринка*, *маржанка*, *миколайки*, *миколайці*, *миколайчик*, *парасочка* [Закревская 1976], белор. диал. *пярчук* 'божья коровка', польск. диал. *zofija* 'иволга', *maciek* 'кот', *filip* 'заяц' и др. В ряде случаев возможно установить мотивационный признак. Например, русск. диал. *фролки* / *фролы* 'сорная трава, заглушающая посевы' мотивировано именем св. Флора (Фрола). Посеянные озимые после дня св. Флора и Лавра (18 августа) заглужались сорняками, растущими быстрее хлебных злаков [Коновалова 2000].

Имена собственные могут быть также компонентами номинации. Так, одним из наиболее частотных личных имен в русских диалектных названиях растений является померогриум *иван* (модификации *ванька*, *ваня*), которое сопровождается разными определителями (*иван-чай*, *ванька болотный*, *ванька-чай*, *иван красный*, *мокрый ванька* и мн. др. [Арьянова 2006]).

В народной фразеологии и просторечии отмечается также такой феномен, как образование от аппелятивных основ номинаций, совпадающих по форме с именами собственными (личными именами, фамилиями, топонимами). Ср. кашубск. *Pón Mrozevski jaxał na vojna* «Пан Мрозовский уехал на войну» (об ослаблении мороза), *jaxas do muravsk'ego l ożen'ic są z Muravsko* «Идти к Муравскому / пожениться с Муравской» (т. е. умереть, от *turawa* 'трава'), сибирск. диал. *податься в Соушо* (заснуть), ср. употребление квазипроприальных имен *Софья Власьевна* «Советская власть» и омского просторечного *Вера / Вера Михайловна* «вермут» [Юнаковская 2004: 18].

Иную природу имеют функционирующие в первую очередь в литературных языках аппелятивизировавшиеся имена собственные, с которыми связано происхождение номинируемых этими словами реалий (от мифологических персонажей до создателей-изобретателей тех или иных артефактов или географических названий, откуда происходит номинируемые этими топонимами реалий). Во многие языки (в том числе славянские) вошли целые группы подобных лексем: названия продуктов и напитков (ср. *оливье*, *сандвич*, *пломбир*, польск. *szatrap* и т. д.), тканей и одежды (*галифе*, *болivar*, *макинтош*, польск. *adamaszek* и др.), оружия (*винчестер*, *кольт* и др.), пород камня (*лабрадор* и др.), пород животных (*сенбернар*, польск. *pers* и др.), единиц измерения (*вольт*, *ампер*, *ом* и др.), марок машин (*мерседес*, польск. *mercedes* и др.), устройств и приборов (*мартен*, *пульман* и др.) и мн. др. Этот ряд слов пополняется и в настоящее время (*джакузи*, *калашников*, польск. *kalasznikow*, *bond* 'шпи-

онский фильм', *gargamel* 'особняк с безвкусными архитектурными украшениями' (от имени героя детского фильма). Однако более активными в современных литературных славянских языках являются процессы образования от проприальных основ производной лексики с помощью словообразовательных аффиксов. При этом отонимические дериваты образуются теми же продуктивными средствами, что и аппелятивы (ср. польск. *-ówka*: *kuroniówka* – от фамилии Куронь 1. суп, выдаваемый бесплатно, 2. пособие по безработице; *kuniewiczówka* 'дом М. Кунцевич в Казимеже', *-owiec*: *michnikowiec* 'сторонник политика А. Михника', *eseldeowiec* (образование от эргонима) 'член SLD – Sojusz Lewicy Demokratycznej' «Союз левых демократов» и мн. др.).

В последнее время особенно активно имена собственные сочетаются с аффиксами и основами иноязычного происхождения. Например: *-манья* (польск. *-mania*: *Jelcynomania*, *Bondomania* → *bondomaniak* и мн. др.); *-zeüm* (по типу *Watergate* – польск. *Monikagate*, *Orlengate* – от названия фирмы Orlen и мн. др.); *-land* / *-landia* (по типу *Disneyland* – ср. польск. *Putinland* 'Россия', *Kwaśnioland* 'Польша' и др.), *-izacja* / *-yzacja* (польск. *falandzuzacja* 'манипулирование правом по мере необходимости' – от министра юстиции Л. Фаландыша) и др.

Новые дериваты образуются и с помощью давних иноязычных формантов: *-izm* / *-yzm* (*berluskonizm*, *walęszizm*), *-ista* / *-ysta* (*walęszista*, *labudysta*) и др. Предварительный анализ показывает, что базовыми проприальными основами в современных славянских литературных языках из личных имен чаще всего являются имена политиков, а также названия стран и эргонимы. Например, значительное число дериватов образовано от фамилии первого посткоммунистического президента Польши Л. Валенсы (как с иноязычными, так и с исконными суффиксами).

Анализ материала демонстрирует разный характер онимических основ (прецедентных имен), являющихся базами для отонимической деривации в современных литературных славянских языках и славянских народных говорах. Сопоставление материала ряда западнославянских и восточнославянских языков позволит выявить в исследуемом фрагменте словообразовательной системы как общее между этими идиомами, так и элементы дифференциации.

Литература

- Арьянова В. Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья. Т. 1. А–К. Томск, 2006.
 Закревская Я. В. Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті. Київ, 1976.
 Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
 Юнаковская А. А. Омское городское просторечие: фразеология. Словарь. Омск, 2004.

Деривационная система повседневности XXI века: хаос – или ассоциативный взрыв устоявшихся стереотипов?

Л. А. Араева

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Деривация, стереотипы, ассоциации

Аннотация. Язык есть результат деривации и действие деривации на всех уровнях, а также в пределах орфографии, пунктуации и шрифта. Укорененные в языковое сознание стереотипы – источники актуализации потенциальных возможностей языка на основе апперцепции – ассоциативного осмысления устоявшихся и новых языковых фактов.

Языковая ситуация современной России описывается в статьях, монографиях, обсуждается на многочисленных конференциях. Жесткие языковые нормы, присущие советской России, с ворвавшейся в СМИ, на телевидение и радио устной речью обрушились. Накопившиеся за 70 лет стереотипы советской эпохи как будто ждали этого момента и дали мощный толчок ассоциациям, породившим новые, порой самые неожиданные языковые формы. Латеральность мышления, присущая человеку от рождения, сдерживаемая вертикальной мыслительной деятельностью мозга, привитой советским временем, расцвела.

Язык – результат деривации и деятельность деривации, «непрерывный поток деривационно-мотивационных процессов» (Н. Д. Голев). Пропозиции – те ментально-языко-

вые структуры знания, которые направляют реализацию мысли в артикулированный звук, слово. Вместе с тем сами пропозиции находятся в плену языка: сдерживаемые устоявшимися грамматическими, фонетическими формами, они незримо управляются этими формами, но вместе с тем они шире их, абстрактнее, тая в себе бесконечный энергичный источник смыслового превращения. Укорененные в языковом сознании стереотипы являют собой «дремлющую, якобы статичную вулканическую массу», готовую взорваться в любой момент. Мысли Т. С. Куна, М. Фуко, Г. П. Мельникова о скачкообразном развитии науки, революционных сменах научных парадигм подтверждают языковой ситуацией в России сегодня. Мы живем в затянувшемся скачке. Иначе быть не может: язык – система сложная,

неравновесная, саморазвивающаяся. Становление новых норм, новых стереотипов идет исподволь, на мощной волне ассоциаций. Языковая игра, основанная на переосмыслении традиционных стереотипов, стала частью повседневности, проявляя действенность естественных категорий Л. Витгенштейна. Она проявляется на всех уровнях языка. Задействованными оказываются также орфография, пунктуация, шрифт. Экономическое сотрудничество с Европой, Интернет внесли свои коррективы: появляются не только английские слова, написанные по-русски, но и слова, в которых одна часть представлена латиницей, а другая – кириллицей.

Старые стереотипы ожили, расцвели новыми ассоциациями, искрометными, озорными, образными. Язык задышал, встрепенулся, стал жить интенсивной, насыщенной яркой внутренней формой жизнью. Интеллектуальный порыв вторгся во все сферы общественной жизни России, проявляя уникальность самосознания русской нации.

Наряду с потоком заимствований, стали востребованными исконно русские суффиксы. Первое слово, означающее то новое, что произошло в России, *перестройка*, образовано прототипичным для русского сознания формантом *-к(а)*. Вдруг, почти из небытия, с развитием частного предпринимательства, становится востребованным суффикс *-ня*: *чайня*, *кофейня*. Старые слова, наполненные новой семантикой, стали нашей обыденностью, связывая новое с чем-то знакомым, родным, понятным. Занял свою нишу суффикс *-овщина*. Имея негативную семантику, он преимущественно соединялся с мотивирующими, означающими литературных героев (*хлестаковщина*, *обломовщина*), нечистые силы (*чертовщина*), и вдруг стал активно образовывать производные от имен политических деятелей: *горбачевщина*, *ельцинщина*, *гайдаровщина*, сохраняя негативную коннотацию. Расширяются семантические границы часто используемых суффиксов: *-ист*: *фламенкист* – танцовщик фламенко; *-ник*: *юбочник* «танцовщик»; *-ушка*: *Волнушка* – название кафе при ресторане «Волна» и др.

Появились новые ассоциации, породившие необычную многозначность.

Мы привыкли к тому, что *собачники* – это люди, любящие собак, выгуливающие их и заводящие на улице дружбу с такими же собачниками. И вдруг разговор на улице: «Зна-

ешь, я стал собачником, завел себе собаку в Интернете, и теперь у меня столько друзей! Попробуй». Это тоже полисемия? Скорее всего, да. Но в первом случае собака – это собака, а во втором – вот такой иероглиф: @. Но ведь ассоциации-то старые. И @ – это своеобразная охрана личного пространства человека. Рушатся стереотипы – открываются новые формально-семантические пространства, с новыми ассоциациями, в основе которых находятся уже привычные.

Деривационная система русского языка раскрыла нереализованные потенции, обретя при этом яркость, образность, экспрессивность – свидетельство ее активной жизнедеятельности.

Такого же рода и деривация текста (о которой писал Л. Н. Мурзин), особенно рекламного. Так называемые авторские знаки, присущие писателям-классикам, стали нормой повседневной жизни. Недавняя реклама:

Остальные 98%

– получают скидку в октябре.

Новая строка начинается с тире. Или текст вообще без знаков препинания, но каждый отрезок с новой строки.

Прецедентные тексты становятся исходными для создания на их основе вторичных текстов с пересекающимися ассоциациями: *Как много в этом вкусе* (Известия. № 185.. 03.10.08); *Уж сколько раз твердила мужу* (КП – Москва. 04.10.08); *Эти гимны не задушишь, не поймешь* (КП. 06.10.08); *Пройду по Грайвороновской, сверну на Газгольдерную* (КП. 06.10.08).

Выделение шрифтом части слова – элемент языковой игры: *Что ПАСЕешь, то и пожнешь* – о Парламентской ассамблее Совета Европы (Известия. № 185. 03.10.08).

Игра со смыслами: *Был титан, стал «Титаник» – Спасем Америку, пока она не утопила всех остальных* (Известия. № 185. 03.10.08).

Даже незначительное число приведенных примеров подтверждают мысль Л. фон Гумбольдта о наличии в языке потенциальных смыслов, которые актуализуются через такую вроде бы статичную языковую пласт, как устоявшиеся стереотипы. Креативность повседневности вскрывает глубинные механизмы языковой динамики. Кажущийся хаос сегодняшней повседневности являет собой непознанные законы бытия, проникновение в которые проявляет действие деривационно-ассоциативных связей устоявшегося и нового.

За словообразователната и лексикална интерпретация на някои интернационализми в славянските езици

Ю. Балтова

Българска академия на науките – Институт за български език (София, България)

Иновации, интернационализми, езикова интеграция, универсализация

Анотация. В докладе мы сосредотачиваем внимание на некоторых инновационных явлениях в славянских языках, которые в лингвистических исследованиях по-разному интерпретируются со словообразовательной и лексической точки зрения. В докладе ставятся вопросы, уточняющие критерии разграничения именных префиксов от первых составных частей композитов, а также вопросы, касающиеся отношения между композитом и сочетанием «аналитического» прилагательного и существительного имени и, соответственно, правил правописания таких дериватов.

1. Развойните процеси в лексикалните и словообразователните системи на славянските езици от края на ХХ и началото на ХХІ в. се отличават с особеност, която от днешна гледна точка може да бъде определена като нов етап на общославянска интеграция или «внутриславянское объединение», както отбелязва Инг. Онхайзер [Онхайзер 2003: 334]. В съществуващата лингвистична литература се посочва, че главната причина за тази особеност е тенденцията към интернационализация, която е една от водещите тенденции в разволя на славянското езиково семейство. Въздействието на процесите на интернационализация се проявява в многобройните лексикални и словообразователни иновации, сред които от особена важност и значение представят: включване и адаптиране на интернационална лексика в речниковия състав на всеки отделен славянски език; обогатяване на лексикалния състав на езиците с нови единици, възникнали при откъсване на сегменти от чуждоезикови лексеми (срв. *радио*, *видео*, *кино* и др.); функционална трансформация на чуждоезикови елементи от заети лексикални единици в словообразователни морфемни (срв. *-гейм*, *-мен* и др.); активи-

зиране продуктивността на утвърдени в славянските езици чуждоезикови афикси, които до скоро са стояли в периферията на полето от словообразователни средства; ускорено развитие на именната префиксация и обогатяване на префиксалния инвентар с нови чуждоезикови форманти; разширяване на композитообразуването (макар и неравномерно) във всички езици и утвърждаване на нови модели, нетипични за славянското традиционно словообразуване и др.

2. Универсализацията, наблюдавана днес в лексикалните и словообразователните системи на славянските езици, в никакъв случай не застрашава националната им специфика и не води до заличаване на традиционното наследство. И това особено добре личи в композитообразуването, където паралелно с новите начини за образуване на композитуми (срв. *бизнесдама*, *роксъстав*, *фотомодел*, *джазпевец* и др.) функционира и традиционните за славянското словообразуване типове (срв. *фуражешалка*, *газочистка*, *птицеферма*, *ковроткач* и др.).

3. Префиксалните иновации и непрекъснатият ръст на броя на композитумите съществителни и прилагателни имена

определят постепенно, макар и неравномерно във всички славянски езици разместване в «йерархията» на отделните лексикални пластове и тяхното преподреждане главно в посока от периферията към центъра на речниковия състав.

4. Огромният корпус от иновации в лексиката и словообразуването на славянските езици, недвусмислено потвърждаващ универсализационните процеси, поставя пред славистите проблеми, които се нуждаят от навременно решаване не само поради своята актуалност, но поради необходимостта от практическо приложение в лексикографията и нормативно узаконяване.

Достатъчно е да бъдат посочени като пример различията в лексикалната и словообразователната интерпретация на една значителна част от словообразователните интернационални форманти (срв. напр. *анти-*, *квази-*, *вице-* и др.), различното третиране на съставни части на композитуми (срв. *радио-*, *видео-*, *-мания*, *-бизнес* и др.) или пък приемането на съществуването на «съставни думи» в славянските езикови системи. Съществуващият «разнобой» в теоретичните и описателните изследвания по тези въпроси (вж. [Вачкова, Вачков 1998]; [Земская 1992]; [Мурдаров 1983]; [Komparacja 2003]; [Waszakowa 2005] и др.) се отразява в лексикографията и в създаването на нормативни правописни справоч-

ници (вж. напр. [НПРБЕ 2002: 43–61]). Тези факти налагат сближаване на мненията или възприемане на единно мнение за интерпретиране на езиковите явления и за начините на тяхното приложение в езиковата практика.

Литература

- Вачкова К., Вачков В. Словообразуване и аналитизъм. Типологична обусловеност на някои словообразователни процеси в съвременния български език // Славянска филология. Т. 22 (Доклади за XII международен конгрес на славистите Краков, 1998). София, 1998. С. 95–101.
- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- Мурдаров Вл. Съвременни словообразователни процеси. София, 1983.
- Нов правописен речник на българския език. София, 2002 (= НПРБЕ 2002).
- Онхайзер И. Системно-структурные тенденции // Komparacja współczesnych języków słowiańskich, Słowotwórstwo / Nominacja. 1. Opole, 2003. С. 317–338.
- Komparacja współczesnych języków słowiańskich, Słowotwórstwo / Nominacja. 1. Opole, 2003 (= Komparacja 2003).
- Waszakowa K. Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005.

Способы и средства образования дериватов от аббревиатур иноязычного происхождения в современном русском языке

Л. А. Баранова

Крымский государственный медицинский университет им. С. И. Георгиевского (Симферополь, Украина)

Аббревиатуры иноязычного происхождения, дериваты

Аннотация. В докладе рассматривается один из аспектов процесса освоения русским языком аббревиатурных заимствований: их словообразовательный потенциал, способы, средства и специфические особенности формирования дериватов на их основе.

Предметом исследования являются иноязычные по происхождению аббревиатуры, в той или иной форме заимствования употребляемые в русском языке новейшего времени. Как известно, аббревиатуры иноязычного происхождения функционируют в современном русском языке в весьма разнообразном виде. В некоторых из них мы не всегда замечаем их иноязычное происхождение – это кальки, сокращения давно переведенных на русский язык многочленных наименований (*ООН*, *США*). В других не всегда узнаём аббревиатуры – это иноязычные сокращения, лексикализовавшиеся еще в языке оригинала и пришедшие в русский язык уже в виде самостоятельного слова, оформленного строчными буквами (*гестапо*, *лазер*). Есть также аббревиатуры (главным образом, слоговые), которые становятся таковыми только в русском языке, подвергшись в нем сокращению, в языке же оригинала они функционируют в виде развернутого словосочетания (*Совбез ООН*, *Госдеп США*). Значительную группу составляют аббревиатуры, передающие исходное иноязычное сокращение в виде его транслитерации или транскрипции (*НАТО*, *Кейфор*). Еще одну большую, стремительно развивающуюся в русском языке последних десятилетий группу составляют аббревиатуры, не освоенные графически, сохраняющие свое исходное написание латиницей (*GSM*, *SMS*). Каждая из этих групп обладает разным словообразовательным потенциалом, разной сочетаемостью и разными средствами формирования дериватов.

Наиболее продуктивной с точки зрения формирования производных является группа аббревиатур, лексикализовавшихся еще в языке-источнике и заимствованных русским языком в виде транслитерированных цельноформленных слов. Обладая всеми присущими русскому слову характеристиками, они легко соединяются с русскими словообразовательными формантами: *лазер* – *лазерный*, *гестапо* – *гестаповский*, *гестаповец*; *Интернет* – *интернетовский*, *интернетизация*, *интернетчик*.

Не менее продуктивны (хотя и немногочисленны) заимствованные аббревиатуры, лексикализовавшиеся уже в русском языке. Следует отметить, что в этой группе лексикализируются, как правило, не транслитерации иноязычных инициально-буквенных аббревиатур, а русские транскрипции исходных названий составляющих их букв (*DJ* – *ди-джей* –

диджей, *PR* – *пи-ар* – *пиар*), поэтому исходная аббревиатура и полученное русское образование могут отличаться количеством буквенных компонентов. Наделенные всеми формальными признаками русского слова, такие образования свободно сочетаются с русскими аффиксами и в ряде случаев могут образовывать целый ряд производных: *диджей* – *диджейский*, *диджеинг*, *диджейство*, *диджеить*; *пиар* – *самопиар*, *антипиар*, *лжепиар*, *пиарицик*, *пиарицица*, *пиаровец*, *пиармен*, *пиарас*, *пиараст*, *пиаризация*, *пиарицина*, *пиаровский*, *пиарный*, *пиарить*, *пропиарить*, *пиариться*, *запиариться*, *попиариться*, *перепиариться*, *пиарящийся*, *распиаренный*. По той же схеме образуются производные и от калькированных или транслитерированных, но не лексикализовавшихся аббревиатур: в качестве основы для дериватов выступает звуковой комплекс самой аббревиатуры (для инициально-звуковых сокращений: *НАТО* – *натовец*, *натовский*, *антинатовский*; *СПИД* – *спидофобия*, *спидоноситель*) либо сочетание названий составляющих их букв (для инициально-буквенных сокращений: *СС* – *эсэсовец*, *эсэсовский*; *ЦРУ* – *цэрэушник*, *цэрэушница*, *цэрэушный*).

С помощью русских слово- и формообразовательных аффиксов дериваты могут быть образованы и от заимствованных аббревиатур, графически не освоенных русским языком, недавно вошедших в него и используемых только в написании латиницей. По способу образования в данной группе могут быть выделены две подгруппы:

- 1) дериваты, основу которых составляют русские транскрипции названий буквенных компонентов нетранслитерированной аббревиатуры: *сидишка*, *сидюк* < *CD*, *дивидишка*, *дивидишный* < *DVD*, *эсмэска* < *SMS*, *симка* < *SIM-карта*;
- 2) гибридные дериваты, в которых с русскими формантами соединяются графически не освоенные аббревиатуры: *CDшка*, *SMSка*, *PRцик*. Как и в первой подгруппе, аббревиатурные части гибридных образований произносятся в виде наименований их буквенных компонентов в языке-источнике и русского наименования цифровых компонентов (если они имеются): *ПТшник* – [*айтишник*], *MPЗшка* – [*эмпэтришка*].

Наблюдения показывают, что в последнее время в языке СМИ появляются дериваты от заимствованных (транслите-

рированных и нетранслитерированных) аббревиатур, образованных с помощью транслитерированных иноязычных аффиксов (например, суффиксов со значением действия *-ing* или производителя действия *-er*), используемых для образования соответствующих по смыслу дериватов в языке-оригинале: *НЛПер < NLPer*; *DJ-инг / диджеинг < DJing*. Т. е. не только сами аббревиатуры, но и их дериваты вместе с исходными словообразовательными аффиксами заимствуются в разной графической форме, включая гибридную. Очевидно, что такой вид графодеривации (термин Т. В. Поповой) складывается по аналогии с соответствующими процессами в языке-источнике (где они тоже принадлежат скорее к языковым новациям, чем к традиционным словообразовательным средствам). Примеры таких образований в русском языке пока немногочисленны, однако позволяют предположить наметившуюся тенденцию деривационного словопроизводства.

Говоря о способах формирования производных от инициальных аббревиатур, нельзя обойти вниманием еще одно, характерное скорее для языков с аналитическим строем, явление, получившее в последнее время широкое распространение в русском языке. Речь идет об особом рода составных существительных – новой категории слов на периферии синтаксиса и словообразования, для которых предлагался целый ряд наименований – **биномины** (В. Шаде, М. В. Костромина), **изафеты** (В. Г. Костомаров), **юкстапо-**

зиты (А. Дармштеттер): *DVD-плеер, VIP-клиенты / ВИП-гости, вип-апартаменты, PR-акция / Пи-Ар-акция, пиар-акция*. Иноязычные аббревиатуры могут функционировать в их структуре как в кириллическом, так и в латинском написании, образуя гибридные формы. Отметим, что именно в гибридных биноминах наблюдается иногда явление тавтологии, выраженной средствами разных языков, когда второй компонент биномина присутствует в сокращенном виде в аббревиатуре, составляющей его первую часть: *VIP-персона, CD-диск, DVD-диск, SMS-сообщение, IT-технология*.

Наблюдения показывают, что от одной и той же аббревиатуры производные могут образовываться разными способами, как и сами аббревиатуры на первом этапе освоения их русским языком могут употребляться в разной графической форме, сосуществовать в виде нескольких вариантов, пока со временем не складывается предпочтение в употреблении одной из форм: *SMSка – эсмэска, CDшка – сидишка, PR-щик – PRщик – пиарщик, ITшник – IT-специалист*. Такого рода варианты могут дифференцироваться и по сферам их употребления: одни из них являются принадлежностью письменной речи, другие же используются преимущественно в разговорной речи или жаргоне (например, компьютерном). Эволюция словообразовательных моделей, формируемых на основе аббревиатур (в том числе иноязычного происхождения), принадлежит, несомненно, нашему времени.

Парадигматические отношения глаголов с префиксом *об-* и их лексикографическая презентация

Р. Беленчикова / R. Belentschikow

Магдебургский университет им. Отто фон Герике (Магдебург, Германия)

Префиксальные глаголы, парадигматика, словообразовательная синонимия, лексикография

Аннотация. На материале одно- и двуязычных словарей современного русского языка и электронных корпусов выделяются некоторые типы парадигматических отношений глаголов с морфом *об-*. В центре стоят фонетическая вариантность и словообразовательная синонимия глаголов с префиксами *об-* и *о-*, специфика и развитие соответствующих словообразовательных типов и вопросы их лексикографического отражения.

1. Префиксальный морф *об-* в русском глагольном словообразовании сочетается с мотивирующими глаголами и именами. В докладе на материале словарей современного русского языка и электронных корпусов выделяются и характеризуются некоторые типы парадигматических отношений глаголов с этим морфом на фонетическом, словообразовательном и лексическом уровнях.

2. Глаголы с морфом *об-* входят в парадигматические отношения с глаголами, образованными от тех же беспрефиксных глаголов с префиксальным морфом *о-*. «Русская грамматика» [РГ 1980: 868, § 867] называет 4 словообразовательных значения, которые характерны для глагольного словообразования при помощи *обоих* префиксов, и указывает синонимичность данных словообразовательных типов.

2.1. Немногие из глаголов с названными морфами в словарях современного русского языка представлены как *фонетические варианты*: они стилистически и семантически не дифференцируются, однако при наличии их в одном и том же словаре отсылка ведется от варианта на *об-* к варианту на *о-*, напр.: **оклевать** (МАС: «кляю, общипать со всех сторон») – **обклевать** (ср. БАС, МАС, БТС и др.).

2.2. В *словообразовательных синонимических парах* глагол с префиксом *об-* характеризуется как стилистически маркированный, чаще – как *разговорный*, ср., напр., в МАС: **оббегать** – **оббегать**, **обежать** – **оббежать**, **окачать** – **обкачать**. Другие синонимы с префиксом *об-* характеризуются в словарях как *устаревающие* (ср., напр., в МАС: **оглядеть** – **обглядеть**, в БАС: **окинуть** – **обкинуть**) или уже *устаревшие* (ср. в МАС: **огибать** – **обгибать**). Некоторые глаголы на *об-* характеризуются как *просторечные*, т. е. как отклонения от лексической и словообразовательной нормы (ср. в МАС: **одурачить** – **обдурачить**, **окоротить** – **обкоротить**). С другой стороны, некоторые глаголы на *об-*, охарактеризованные в МАС как «просторечные», в БТС отмечены как «разговорные», напр., **огородить** – **обгородить**, **огородиться** – **обгородиться**. Здесь отражается общая тенденция коллоквиализации русского языка и ее учет современной лексикографией.

2.3. Во многих случаях глаголы с данными префиксами (или их лексико-семантические варианты) различаются не только стилистически, но и своей *семантикой*. Так, напр., глагол **обкурить** является стилистическим синонимом к слову **окурить** только в своем первом значении (МАС дает отсылку на **окурить**: «обдать дымом с какой-л. целью»), ср. другие значения **обкурить**: 2) (МАС) «обычно в форме прич. страд. проиш. закоптить, пропитать табачным дымом», 3) (МАС) «куря, приспособить, сделать более удобным для курения (трубку, мундштук)» (1–3, ср. также в словаре Ушакова, БАС, БТС), 4) (в жаргоне наркоманов) «Снабжать кого-л. наркотическими средствами для его пользования» [Walter 2002: 59]. Подобные случаи сводятся не к морфологическому словообразованию, а являются результатом семантической деривации (расширения, сужения или переноса значения).

2.4. Как значения, выражаемые только префиксальным типом с *об-* (а не *о-*), РГ называет: 1) «с помощью действия, названного мотивирующим глаголом, превзойти другого исполнителя названного действия (обиграть, обстрелять)»; тип «синонимичен высокопродуктивному типу с префиксом *пере-*»; 2) «причинить ущерб кому-н. (иногда – обмануть кого-н.) с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» [РГ 1980: 363, § 868]. Под влиянием словообразовательного значения данных префиксальных типов образуются и отыменные глаголы, ср. жаргонизм **облажаться** (РНСНС).

Материалы электронных поисков и характеристика глаголов данных групп при помощи словарных помет позволяют сделать вывод, что морф *об-* по сравнению с морфом *о-* вытесняется на периферию чистой префиксации глаголов.

3. Префикс *об-* проявляет определенную продуктивность в смешанных типах словообразования. Судя по стилистической оценке носителя языка и по данным словарей, образованные с ним глаголы также носят разговорную окраску.

3.1. Префикс *об-* выступает в префиксально-суффиксальном и префиксально-суффиксально-постфиксальном типах со значением «наделить признаками того или превратить в того (то), что названо мотивирующим существительным»

[РГ 1980: 376, § 892], ср. примеры из РНСНС: **обвалютить**, **обналичить**, **обневестить**. Как отметила еще Алексеева (1997) на материале неологизмов русского языка, «в конфликтных образованиях выступает преимущественно начальное *о-*. Употребление *об-* объясняется чаще всего совмещением конфликтного словообразовательного значения ‘сделать каким-либо’, ‘снабдить, дать что-либо’ со значением приставки *об-* ‘охватить действием что-либо, вокруг, со всех сторон, по всей поверхности’». Перед гласными обязательным является алломорф *об-*, ср. **обязнать(ся)**, **обамериканить(ся)**.

3.2. Префиксально-постфиксальный тип *об- / -ся* выражает значение, близкое к *сатуративному* способу глагольного действия с формантом *на- / -ся*, ср. глаголы как **обреветься** (БТС) и неологизмы как **обовратиться**, **обрыдаться**, **обсудачиться**. О наличии данного значения в глаголе с конфликтом *об- / -ся* свидетельствует и контекст с сатуративным глаголом, приведенный в РНСНС: «Насмотришься американского кино и *обзавидуешься*» (МК 10.12.97). Данная словообразовательная семантика отражается и в случаях опосредованной мотивации, ср. **чифирить** и префиксально-суффиксальное прилагательное **обчифиренный** (жарг. [Н-88]).

4. *Антонимические* отношения, выделяемые между отыменными типами глагольного словообразования (*о- / об-* и

обез-), редко отражаются на лексическом уровне (**обналичить** – **обезналичить**).

5. Как показывается в докладе на примерах из одно- и двуязычных словарей русского языка (РНС, РНСНС), данные и другие случаи парадигматических отношений префиксальных глаголов должны учитываться в лексикографической работе (отбор словника, макроструктура и отсылочная система словаря, микроструктура словарной статьи).

Литература

- Алексеева А. П. Глагольные новообразования с начальным *о-* и *об-* в современном русском языке последних десятилетий // Языковая семантика и образ мира. Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского гос. университета. 7–10 октября 1997 г. Казань, 1997.
- Русская грамматика. Т. I. М., 1980 (РГ 1980).
http://www.kcn.ru/tat_ru/science/news/lingv_97/n84.htm.
- Russisch-Deutsches Wörterbuch / Hrsg. von R. Belentschikow. Т. 1. Wiesbaden, 2003 и след. (РНС).
- Uluchanov Igor, Hebecker Halka, Belentschikow Renate, Belentschikow Valentin. Русско-немецкий словарь новых слов. М., 2007 (РНСНС).
- Walter H. Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslang. Greifswald, 2002.

Об ограничениях в образовании суффиксальных *nomina loci*

Г. В. Белякова

Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия)

Словообразовательная категория, суффиксальные локативные существительные

Аннотация. В статье рассматриваются основные внеязыковые ограничения при образовании суффиксальных локативных существительных в современном русском языке.

Исследование ограничений в образовании производных слов занимает значительное место в работах И. С. Улуханова. Так, лингвист замечает: «Изучение ограничений и их причин – это переход от констатирующего способа описания к объяснительному, что соответствует многим современным направлениям в изучении грамматики и языка вообще (прежде всего таким, как объяснительная грамматика, естественная морфология, когнитивная грамматика)» [Улуханов 1998: 537].

Целью данной работы стало изучение внеязыковых ограничений в образовании суффиксальных локативных существительных в современном русском языке.

В качестве основного внеязыкового ограничения, очевидно, следует рассматривать незначительную востребованность суффиксальных локативов в настоящее время. Так, О. Я. Иванова, исследовав словообразовательную категорию локативности в русской и английской деривационной системах, называет одним из основных универсальных свойств данной категории неактуальность для современного человека наименований пространств: «наш современный (и русский, и англичанин) полагает, что эта сторона действительности им освоена и названа в достаточной степени» [Иванова 2004: 20]. Наши наблюдения над словообразованием суффиксальных локативов позволяют согласиться с данным утверждением: новые суффиксальные дериваты, называющие пространство, в русском языке в настоящее время не образуются, при этом локативы, называющие территории и вместилища, обладают определенной степенью востребованности.

Анализ количественных параметров показал, что из десяти основных частных словообразовательных значений наибольшее число производных имеют следующие типы *nomina loci*: 1) ‘место действия’, 2) ‘место как результат действия’, 3) ‘место нахождения чего-л.’, 4) ‘место проживания / отдыха’, 5) ‘место, характеризующееся каким-л. признаком’, 6) ‘место произрастания какого-л. растения’. Следует заметить, что 1, 2, 4 и 5 подгруппы в настоящее время практически не пополняются новыми словами, что, очевидно, объясняется достаточной степенью «названности» подобных реалей. Весьма незначительной продуктивностью обладает 6 подгруппа. В третьей же группе, как правило, появляются слова, называющие место, где предмет не просто находится, но хранится. Обычно это наименования различного рода

вместилищ. Заметим также, что с появлением в русской морфемике заимствованного суффикса *-тек(а)* возникла подгруппа *nomina loci* – названий систематизированных хранилищ однородных предметов (*винотека*, *запахотека*). Как представляется, потенциал данной группы ограничен лишь количеством предметов, для сохранности которых необходимы определенные условия (в частности – размещение их в специально оборудованных вместилищах).

Привлечение к исследованию материалов исторических словарей, а также толковых словарей, фиксирующих лексику предыдущих периодов развития русского языка, позволило сделать вывод о том, что наши предки имели большую склонность к «детальной» характеристике окружающего их пространства, к выделению и, собственно, названию отдельных участков этого пространства, например: *погребнице* ‘яма от бывшего погребя’, *черепичник* ‘место, где грядками лежит черепица’. По нашим наблюдениям, в последние годы сформировался устойчивый интерес к вместилищам особого рода – различным коробочкам, шкатулочкам, баночкам и т. п. (*визитница*, *таблетница*).

Неактуальным для современного человека является частное словообразовательное значение ‘там, где работает кто-л.’ (*столярка*, *бондарня*, *кочегарка*). Своеобразное «перепрофилирование» наблюдается у частного словообразовательного значения ‘там, где изготавливают что-л.’ Ранее подобные дериваты, как правило, использовались для наименования производственных мастерских, например: *сухарня* ‘заведение, в котором изготавливают сухари’. Сейчас данную подгруппу пополняют наименования различного рода посуды, в которой готовят то, что названо производящей основой, например: *сотейник* ‘сковородка для приготовления *sote*’.

Возникшая в 20–30-е гг. XX в. потребность в наименовании мест, где испытывают механизмы либо производят соревнования с их использованием была удовлетворена посредством создания словообразовательного типа, оформленного заимствованным суффиксом *-дром*. Однако впоследствии интерес к подобному роду дериватам резко уменьшился в силу ряда внеязыковых причин (см. работы Е. В. Красильниковой и Л. В. Аллеевой).

Резервными (т. е. существующими, но мало используемыми) являются следующие частные словообразовательные значения: ‘там, где создан определенный тип среды’ (*водо-*

дром), 'там, где лечат от определенной болезни' (*лепрозорий*), 'там, где продают / продают что-л.' (*кофейня*). (В последнем случае следует говорить о занятости названной «семантической клеточки» дериватами адъективного типа склонения (*булочная, блинная, гамбургерная*.)

У И. Г. Милославского находим замечание о том, что локативы со значением 'место действия' «могут быть образованы от глаголов лишь в том случае, когда для данного действия характерно какое-то особое место (*парильня, спальня, жилище, но писать, думать, ходить*)» [Милославский 1980: 154]. Ограничения в образовании deverбальных суффиксальных существительных связаны также с сокращением потребности в определенном типе помещений. Так, например, в настоящее время локативы не образуются от основ глаголов профессиональной деятельности. Ср.: *зернить* 'дѣлать зернистым, приводить въ зерна' [САР-1907, т. II, вып. 9: 2603] → *зернильня* 'рабочая комната, гдѣ зернится порошок' [Там же: 2601].

Ограничения для дериватов со значением 'место, которое характеризуется признаком, названным производящей основой' обусловлены количеством признаков, способных образовывать подобные производные. Как уже отмечалось, deadъективы с локативным значением, как правило, образуются от основ качественных прилагательных. С высокой

степенью вероятности можно предположить, что прилагательные, называющие качества характера (*гордый, добрый, жадный* и т. п.), интеллектуальные качества (*умный, глупый, мудрый* и т. п.), физические качества людей и животных (*глухой, слепой, хилый* и т. п.), не будут использоваться для образования локативов.

Таким образом, внеязыковые ограничения в образовании суффиксальных локативных существительных могут быть сведены к не востребоваемости либо к незначительной востреваемости конечного продукта процесса словопроизводства, действующего в рамках данной словообразовательной категории.

Литература

- Иванова О. Я. Лингвокультурная специфика словообразовательной категории локативности (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004.
- Милославский И. Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980.
- Улханов И. С. О закономерностях сочетаемости морфем в славянских языках // Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов: доклады российской делегации. Отделение литературы и языка РАН. М., 1998.

Парадигматический характер славянских языков и синтагматический способ их описания (на материале русского и сербского языков)

В. В. Борисенко

Филологический ф-т Белградского университета (Белград, Сербия)

Синтагматика, парадигматика, фузия, агглютинация, слова-юрты, слова-особняки

Аннотация. В докладе речь идет о перестройке лексической системы языка: о новых словах-юртах, которые соответствуют синтагматической модели слова.

1. Соотношение слова и морфемы – ключевое для определения характера языка. Два различных определения морфемы: а) как минимальная значимая единица языка; б) как минимальная значимая часть слова. При первом определении слово является синтагмой морфем, и главная роль здесь отводится морфеме, отсюда нет принципиальной разницы между словом и словосочетанием, а в конечном плане – между словом и морфемой. Примером такого синтагматического языка является английский. Напротив, при втором определении морфемы первичной единицей является слово. Оно может хуже или лучше делиться на морфемы, слово обладает фразеологичностью, и потому его семантика не является суммой значений морфем, всегда есть какой-то семантический додаток. Сами стыки морфем в таких словах имеют физиологичный характер – это химический сплав, а не механическое приклеивание (агглютинация), когда видны швы соединения морфем. Поэтому такие слова не всегда можно разбить на морфемы без остатка. В языках такого типа слово – это прежде всего парадигма словоформ, а не синтагма морфем. Таким парадигматическим языком является русский язык.

2. Таким парадигматическим языком являлся и древнегреческий язык. Поэтому греческие грамматики дали его описание, не обращаясь к понятию «морфема». Слово претерпело в зависимости от грамматической позиции (падежа, числа или лица, числа и времени) ряд метаморфоз. Это могли быть чередования гласных или согласных, выпадения гласных или согласных, их вставки – словом, различные фонетические превращения словоформ, вплоть до супплетивизма, но всегда, если они входили в одну парадигму склонения или спряжения, они воспринимались как одна лексическая единица, т. е. как одно слово. (Подобно тому, как Зевс, являясь лебедем перед Ледой, или быком перед Европой, или богом-громовержцем перед Герой, – всегда остается одним и тем же божеством.)

3. Славянские грамматики первоначально создавались по облику и подобию греческих, т. е. парадигматически. Однако с XIX в., после успехов компаративистики, когда основными диахроническими единицами стали корни, приставки, суффиксы и окончания, главное внимание лингвистов пе-

решло от слова к морфеме. Вместо чередования падежных словоформ стало возможным описывать различные формы слова как синтагмы морфем. Там, где в языке есть стандартные аффиксы, можно представлять слово как синтагму морфем, напр., корень + суффикс + флексия и т. п. Однако в славянских языках, где нет стандартизации всех аффиксов, где часто от корня зависит выбор аффикса, а сами корни изменчивы (от чередования отдельных фонем – до супплетивизма), синтагматическое описание структуры слова порой вызывает трудности и приходится прибегать к понятиям типа «унификс» или «суффиксоид», чтобы поделить слово на морфемы без остатка.

4. Тенденция к аналитизму в славянских языках вызвала, в частности, в русском языке, новый тип слов, который М. В. Панов назвал аналитическими прилагательными, другие исследователи их числят морфемами (т. е. приставками, корнями и т. п.), но, как бы их ни называть, они образуют в русском языке новый тип слов. По М. В. Панову, это слова-юрты, т. к. их легко собрать или разобрать, поскольку они состоят из стандартных блоков. У таких слов нет и фразеологичности – они и семантически делятся без остатка на составляющие их значения морфем; иначе говоря, морфемы в таких словах обладают свободной сочетаемостью, а потому и не отличаются от стандартных несочетаемых слов типа *радио-, теле-, кино-, супер-, нано-* и т. п. В отличие от них основной тип славянских слов составляют слова-особняки (если оставаться в семантическом поле типов домостроительства), где каждое слово – семантический уникат и неразложимо семантически на составляющие его морфемы (ср. русск. *пролив* и серб. *пролив* и т. п.).

5. Наблюдающаяся в современном русском языке тенденция перестроиться от слов-особняков к словам-юртам типа *фиш-пикник, ток-шоу, бизнес-вмен, сам-издат, мастер-класс* и т. п. может быть объяснима как влиянием языкознания (английских заимствований) в славянских языках, так и самой синтагматической моделью описания грамматики германских языков, по облику и подобию которой в последнее время создавались и грамматики русского и сербского языков.

Поэтическое словообразование как фактор появления инноваций в языке

В. Н. Виноградова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Поэтический окказионализм, словообразование, функции, текст

Аннотация. В докладе рассматриваются возможности взаимовлияния поэтического словообразования и словообразования общелитературного языка в его разных функциональных разновидностях.

Каких бы уровней языка мы ни касались, мы должны констатировать, что наибольшие изменения в последнее время произошли в стилистике – в употреблении языка в его разных функциональных разновидностях и жанрах. Это относится и к словообразованию – новообразования в нем, в основном, касаются не новых словообразовательных типов, появляющихся вообще в языке (хотя и это явление не исключено), а развитию старых типов и способов образования новых слов в новых жанрах и разновидностях речи. При этом могут меняться их функциональная и стилистическая значимость, текстовые функции, степень экспрессивности, что влияет и на степень продуктивности тех или иных словообразовательных типов. Если подобные изменения в использовании разговорно-просторечных и книжных типов не раз были предметом описания, то возможности взаимовлияния поэтического словообразования и общелитературных подсистем словообразования изучены гораздо меньше, хотя оно, несомненно, существует и является одним из движущих факторов развития словообразования вообще.

Так, широкое развитие в художественной прозе и публицистике середины XX века образований с суфф. *-ята*, *-инка*, видимо, имело своим источником отдельные поэтические окказионализмы начала XX века типа *глазята (стали черными, ослепли золотые глазята подсолнухов* – В. Хлебников), *недужинка (девушке с легкою недужинкой* – Игорь Северянин).

Использование двух основ существительных в сложном слове без соединительного гласного в административных номинациях типа *РусьБанк* или основы прилагательного / наречия в бессуффиксных номинациях *быстросуп*, *Быстрокредит* (банк) также имеют, видимо, источником поэтические окказионализмы типа *озерзамок*, *зеркалозеро*, *златополдень* (И. Северянин), *желтосерп* (И. Анненский – в свою очередь последние, по всей видимости, основывались как на образце, на топониме *Белоозеро*).

Широкое использование контаминаций в поэтическом языке последнего времени большей частью не с ироническими целями соседствует с газетно-публицистическим приемом, имеющим источником разговорно-иронический прием создания каламбуров, широко распространенный в иронических стихах и эпистолярной прозе XIX века. Паронимическая аттракция вообще изначально будучи, вероятно, поэтическим приемом, сближающим «далековатые» понятия, широко распространяется в газетно-публицистических изданиях в качестве средства обличения и сарказма. В докладе рассматриваются указанные и другие поэтические средства, которые, даже будучи функционально обособленными в особую подсистему словообразования поэтического языка, тем не менее способны воздействовать на расширение продуктивности и функции подсистем словообразования общекommunikативной речи.

Понятие *маленький* в словообразовательной системе латышского и русского языков

А. Вулане

Латвийский университет (Рига, Латвия)

Маленький, словообразование, латышский язык, деминутив

Аннотация. Понятие *маленький* является одним из компонентов оппозиции *большой* – *маленький* и имеет свою систему словообразовательных, лексических и синтаксических средств выражения. Латышский язык, как и русский, богат деминутивами, которые чаще всего встречаются в системе существительных и прилагательных и с точки зрения значения являются полисемантическими номинантами. В докладе предполагается дать краткий обзор словообразовательных средств выражения понятия *маленький* в латышском языке, проанализировать семантические нюансы вторичных слов, по возможности представляя сопоставление с русскими эквивалентами или аналогами.

Каждый язык располагает специальными средствами выражения разного рода аксиологических значений и экспрессивности. В современном языкознании большое внимание уделяется исследованию способов и средств выражения аксиологических и эмоционально-экспрессивных значений.

Одними из репрезентантов этой системы являются понятия *маленький* и *большой*, образующие семантическую оппозицию. В русском языке данная оппозиция отражена не только на лексическом, но и на словообразовательном уровнях. В латышском же языке она выражается только лексическими средствами. Деривационные аффиксы активно используются лишь для передачи понятия *маленький* (деминутивы), напр., *нос* → *носик* – *носиче*, *носяра* и *deguns* → *deguntiņš* / *deguntelis*, но – *loti liels*, *milzīgs deguns* (букв. *очень большой, огромный нос*).

Деминутивность является характерной частью латышской разговорной речи. Особенно велико их количество в фольклорных русских и латышских текстах, в частности в латышских дайнах. Следует отметить существенное сходство латышских и русских деминутивов (как в количественном, так и в семантическом аспекте) – они во многих случаях выражают субъективно-оценочные значения и эмоциональную экспрессивность.

Как в латышском, так и в русском языке образования с субъективно-оценочным маркированием охватывают не

только существительные, но и прилагательные, глаголы и даже наречия, где соответствующие префиксы или суффиксы используются для выражения интенсивности (малости) проявления качества или действия, напр.: *-iņ-*, *-īt-* (*-еньк-*, *-иньк-*, *-оньк-*), *pa-*, *ie-*, *-g-*, *-gan-*, *-an-* (*-оват-*), в системе которых проявляются отличия как на уровне использования определенных аффиксов, так и на уровне мотивационных возможностей (ср. *длинноватый* – *pagarš*, но *хитроватый* – *mazliet viltīgs*). Это, в свою очередь, связано с неоднородностью семантической структуры понятия *маленький*, т. к. в нее входит как реальное уменьшение, так и оценочное уменьшение: денотаты в языковой картине мира народа могут быть представлены в шкале *меньше нормы* – *норма* – *больше нормы*. Эта градация реальной картины мира (меньше – больше) распространяется не только на предметный мир, но и на качество, количество, интенсивность, активность этого мира.

Понятие *маленький* полнее всего выражено в латышской субстантивной системе (как и в русском языке), здесь в его реализации принимают участие более сорока суффиксов (большая часть которых встречается только в говорах).

В латышском литературном языке доминируют суффиксы *-iņ-*, *-tiņ-*, *-(sn)iņ-*, *-īt-*, *-el-*, *-uk-*, в разных деривационных контекстах коррелирующие с русскими суффиксами *-ок-*, *-енок-*, *-онок-*, *-ек-*, *-ик-*, *-иц-*, *-чик-*, *-ц(е)*, *-х(о)*, *-ышк-*, *-ошк-*,

-к(а), -еньк-, -ишк-, -ичк-, -ечк-, -очк-, -енк-, -ельк-, -ельк-, -ул-, -урк- и др. (*dēliņš, dēlūks, dēlēns* – сынок, сыночек, сын-уля; *tīgerēns, tīgerītis* – тигренок; *lācēns, lācītis, lāčuks* – медвежонок, *uguntīna* – огонек, *galdiņš* – столик, *pirkstīņš* – пальчик, *kociņš* – деревце, *spainītis* – ведро, *traipīņš* – пятнышко, *lodziņš* – окошко, *rociņa, rokele* – ручка, ручонка, рученька, *kājiņa, kājele* – ноженька, ножка, *avīzele* – газетёнка, *ūdentīņš* – водичка, *voduca, krāsniņa* – печурка, *nūjiņa* – палочка, *māšele, māšuks, māsiņa* – сестренка, сестрица, сестричка, *pilīte, pilieniņš* – капелька, *zobentiņš* – сабелька и др.).

Сопоставляя деривационные средства выражения понятия 'маленький', можно констатировать межъязыковую асимметрию на количественном уровне, но полную симметрию на содержательном уровне. В латышском языке суффиксы привязаны к типу склонения существительных, а в русском языке такая прямая связь не наблюдается.

Уменьшительное значение в латышском языке, так же как в русском, чаще всего сопровождается оценочно-экспрессивной маркировкой, которая к тому же варьируется в зависимости от конституции. Например, деминутив типа *strādnieciņš* (букв. *работничек*) по отношению к ребенку выражает значение реального уменьшения, а также значение ласки, нежности, восхищения, иногда – жалости. В обращении к взрослому такие деминутивы теряют значение реального уменьшения и приобретают семантику ласкательности, уважения или иронии, пренебрежения и т. п. Соответствующая форма женского рода обычно не маркируется негативно и используется только для выражения понятия *маленький* (*strādniecīte; meitenīte* 'маленькая девочка') или / и значения нежности, ласки, возможно, даже – жалости.

Характерной сферой функционирования понятия *маленький* и деминутивных суффиксов является разговор взрослых с ребенком (как и в русском языке), когда взрослые посредством деминутивов принимают координаты детского мира.

В таком контексте дериваты нередко приобретают ласкательное значение, реже – пейоративное.

В системе личных имен деминутивные суффиксы в сопоставляемых языках также используются для выражения понятия 'маленький', которое сопровождается разными эмоциональными и оценочными. Отличие проявляется как в количественном, так и в коннотативном аспекте: в русском языке активно функционирует очень богатая и разнообразная система уменьшительных имен. В латышском языке не наблюдается такого количественно-семантического разнообразия, особенно в литературном языке.

Значительным отличием является то, что в латышском языке деминутивы именно со значением 'маленький' образуются от многих абстрактных существительных, напр.: *dzīvīte, dzīvībiņa* – жизнь, *laimīte* – счастье, *kapīni* – кладбище, *pasaulīte* – мир, свет, *tiesībiņas* – права, *prezidentīņš* – президент, *rektorīņš* – ректор, *referātiņš* – доклад, *rakstiņš* – статья (ср. *rakstelis* – *статья*) и т. п. Некоторые из них в определенном контексте получают и ласкательное или пренебрежительное значение.

Как в русском, так и в латышском языках некоторые слова со временем теряют значение уменьшения, например, *kūtiņš* 'мелок', *ratiņš* 'прялка', *spolīte* 'катушка'. Более того, в современной терминологической системе латышского языка типичные деминутивные суффиксы *-iņ-*, *-īte* используются для образования экспрессивно не маркированных существительных. В некоторых случаях образования с данными суффиксами со временем теряют не только изначальное деминутивное значение, но и обретают другую семантику, например, латышское *tēviņš* 'самец, но не папочка', *māīte* 'самка, но не мамочка'.

При анализе понятия *маленький* мы обращаем внимание также на то, какие объекты в сознании двух народов не входят в систему *большой* – *маленький* и тем самым не подлежат деминутивизации.

Словообразовательный потенциал слова *один* в современном русском языке

А. Р. Гелегаева

Дагестанский государственный университет (Махачкала, Россия)

Деривационный потенциал, словообразовательное гнездо, парадигма

Аннотация. Слово *один* по своим деривационным возможностям имеет много общего с потенциалом других числительных первого десятка, но вместе с тем существенно от них отличается.

Полисемия анализируемого слова обеспечивает ему широкую синтагматику: оно сочетается не только с конкретными существительными, как числительное, но и со словами других лексико-семантических разрядов (абстрактными, вещественными, собирательными и даже собственными). Отмеченные особенности наряду с высокой частотностью, стилистической немаркированностью предопределяют богатый деривационный потенциал слова *один*. Его словообразовательное гнездо (СГ), состоит из почти 300 производных [Тихонов 1985], причем большая их часть (174 слова) входит в словообразовательную парадигму самого слова *один*. В производных реализуется как числовое, так и другие значения этого слова. На числовом значении (ЛСВ 1) базируется блок производных числительных, но этот блок парадигмы нашего слова, в отличие от других числительных, представлен лишь словом *одиннадцать* и составными числительными типа *двадцать один, сто один* и т. д., образованными соположением компонентов. Счетное прилагательное («порядковое числительное»), как и у слова *два*, образуется супплетивно и не входит в СГ; отсутствие названий десятков типа *двадцать, пятьдесят* и сотен типа *двести, пятьсот*, а также собирательного числительного, имеющих в СГ других числительных первого десятка, объясняется объективными, логическими причинами, как и отсутствие глагола со значением «увеличить в ... раз» типа *удвоить, утроить. Увеличить в один раз* – это оставить число без изменения.

Словом *один* в количественном значении (ЛСВ1) мотивируется существительное *один* со значением лица (*Семеро одного не ждут*), а также наречие *однажды*, прилагательные *одинарный, одиночный* и целый ряд сложных слов, об-

разованных комбинированным способом – сложением с суффиксацией в том числе и с нулевой: *одн-(о)-этаж-н-ый, одн-(о)-раз-ов-ый, одн-(о)-глаз-Ø-ый, одн-(о)-люб-Ø* (ср. *одн-(о)-жен-ец*). Число таких сложных прилагательных может быть ограничено лишь сочетательными возможностями слова *один* в количественном значении. Прилагательные-композицы семантически ничем от мотивирующих их частей конкретных существительных с количественным числительным в роли определения не отличаются, они выполняют, как отмечает Е. А. Земская, конструктивную функцию, способствуя упрощению синтаксической структуры речи [Земская 1992: 5]. ЛСВ1 анализируемого слова образует самые длинные словообразовательные цепи, т. к. мотивированное им производное числительное *одиннадцать* служит базой для образования других производных – простых и сложных слов – на 2-й ступени словообразования. Ср.: *один – одиннадцать – одиннадцать-Ø-ый – в-одиннадцать-ых; один-один-надцать – одиннадцать-(и)-лет-н-ий; один – один-надцать – одиннадцать-(и)-класс-ник – одиннадцатькласс-ниц-а*. При образовании последнего слова цепи происходит усечение суффикса *-ник* производящей основы. Словообразовательная парадигма слова *одиннадцать* (2-я парадигма) включает самое большое число производных (8), но она может быть расширена, т. к. при необходимости легко образуются сложные прилагательные типа *одиннадцатистраничный* (доклад), *одиннадцатичасовой* (поезд), *одиннадцатирублевый* (журнал) и др.

Качественные значения слова *один* [«без других, в отдельности от других» (ЛСВ2) и «тот же самый, тождественный» (ЛСВ5)] мотивируют производные типа *одинокий*,

одинаковый, одиошеник, а также сложные прилагательные и существительные типа *одновременный, одноименный, однообразный, однородный, однотипный, одноклассник, однополчанин, однокурсник, односельчанин, однофамилец* и др. Разные качественные значения слова один мотивируют производные разных типов: ЛСВ2 – простые производные, главным образом качественные прилагательные, которые в свою очередь могут служить базой для образования абстрактных существительных (*одиночество, одиночество*), существительных со значением «носитель признака» (*одинокий* – субстантиват – *одиночка, одиночник*). Последние, в свою очередь, образуют производные – женские корреляты к словам мужского рода (*одинокий* – *одинокая; одиночник* – *одиночница*). Словообразовательным средством в первой паре служит нулевой суффикс (ср. *сосед* – *соседка*), при образовании слова женского рода во второй паре феминный суффикс *-ниц(а)* присоединяется к усеченной основе (усекается суффикс *-ник*). Существительное *одиночка* имеет свою парадигму (3-я парадигма), включающую префиксально-суффиксальные наречия *по-одиночк-е* и *в-одиночк-у* и целый ряд существительных-композиций, образованных соположением названий лиц (*мать-одиночка, кустарь-одиночка*), а также гоночной лодки (*каноз-одиночка*). Этот список тоже может быть продолжен не только за счет названий гоночных лодок с одним гребцом (*байдарка-одиночка*), но и имен лиц и животных, функционирующих в одиночку: *вор-одиночка, герой-одиночка, волк-одиночка* и др. ЛСВ5 («тот же самый, тождественный») служит базой для образования сложных прилагательных и существительных типа *одновременный, одноименный, одномастный, однообразный, одноплемennyй, однополюный, односторонний, однотипный; одногодок, одностороннее, одноклассник, одноклубник, однокурсник, одноплеменный, однополчанин, односельчанин, однофамилец*. Отдельные сложные прилагательные названной семантики синонимичны таким же прилагательным с первой частью *едино-*, а существительные –

префиксально-суффиксальным производным с префиксом *со-*. Ср.: *однообразный* – *единообразный, однокурсник* – *сокурсник*. Приведенные сложные слова также обладают определенным деривационным потенциалом: сложные прилагательные образуют абстрактные существительные, качественные наречия, могут субстантивироваться при обозначении свойств лица, а также образовывать антонимы, присоединив префикс *не-*. Однако словообразовательные цепи не превышают 3 звеньев. Ср.: *один* – *одн-(о)-тип-н-ый* – *не-однотипный* – *неоднотипн-о*. Абстрактные существительные и наречия с префиксом *не-* допускают полимотивацию. Ср.: *один* – *одн-(о)-тип-н-ый* – *однотипн-ость* – *не-однотипность*; *один* – *одн-(о)-тип-н-ый* – *не-однотипный* – *неоднотипн-о*. Сложные существительные, обозначающие лиц, способны словообразовательными средствами выразить значение пола, поэтому имеются женские корреляты, образованные с помощью суффикса *-ниц(а)*. При необходимости такие корреляты могут быть образованы по модели.

Отдельного замечания требует слово *одинаковый*, выведенное в [Тихонов 1985] за пределы СГ слова *один*, видимо, как претерпевшее опрощение, с чем едва ли можно согласиться. Это прилагательное мотивировано одним из значений (ЛСВ5) слова *один*, о чем свидетельствует возможная их синонимическая замена: *Мы с нею одинакового (одного) роста. У нас одни и те же (одинаковые) вкусы, интересы*. Как видим, перед нами однокоренные слова, связанные мотивационными отношениями. Производные выполняются в подобных случаях функцию объединения частей текста, отсылая к предшествующему высказыванию. Это слово также обладает определенным деривационным потенциалом, как и другие качественные прилагательные.

Литература

- Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
Тихонов Н. А. Словообразовательный словарь русского языка: В двух томах. Т. I. М., 1985.

Потенциальные слова и лексические инновации в поисковых системах Интернета: теоретические и прикладные аспекты

Н. Д. Голев

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Словообразовательный процесс, потенциальное слово, Интернет, статистика

Аннотация. В докладе в свете статистических данных поисковых систем Интернета теоретически переосмысливаются понятия «потенциальное слово», «новое слово», принципы отбора лексических единиц в толковых и словообразовательных словарях. Поисковые системы Интернета обосновываются как новый лингвистический источник с большими исследовательскими возможностями.

1. В теории динамического словообразования все еще остаются недостаточно определенными термины «словообразовательный процесс», «лексические инновации», «потенциальное слово», «реальное слово», несмотря на их активное использование в дериватологических работах. В связи с этим оставляет много вопросов отбор производных в лексикографической практике; к примеру, в «Сводном словаре современной русской лексики» (1991) есть глагол *досверлить*, но нет *додолбить*, есть *страшененький*, но нет *ужасненький*, есть *красноцветный*, но нет *желтоцветный* и т. п. Поэтому критерий зафиксированности единицы в словарях не может удовлетворить потребности в дифференциации потенциального и реального слова. Поисковые системы Интернета показывают, что эти границы принципиально открыты. Так, Яндекс показывает, что *додолбить* (вместе с *додобавить*) отмечен на 9681 странице (данные здесь и далее на 20 октября 2008 г.), *ужасненький* – на 9681, *желтоцветный* – 1040; никаких оснований отказать этим словам (равно как и всему безграничному массиву подобных дериватов) в статусе «реальных слов» у лингвистов нет. На этом фоне обостряется теоретический вопрос о смысле таких префикатов, как «существует в языке», «образуется в языке», «входит в язык», уплотняемых по отношению к словам. В практическом плане Интернет вновь (уже на новом этапе) актуализирует постановку вопроса о принципах формирования словариков в толковых и словообразовательных словарях, словарях неологизмов. Можно предположить,

что интуитивный принцип должен и может на практике быть дополнен объективистским принципом, а эвристический («встретилось – зафиксировали») – системным, подразумевающим поиск дериватов в направлении «от единиц словообразовательной системы к их лексической реализации».

2. Возможность реализации принципа системности позволяет решать и важные вопросы системного словообразования, например, такие, как измерение лексической мощности словообразовательных типов, деривационной мощности классов мотивирующих слов, описание особенностей лексического функционирования словообразовательных цепочек, гнезд и парадигм. Проиллюстрируем этот тезис квантитативной характеристикой фрагмента отадекватной словообразовательной парадигмы, предложенной Е. А. Земской (1973; усл. знаки и сокращ.: м. – млн., т. – тыс., (-) – отсутствие слова, по Е. А. Земской). **Красный** – 129 м., *красненький* – 568 т., *красноватый* – 969 т., *краснеть* – 2 м., *краснеть* – 18 т., *краснуха* – 868 т., *краснизна* (-) – 3, *краснушка* (-) – 6 т., *краснянка* (-) – 5 т. **Синий** – 48 м., *синенький* – 449 т., *синеватый* – 250 т., *синеть* – 3 м., *синить* – 3 м., *синюха* – 84 т., *синизна* (-) – 157, *синюшка* (-) – 11 т., *синянка* (-) – 231. **Белый** – 147 м., *беленький* – 3 м., *беловатый* 250 т., *белеть* – 899 т., *белить* – 2 м., *белуха* (-) – 301 т., *белизна* – 1 м., *белушка* (-) – 12 т., *белянка* – 67 т. **Желтый** – 45 м., *желтенький* – 618 т., *желтоватый* – 1 млн., *желтеть* – 548 т., *желтить* – 34 т., *желтуха* – 622 т., *желтизна* – 318 т., *желтушка* – 43 т., *желтянка* – 809 т., **Черный** –

231 т., *черноватый* – 71 т., *чернеть* – 731 т., *чернить* – 8 м., *чернуха* (-) – 632 т., *чернушка* – 563 т., *чернянка* (-) – 127 т. Приведенные данные отражают многие тенденции, существующие в лексико-словообразовательном и в лексико-мотивационном пространствах. В приведенной «картине» отражаются закономерности воздействия на эти пространства как лексика, так и словообразовательной системы, причем данные воздействия имеют разную направленность, что создает достаточно сложное и подчас противоречивое «квантитативное» устройство этих пространств (на эту объективную картину накладывают отпечаток и некоторые особенности статистики в Интернете – например, неразличение омонимов, – в отдельных моментах существенно нарушающие гармоничные корреляции. Так, «всплеск» частотности глаголов *синеть* и *синить* объясняется омографическим совпадением глагольных словоформ *синей*, *синим* и адъективных словоформ *сине́й*, *сине́м*, приводящее к «вторжению» в частотность глагола частотности прилагательного). К примеру, частотность мотивирующих прилагательных закономерно превосходит частотность производных от них слов. Наименьшая, по сравнению с другими, частотность прилагательного *синий* коррелирует с наименьшей частотностью его производных (кроме глаголов, что объяснено выше). Глаголы на *-е-ть* регулярно частотнее глаголов на *-и-ть* за исключением лексикализованного глагола *чернить*. Лексикализация – основной канал влияния лексика, особенно заметного во «всплесках» частотности, ср. *краснеть*, *желтуха*, *синяк*.

3. Вопрос о лексических инновациях как процессе (возникновения) и состоянии (бытия в языке), с нашей точки

зрения, приводит к проблеме их эволютивно-синергетической природы. Слово медленно «вырастает» в стихийной номинативной деятельности. Этот процесс имеет длительный «долексический этап»; лексические инновации могут долго конкурировать на этапе узуализации с другими номинациями, как лексическими, так и не лексическими; наконец, закрепление данного слова в узусе также имеет эволютивный характер, отражаемый в росте фиксируемой частотности (как в приведенных выше примерах). Лексикализация новообразований при определенных коммуникативных условиях сопровождается накоплением деривационного потенциала, реализация которого означает формирование самостоятельных синхронных цепочек и гнезд, восходящих к таким лексикализованным дериватам (*муж*, *мужчина*, *мужик* имеют каждый «свое» гнездо). Такой процесс мы квалифицируем как непрерывный деривационно-мотивационный процесс. Статистические данные Интернета в силу их высокой «квантитативной мощности» и возможности привлечения системного речевого материала позволяют более адекватно описывать словообразовательный процесс на всех его этапах. В частности, на их основе можно квалифицировать степень лексичности тех или иных производных, оценить перспективы конкурирующих словообразовательных вариантов, выявить возможности сочетания морфем. Так, например, имеется возможность пропустить сквозь призму квантитативных данных Интернета словообразовательный материал, представленный в «Опыте частотно-стилистического словаря вариантов» Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской (1976) типа *идеализирование / идеализация, омич / омчанин, агитаторский / агитационный* и т. п.

Морфонологічна структура девербативів-інновацій у сучасній українській мові

И. Н. Демешко / I. M. Демешко

Кировоградский государственный педагогический университет им. В. Винниченка (Кировоград, Украина)

Морфонема, отглагольные инновации, морфонологические модели, морфонологические позиции

Аннотация. В докладе показано, что образование отглагольных инноваций в украинском языке происходит по типичным морфонологическим моделям, которые прогнозируют образования производных любой деривационной структуры, обогащая инновационные ресурсы современного лексикона.

На сучасному етапі розвитку української словотвірної морфонології спостерігаємо систематизацію словотвірних одиниць на нових концептуальних засадах. В україністиці недостатньо активно використовуються методи структурної лінгвістики, тому необхідно звернути увагу на динамічне моделювання дериватів, враховуючи при цьому творення інноваційних дериватів. Розглядаючи процес активізації словотвірного потенціалу сучасної української мови, інтенсивність та продукування слів, необхідно встановлювати специфічні тенденції в словотворенні новотворів.

Метою наукової розвідки є дослідження синхронного опису морфонологічних закономірностей словотворення віддіслівних новотворів з аналізом морфонологічно релевантних ознак словотворчих морфем. Досягнення поставленої мети передбачає розв'язання таких завдань: 1) дослідити морфонологічні особливості девербативів-інновацій в сучасній українській мові; 2) визначити морфонологічні явища і морфонологічні моделі, характерні для віддіслівних новотворів; 3) встановити морфонологічні позиції, релевантні для девербативів-інновацій.

Українська дериваційна система має потужний потенціал для творення інновацій, зокрема субстантивного блоку. При творенні інновацій домінуючим виступає морфонологічний спосіб словотворення.

Неологічний бум у кінці ХХ – на початку ХХІ ст. відображений в ЗМІ, публіцистиці, літературній критиці, художніх творах, котрі досить швидко реагують на зміни в суспільному житті. Інноваційні утворення поповнюються за рахунок дериваційних засобів, характерних для української словотвірної системи, і при цьому активізують наявні в українській мові дериваційні типи і морфонологічні моделі.

Віддіслівні новотвори вживаються на позначення: 1) назв осіб: *відроджувальник, мітингувальник, паркувальник,*

перегінник, грантодавець, апелювач, цілювач, пожертвувач, пильнувач; 2) опрідметнених дій (станів): *лобіювання, космополітизація, комп'ютеризація; самонакручування, реінвестування, міфоспоживання, реінтеграція.*

В українській мові словотвірну парадигму віддіслівних іменників-інновацій з агентивним значенням формують питомі суфікси *-ник (-івник, -льник), -ець (-івець, -анець, -енець), -ач, -тель -ун* та форманти іншомовного походження *-ант, -атор (-ізатор / -изатор): відкріпник, пікетувальник, мітингувальник, закличкальщик, тусівник, програвець, утримувач, рекомендувач, дарувач, зарплаточекач, довіритель, підписант, демократизатор, приватизатор, державобудівник, мандатносець;* з процесуальним значенням формують питомі форманти *-ни-, -ени-, Ø*, а також суфікси іншомовного походження *-ацій- / -ізацій- / -изацій-: візування, пролонгування, роздержавлення, окниження, напруг, авіапослуга, відеоогляд, словообіг; індексація, радікалізація, регіоналізація, легітимізація, глобалізація.*

Серед дериватів на *-ізацій- / -изацій-* вживаються новотвори, для яких характерне черезступінчатє творення від іменників, без опори на системні дієслівні основи: *філологізація, доларизація, екологізація, структурузація, доларизація, вальтизація.*

Лінійні перетворення дієслівної основи, крім усічення, часто поєднуються з чергуванням. Так, для віддіслівних новотворів субстантивного та ад'єктивного блоків характерними є консонантні альтернативи (пор. [в ~ вл]: *роздержавити – роздержавлення, роздержавлений*).

Усічення має свої закономірності: усічення зазнають морфемні структури, які не впливають на семантичне навантаження похідного і формують передумови для сполучваності мотиватора із формантом. У віддіслівних інноваціях субстантивного блоку типу *державознавець, огієнко-*

знавець, товарознавець, некрополезнавець аломорф **-вєць** виник внаслідок нарощення лівої частини суфікса **-єць**.

При творенні похідних іменників на **-ізації-** / **-изації-** зі словотвірним значенням узагальненої опредметненої дії (процесу), найчастіше використовуються такі морфологічні механізми, як усичення тематичного форматива **-ува-** та модифікація наголосу (ММ «Ут + Ас») (112; 21,1%): *комп'ютеризувати* – *комп'ютеризація*, *приватизувати* – *приватизація*, *політизувати* – *політизація*. Морфологічні моделі мають узагальнюючий характер, різні набори морфологічних перетворень і характеризуються регулярністю і продуктивністю.

Дослідження морфологічних моделей віддієслівних дериватів субстантивного та ад'єктивного блоків дають можливість зробити висновок, що найбільш регулярна морфологічна модель, для якої характерне усичення тематичного форматива і наголошений суфікс. Врахування акцентних позицій дає можливість зробити висновок, що переважна більшість іменних і дієслівних суфіксів не індивідуальна щодо наголосу. Так, іменникові суфікси **-ник**, **-ій**, **-ач**, **-ун**, **-атор** (**-ізатор** / **-изатор**), **-ізації-** / **-изації-**, тематичні формативи **-ува-**, **-і-** мають високу акцентну потужність.

Зміни на морфемному шві відбуваються в контактній зоні кореневої (основної) і суфіксальної морфем за наявності відповідних умов, які становлять морфологічну позицію. Для віддієслівних новотворів переважають амбівалентні (нульові) морфологічні позиції: *позиціонувати* – *позиціо-*

нування, *презентувати* – *презентування*, *тестувати* – *тестування*, *дистанціювати* – *дистанціювання*.

Форманти іншомовного походження **-ант**, **-атор** (**-ізатор**), **-ер**, **-ізації-** / **-изації-** поєднуються з усиченими дієслівними основами (при цьому усичення зазнає тематичний форматив **-ува-**). Для похідних зазначеного типу продуктивною є четверта акцентна позиція (наголос переходить з тематичного форматива **-ува-** на словотвірний формант): *номінувати* – *номінант*, *підписати* – *підписант*, *голографізувати* – *голографізатор*; *політизувати* – *політизація*, *дотувати* – *дотуція* та ін.

Морфологічний фактор у процесі словопородження дає можливість вивчити валентні особливості формантів сучасної української мови. Аналіз морфологічних особливостей девербативів-новотворів дає можливість зробити такі висновки:

1. При творенні девербативів в сучасній українській мові використовуються такі механізми: вокалічні і консонантні альтернації, усичення дієслівної фінали, нарощування суфіксальної морфемі, модифікація наголосу.

2. Морфологічні зміни, що супроводжують творення девербативів-інновацій, крім усичення, виявляють меншу регулярність.

3. Для віддієслівних інновацій субстантивного та ад'єктивного блоків характерні амбівалентні морфологічні позиції і морфологічні позиції палаталізації.

Функціонально-стилістичні параметри російських онімів в українських ЗМІ: лінгвістична інтерпретація

Д. В. Дергач

Київський національний університет імені Тараса Шевченка (Київ, Україна)

Оніми, стиль масової інформації, вторинна номінація, функціональний аналіз, міжкультурна взаємодія

Анотація. У доповіді аналізується з погляду функціонального підходу місце, специфіка і трансформації російських онімів в українських ЗМІ, що дозволить визначити рівень лінгвокультурної взаємодії України та Росії.

Власні назви останнім часом викликають неабиякий інтерес серед дослідників і не тільки лінгвістів. Це зумовлюється, в першу чергу, розширенням функцій онімів, виходом за межі філологічної компетенції та залученням наукових результатів інших галузей знань – культурології, лінгвокультурології, психолінгвістики, психології, соціології та ін. Насамперед, ідеться про наукові пошуки Т. Ковалевської, О. Карпенко, Є. Рахліної, І. Фаріон, Н. Череповської, М. Голомидової, Л. Дуки, Ю. Грушевської, О. Вінаревої, О. Воробійової, В. Кам'яця, М. Євсєєвої, У. Карпенко та ін.

Зокрема, представниця Одеської ономастичної школи О. Карпенко розглядає пропріальну лексику в межах когнітивної лінгвістики, а отже, пропонує говорити про когнітивну ономастику. Це, на її думку, допоможе визначити механізми пізнання власних назв і функціональну навантаженість онімів у ментальному лексиконі [Карпенко 2006: 287].

З іншого боку, Л. Дука у своєму кандидатському дослідженні визначає формування в семантичній структурі онімів зон прагматично релевантної інформації та основні закономірності прагматичного, комунікативно навантаженого використання власних назв.

У свою чергу Ю. Грушевська, аналізуючи власні назви у російському рекламному тексті, говорить про вплив екстралінгвальних факторів (суспільно-історичних, етнокультурних, соціокультурних, фактора мовного оточення, білінгвальної ситуації в Україні), особливо на склад онімів як ядерних компонентів рекламного тексту.

На нашу думку, актуальним питанням сучасного мовознавства є розгляд мовних знаків (у даному випадку – онімів) як культурних констант лінгвістичного простору. Особливо яскраво це простежується на матеріалі зіставлення близьких за своєю природою мовно-комунікаційних сфер. Наше дослідження передбачає розгляд взаємодії лінгвокультурних полів української та російської мов – місця і функцій російських онімів у сучасних українських мас-медійних текстах.

Як відомо, мас-медійний простір характеризується постійною динамікою своїх складових частин, зміною фор-

матів поширення інформації, а також нестабільністю словникового складу, що зумовлюється, в першу чергу, актуальністю описуваних подій. Завдяки цьому нові мовні стандарти швидко стають функціональними в певних сферах суспільної комунікації, створюється традиція і адаптація до незвичних форм мовного вираження, в результаті чого інновація поступово закріплюється в системі літературної мови [Язык... 1984: 22].

Сфера масової мовно-культурної комунікації визначає динаміку розвитку культури і суспільних парадигм, а системність, закономірність розвитку стилю масової інформації, на думку Л. Шевченко, відображає активні процеси в сучасній літературній мові, виявляє нові тенденції в інтелектуальних можливостях мови, моментально реагуючи на науково-технічний прогрес, соціальні та генераційні процеси в суспільстві. «Одночасно цей стиль акумулює ззовні суперечливі тенденції, оскільки поєднує як динамічність, так і консерватизм, як еталонність і залежність від норм літературної мови, так і зумовленість добору та формування функціональної норми відповідно до уподобань часу, соціально стратифікованої групи та ін» [Шевченко 2003: 5].

У своєму дослідженні для виявлення особливостей функціонування власних назв у мас-медійному просторі, на сторінках преси, видань інформаційних агентств, у теле-, радіо-програмах та інтернет-сайтах, і проведення їх системного аналізу з-поміж багатьох прийомів ми намагалися обрати ті, які б проілюстрували функціонування, в першу чергу, вторинних значень власної назви як одного із найяскравіших засобів введення імені до сучасного медійного тексту. Це пов'язано, як справедливо зазначає В. Ільченко, з набуттям ними специфічних конотацій, що допомагають розкрити соціально значущі факти, процеси, явища, яких стосуються носії імен.

Соціо-культурний аспект у даному випадку виявляється дуже важливим і актуальним, бо засоби масової інформації у чистому вигляді позначені соціальною орієнтацією спілкування, антропоцентричністю і відбивають соціально зна-

чуції події, факти, явища [Мойсієнко 2006: 34]. А вже власна назва, виконуючи головним чином номінативну функцію, у мас-медійному тексті отримує додаткове соціальне навантаження, оскільки вводить у текст соціально значущий денотат.

Специфіка комунікаційної сфери передбачає рухливий, динамічний характер лексики її текстів. Це, звичайно, стосується й онімів. У першу чергу йдеться про способи номінації і засоби творення власних назв.

Найпродуктивнішими стилістичними прийомами, які визначають місце та функції російських онімів в українських медійних текстах, виявилися метонімія та перифраз.

Метонімізація стосується переважно антропонімів і виявляється у вживанні прізвища відомої постаті у множині. Вони слугують для індивідуалізації особи і їм не властиво використання у множинній формі, тому такі форми набувають особливого експресивного забарвлення: 1) представники політичної сфери: *путіни, путіни-медведєви, єльцини, чубайси, жириновські, фрідмани, абрамовичі*; 2) представники культурної, наукової сфери: *кіркорови, баскови, газманови, розенбауми; пушкіни, лермонтови, ломоносови* та ін.

Перифрастичні конструкції передбачають заміну власної назви її загальновідомим зворотом-характеристикою, прямого найменування особи чи географічного об'єкта непрямым його означенням, даним у формі описового словесного зворота: *король російської поп-музики, цар російської естради, зайка російської сцени, зайчик російської естради* (Філіп Кіркоров), *імператриця російської естради* (Ірина Аллегрова), *король гламуру* (Сергій Зверєв), *золотий голос Росії* (Микола Басков), *срібний голос, срібний принц російської естради, московський соловейко* (Сергій Пенкін), *ведмідь Євразії* (Росія) та ін.

Своєрідним різновидом перифразу метонімічного характеру можна з упевненістю вважати модель, до складу якої входить ім'я персонажа, назва твору, пісні або вигадана спеціально назва, часто закріплені за тим чи іншим діячем,

який виконував його роль у фільмі, театральній постановці або з яким пов'язують його діяльність. Помітною є тенденція використання такої назви паралельно з іменем особи, що виступає своєрідним означенням і підкреслює її риси та характер: *відома Жанна Аркадіївна* – Ольга Прокоф'єва, *Бідна Настя* – Олена Корикова, усім відома *Катя Пушкарєва* – Неллі Уварова, *новоспечена Аліса Фрейдліх* – Неллі Уварова, *няня Віка, прекрасна няня* – Анастасія Заворотнюк та ін.

Яскравим прикладом трансформації онімів у текстах сучасних ЗМІ є їх видозміна на граматичному (словотвірному) рівні. Найпродуктивнішим виявився суфіксальний спосіб словотвору: *путінізація, чеченізація; жириновщина, лужковщина, горбачовщина, кадировщина; путінізм, путінець, путінці, путінюгенд, лимонівці, яблуківці* та ін.

Абревіація представлена такими формами: *ВВП* (В. В. Путін), *АБ* (А. Пугачова), *БГ* (Б. Гребенщиков), *ЄР* (партія «Єдина Росія») та ін.

Отже, аналіз функціонального потенціалу російських онімів у текстах сучасних українських ЗМІ засвідчив високий рівень взаємодії комунікаційних сфер України і Росії. Це підтверджує широке представлення власних назв на позначення російських осіб і географічних об'єктів у текстах сучасного українського медійного простору і визначає практику міжкультурної комунікації українського і російського народів як представників слов'янського етносу.

Література

- Карпенко О.* Проблематика когнітивної ономастики. Одеса, 2006.
Мойсієнко А. Образний світ онімного слова // Дивослово. 2006. № 4.
Шевченко Л. Концепти теорії інтелектуалізації літературної мови в контексті розвитку стилю масової інформації // Актуальні проблеми української лінгвістики: теорія і практика. Вип. VII. К., 2003. С. 3–15.
 Язык и массовая коммуникация. Социолнгвистическое исследование / Отв. ред. Э. Г. Туманян. М., 1984.

Словообразовательные инновации с точки зрения исследования деривационных гнезд в сербском языке

Р. Драгичевич

Филологический факультет, Университет в Белграду (Белград, Сербия)

Деривационное гнездо, сербский язык, словообразовательные инновации

Аннотация. Автор рассматривает сложную организацию деривационных гнезд в сербском языке и словообразовательные инновации, выявленные в результате их исследования.

Группа сербских специалистов по семантике и словообразованию после длительного изучения системных процессов в лексической системе сербского языка и словообразовательного потенциала простых слов создала *Семантико-деривационный словарь сербского языка*. Первый том опубликован в 2003 г., а второй в 2005. Затем последовало более подробное исследование словообразовательных гнезд слов, относящихся к человеку к телу, органы, психофизиологические состояния и психофизические свойства).

Оказалось, что самым большим количеством дериватов и значений обладают в сербском языке лексемы, обозначающие части человеческого тела. Лексема *глава*, например, имеет около 400 дериватов в сербском языке, а *рука* около 300. Таким образом, лишний раз была подтверждена антропоцентрическая природа языка. Кроме того, было подтверждено и то, что лексика, связанная с человеком и его окружением, относится к базовой лексике, составляющей основной лексический фонд сербского языка (наверное, и многих других языков). Этот результат создает фундамент для дальнейшей систематизации лексики на основе деривационных гнезд. Чем богаче слово дериватами, тем больше его роль в лексическом фонде.

Лексемы одной и той же тематической группы обладают тождественным или подобным словообразовательным потенциалом. Так, например, почти все прилагательные, обозначающие человеческие качества в сербском языке, образуют (1) существительные со значением свойства, (2) существительные со значением мужского носителя свойства,

(3) существительные со значением женского носителя свойства, (4) прилагательные субъективной оценки, (5) наречия и (6) глаголы, обозначающие появление или интенсификацию свойства. Определение таких закономерностей позволяет открывать лакуны в словообразовательной системе у некоторых простых слов, соответственно и в лексической системе вообще. Из этого следует вывод о том, что возникновение некоторых дериватов можно предвидеть, ожидать в языке и что не все новые слова в языке являются непредсказуемыми. В докладе будут представлены такие примеры, а также те, которые показывают, что определенные ожидания могут быть нереальными. Предсказуемые дериваты намного легче укладываются в лексическую систему и не вызывают потрясений в ней по отношению к непредсказуемым дериватам, которые труднее укладываются и часто вызывают изменения в значении у некоторых уже существующих лексем или в их использовании.

Анализ словообразовательных гнезд указывает и на новые формальные процессы в деривации. Одной из тенденций в современном сербском языке является рост числа приставочных существительных. До сих пор это был не совсем использованный языковой материал, т. к. префиксация в сербском языке характерна прежде всего для глаголов.

Таким образом, исследование словообразовательных гнезд открывает большие возможности в изучении новых явлений в словообразовании. Целью настоящей работы является как раз представление и толкование некоторых из них.

Проблемы изучения деривационно связанных значений корней на современном этапе развития словообразования

О. П. Ермакова

Калужский государственный педагогический университет им. К. Э. Циолковского (Калуга, Россия)

Корни, значения, деривационная связанность, типология

Аннотация. В докладе рассматривается не изучавшаяся ранее проблема. Выявляется особый вид связанности корней с деривационно связанным значением.

Явление связанности корней (по Винокуру – связанных основ) упоминается в работах по словообразованию с середины XX в., но до настоящего времени недостаточно изучено. Внимание исследователей было обращено преимущественно на словообразовательные форманты и в меньшей степени на типологию корней, в особенности связанных.

Среди связанных корней, на наш взгляд, можно выделить два типа:

1) корни, не имеющие жизни отдельного слова, живущие только в окружении словообразовательных аффиксов: *-бав-* / *-бавл'* (*прибавить, добавление*), *-вык-* / *-выч-* (*отвыкнуть, привычка*) и т. п.

2) корни с деривационно связанными значениями.

В так называемых классических случаях связанной оказывается морфема как совокупность всех морфов вместе с присущим ей значением. Корень при этом не имеет статуса слова, он живет лишь в окружении словообразовательных аффиксов.

Другой тип связанности корня принципиально отличается от первого: деривационно связанным является лишь значение корня, который вне деривационного окружения живет полноценной жизнью слова, но с другим значением (или значениями).

Примером могут быть корни *-глагол-* (*разглагольствовать*), *-вьюк-* / *-вьюч* (*навьючить*) и многие другие.

Явление это аналогично фразеологически связанным значениям слова. Так, значение 'очень сильный' у слова *собачий* проявляется лишь в сочетании со словом *холод* и вычленяется из него.

Изучение таких корней, как нам представляется, может пролить свет на некоторые явления словообразования и лексической семантики.

Корни с деривационно связанными значениями неоднородны в разных отношениях.

1. Это могут быть архаические значения, «законсервированные» в структуре производного слова: 'речь' в корне *-глагол-* (*разглагольствовать*), 'толк' в корне *-путь-* (*беспутный*) и др.

2. Значения, относящиеся к их свободным производящим как переносные значения к прямым, – метафорические или метонимические: ср. значение 'твердый', 'несгибаемый' (физически) у корня *-дуб-* (*задубеть: руки задубели*). В свободном употреблении слово *дуб* имеет другую метафору – 'тупой' (о человеке); метонимическое значение в корне *-труб-* (*раструбить*) – 'трезвон', 'толки'. Модель – орудие → действие, им производимое.

3. Внутри деривационного окружения корни нередко получают расширенное значение: ср. уже приведенный корень *-вьюк-* / *-вьюч-* (*навьючить на себя и сумку, и чемодан* и т. п.). В свободном употреблении слово *вьюк* обозначает упакованную поклажу, перевозимую на спинах животных.

Некоторые деривационно связанные значения корней не вполне укладываются в эту систему отношений. Ср.: *оса-танеть, осточертеть* ('сильно надоесть') и др.

Но в основном отношения значений свободных и деривационно связанных значений корней повторяют отношения в лексической системе языка.

Слова с деривационно связанными значениями корней в значительной части производны (в отличие от слов типа *прибавить*). Но есть и непроизводные.

Явление это, как показывает материал, свойственно прежде всего разговорной речи.

Словообразовательная активность акронимов в языке польских Интернет-пользователей / Aktywność słowotwórcza akronimów w języku internautów polskich

Ж. И. Ерома

Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия)

Акроним, Интернет, польский язык, сленг, словообразование

Аннотация. Доклад затрагивает проблемы словообразовательной активности акронимов в языке польских пользователей Интернета. Создан на материале интерактивных диалогов в рамках различных дискуссионных групп, складывающихся на Интернет-форумах.

Slang internetowy to slang tworzony i wykorzystywany przez użytkowników Internetu na czatach internetowych, forach dyskusyjnych, w poczcie elektronicznej i komunikatorach internetowych. Slang internautów dąży do skomplikowania tekstu i utrudnienia czytania go niepowołanym osobom, charakteryzuje się swoistą ortografią i stylem graficznym zapisu. W komunikacji internetowej w synchronicznych i asynchronicznych formach kontaktu bardzo często wykorzystuje się akronimy.

Słowniki języka polskiego pod redakcją W. Doroszewskiego i B. Dunaja określają akronim jako 'wyraz utworzony sztucznie z pierwszych liter lub zgłosek kilku innych wyrazów' [Słownik języka polskiego 1958: 59], 'łatwą do wymówienia skrótową nazwę, utworzoną z ciągu początkowych liter bądź części wyrazów' [Słownik współczesnego języka polskiego 1996: 7]. «Inny słownik języka polskiego» oraz «Uniwersalny słownika języka polskiego» utożsamiają akronimy ze skrótowcami: 'akronim to inaczej skrótowiec. Termin językoznawczy' [Inny słownik języka polskiego 2000: 14], 'gr. *ákros* 'skrajny' + *-onim* zob. *skrótowiec*' [Uniwersalny słownik języka polskiego 2003: 37].

Główne przyczyny powstania akronimów sprowadzają się do dwu: 1) są wynikiem dążenia do skrótowego wyrażania się ze względu na oszczędność czasu, miejsca i kosztów komuniko-

wania się; 2) poprzez użycie akronimów internauta podkreśla swoje «zakorzenienie» w Internecie i znajomość obowiązujących tu reguł porozumiewania się. Stosowanie i rozumienie akronimów wyróżnia internautów jako pewną grupę społeczną, charakteryzującą się swoistą etykietą językową, zwaną *netykietą*.

Akronimy podlegają kodyfikacji i ich rozwiązania są przedstawiane w wielu słownikach internetowych, np. www.define.pl, www.slanguj.pl, www.i-sownik.pl, www.miejski.pl, www.slang.pl, www.inte.pl, www.idg.pl i in.

Wśród akronimów internetowych zasadniczą grupę stanowią angielskie akronimy uniwersalne wyrażające różne treści: są to formuły grzecznościowe (*SYL* – *See You Later* 'do zobaczenia'); wyrażają opinie dotyczące pewnego tematu (*OT* – *Off Topic* 'nie na temat'); opisują stany emocjonalne (*ILY* – *I Love You* 'kocham cię'); przedstawiają cele współrozmówcy (*HMP* – *Help Me Please* 'proszę o pomoc'); są akronimy informujące (*YM* – *Young Man* 'młody mężczyzna'); akronimy mające charakter zaleceń (*FITB* – *Fill In The Blanks* 'wypełnij puste miejsca') i in.

Akronimy polskie na polskich stronach internetowych pojawiają się znacznie rzadziej, jest ich ok. 70-ciu. W większości są to kalki akronimów angielskich, np. *MBSZ* 'moim

bardzo skromnym zdaniem', *TG* 'ta grupa'. Oryginalne rodzime akronimy to: *FPSX* 'facet podpisujący się X' (anonim), *II* 'inteligentny inaczej', *ROC* 'ręce opadają człowiekowi', *SOA#1* 'standardowa odpowiedź administratora nr 1' (czyli 'u mnie wszystko działa'). Dość dużą grupę stanowią wulgaryzmy, przenikające z polszczyzny potocznej, zawierające wyrazy na *ch***, *k**a*, *piep**i*, *piep**yć*, np. *W/S* 'wracaj szybko' lub 'weź spieprzaj'; *WWN* 'witam wszystkich niewitanych' lub 'wypieprzajcie wszyscy natychmiast'. Akronimy polskie nie wykazują aktywności słowotwórczej, być może dlatego, że na razie w slangu żyją niedługo.

Natomiast akronimy angielskie utworzyły w języku polskim całe rodziny słowotwórcze. Najbardziej udaną «karierę» zrobił akronim *LOL*. Słowniki internetowe podają kilka jego znaczeń, cztery z których zawierają komponent *śmiech*: *LOL* – *Lot Of Laugh* 'bardzo dużo śmiechu', *LOL* – *Laughing out Loud* 'śmiać się na głos', *LOL* – *Lough off laughter* 'zataczać się ze śmiechu', *LOL* – *Lots of lough* 'bezcza śmiechu'.

Akronim *LOL* tworzy w języku polskim derywaty i kompozita:

1) *Lol* 'osoba śmiejąca się płci męskiej' – derywat rzeczownikowy utworzony drogą derywacji bezafiksальной; *Lola* 'osoba śmiejąca się płci żeńskiej' – derywat rzeczownikowy utworzony od *Lol* przez dodanie końcówki *-a*, którą można uznać za formant słowotwórczy o funkcji feminatywnej; *Lolek* – derywat sufiksalny rzeczownikowy ekspresywny od *Lol*, *Lol + ek*; *Loleczek* derywat sufiksalny rzeczownikowy ekspresywny od rzeczownika *Lolek*, *Lolecz + ek*;

2) *lolować* 'wyśmiewać kogoś, szydzić z czegoś, kogoś' derywat sufiksalny czasownikowy od *Lol*, *lol + ować*; *zlolować*, *odlolować*, *wylolować*, *zlolować* – derywaty prefiksalne czasownikowe od czasownika *lolować* oznaczające czynność dokonaną;

3) *lolowy* 'śmieszny' – derywat sufiksalny przymiotnikowy od *Lol*, *lol + owy*; *lolowo* 'śmiesznie, wesoło' – derywat przysłówkowy sufiksalny od przymiotnika *lolowy*, *lolow + o*; *lolowaty* 'trochę śmieszny' (słabe natężenie cechy) – derywat przymiotnikowy sufiksalny od przymiotnika *lolowy*, *lolow + aty*; *lolowaty* 'ktoś śmieszny' – derywacja bezafiksальная, syntaktyczna, substantywizacja przymiotnika *lolowaty*;

4) *Lolostaw*, *Lolostawa* – kompozita, złożenia na wzór ogólnosłowiańskich imion dwuczłonowych z drugim członem *-staw(a)*.

Innym aktywnym słowotwórczo akronimem angielskim jest *DB* – *The Best* 'najlepszy', spotykający się w postaci fonetycznie przyswojonej *debest*. Jest on podstawą dość rozbudowanej rodziny:

1) *debestowy* 'lepszy, najlepszy' – derywat przymiotnikowy sufiksalny od *debest*, *debest + ow(y)*; *debestowo* 'lepiej, najlepiej' – derywat przysłówkowy sufiksalny od *debestowy*, *debestow + o*;

2) *debest* 'to, co najlepsze', derywacja bezafiksальная syntaktyczna, substantywizacja;

3) *debeściak* 'lepszy, najlepszy' – derywat rzeczownikowy sufiksalny od *debest*, *debeściak*; *debeściakowy* – derywat przymiotnikowy sufiksalny od rzeczownika *debeściak*, *debeściakowy*; *debeściakowo* – derywat przysłówkowy sufiksalny od przymiotnika *debeściakowy*, *debeściakowo*;

4) *debesiak* '1. osoba dominująca w jakiejś dziedzinie, faworyt; 2. człowiek uwielbiany przez innych, doceniany w jakiejś dziedzinie' – derywat rzeczownikowy sufiksalny utworzony od skróconej o *-t* postaci tematu wyrazu *debest*, *debesi + ak*; *debesiacki* – derywat przymiotnikowy sufiksalny od rzeczownika *debesiak*, *debesi + ki*; *debesiacko* – derywat przysłówkowy sufiksalny od przymiotnika *debesiacki*, *debesiack + o*;

5) *debesiara* 'najlepszy' (najczęściej o sobie) – derywat rzeczownikowy sufiksalny utworzony od skróconej o *-t* postaci tematu wyrazu *debest*, *debesi + ar(a)*; *debesiarski* 'najlepszy, idealny, optymalny, wyjątkowy' – derywat przymiotnikowy sufiksalny od rzeczownika *debesiara*, *debesiar + ski*.

Trudno przewidzieć, czy te formy przetrwają, czy stanowią tylko przejściowy etap rozwoju slangu internetowego. Jednak współcześnie uznaje się je za jedną z charakterystycznych cech komunikacji internetowej. Należy powiedzieć również, że niektóre z nich już wyszły poza Internet, są używane przez polską młodzież na codzień.

Литература

- Inny słownik języka polskiego: W 2 t. / Red. M. Bańko. T. 1. Warszawa, 2000.
Słownik języka polskiego: W 11 t. / Red. W. Doroszewski. T. I. Warszawa, 1958–1969.
Słownik współczesnego języka polskiego / Red. B. Dunaj. Warszawa, 1996.
Uniwersalny słownik języka polskiego: W 4 t. / Red. E. Sobol, S. Dubisz. T. 1. Warszawa, 2006.

Новые явления в словообразовании русского и польского языков на рубеже XX–XXI веков

Е. А. Земская, З. Рудник-Карватова

Институт русского языка РАН (Москва, Россия), Институт славистики ПАН (Варшава, Польша)

Неологизм, польский язык, русский язык, словообразование, СМИ, рубеж XX–XXI вв.

Аннотация. Ярким проявлением процесса образования новых словообразовательных моделей и их экспансии является лавинообразный рост серий структур типа русск. *рок-движение*, *рок-тусовка*, *тележизнь*, *теленаселение*, *экспресс-опрос*, *экспресс-поставки*, польск. *cyberportret*, *cyberpowieść*, *euroentuzjasta*, *eurokonstytucja*, *wideoimpresa*, *wideourożyczalnia*. Особую роль в активизации аналогичных структур с серийно повторяемым членом играют СМИ, являющиеся сегодня исключительно важным фактором в формировании языкового узуса и языковых норм.

В словообразовании русского и польского языков на рубеже XX–XXI вв. наблюдается очевидная активизация серий структур типа р. *рок-движение*, *рок-тусовка*, *тележизнь*, *теленаселение*, *телесезон*, *экспресс-курс*, *экспресс-опрос*, *экспресс-поставки*, п. *cyberportret*, *cyberpowieść*, *euroentuzjasta*, *eurokonstytucja*, *wideoimpresa*, *wideourożyczalnia* и т. п. Словообразовательный механизм связан с созданием на русской и польской почве аналогичных структур с серийно повторяемым членом по образцу заимствованных и потом адаптированных в виде кальк структур, напр. англ. *videoclip* > *wideoklip*, *видеоклип* послужило основой для создания аналогичных структур: р. *видеолюбитель*, *видеопронат*, *интернет-версия*, п. *cyberportret*, *wideoimpresa*, *wideourożyczalnia* и пр. Сначала создаются названия новых предметов, явлений, лиц и т. п. В дальнейшем активизируются иронические, шуточные и др. окказионализмы, что является очень распространенным приемом в языке СМИ.

Структурной особенностью указанных сложных структур является безаффиксный способ их образования. При-

чем определяющий член выступает в препозиции, определяемый – в постпозиции. Модель с препозицией относительного определения чужда польскому языку. Как известно, в польском языке в отличие от русского относительное определение ставится после определяемого: п. *język polski*, *komisja specjalna*, *taśma wideo*, р. *польский язык*, *специальная комиссия* (еще в 1980-х гг. неизменяемые прилагательные, почти все иностранного происхождения, выступали в постпозиции, напр.: *стиль модерн*, *картофель фри* и др., но сегодня узусально и нормативно: *видеозапись*, *видеокассета*). Таким образом, в сложных структурах: *ekogospodarstwo*, *speckomisja*, нарушается правило постпозиции определения, характерное для польского языка, в отличие от образований *экохозяйство*, *снейпгруппа*, в которых препозиция определения соответствует системе русского языка.

Образования с первым членом, оканчивающимся на гласный, типа п. *ekożywność*, р. *теленаселение*, огромный рост активности которых отмечается с конца 80-х годов XX в., образуются по укреплённой в истории европейских языков

модели, создающей в основном в области научной и технической терминологии структуры с морфемами греческого или латинского происхождения. Новизна происходящих процессов в том, что «неоклассические образования» выходят за рамки специальной лексики, распространяются благодаря СМИ по различным типам и сферам коммуникации, употребляются в официальной и неофициальной коммуникации.

Подобные процессы активизации происходят в сериях образований с первым членом, оканчивающимся на согласный, типа р. *интернет-версия*, п. *cyberportret*, для которых образцом послужили английские структуры. В этом фрагменте словообразовательных изменений наблюдаются межязыковые отличия, свидетельствующие о предпочтениях, зависящих от языковых норм и словообразовательных традиций. В польском языке эти структуры стали распространяться в СМИ только после 1989 г. Число сегментов, участ-

ствующих в создании неологизмов пока небольшое, но некоторые из них отличаются огромной продуктивностью, ср. распространившуюся в интернете серию *cyberportret*, *cyberpop* (род музыки), насчитывающую ныне больше ста слов, а также *seksafera*, *seksnowości*, *sekskandal*, продуктивности которой способствует пропаганда массовой культуры. Большую активизацию подобных структур наблюдаем в русском языке, где намного шире круг серийных сегментов в структурах типа *рок-певица*, *интернет-версия*, *экспресс-опрос* и др., проявляющих тенденцию к аналитизму.

Учитывая роль языкового узуса, в формировании которого участвуют беспредельно СМИ, влияющие на вкус и вообще культуру потребителей, а также учитывая влияние языкового узуса на языковые нормы, можно прогнозировать дальнейшую активизацию рассматриваемых словообразовательных моделей.

Семантико-функциональная дифференциация словообразовательных ресурсов языка: свое и усвоенное

Е. А. Карпиловская

Институт языковедения им. А. А. Потемби НАН Украины (Киев, Украина)

Номинация, лексикон, словообразование, инновация, норма

Аннотация. В докладе на материале инноваций в современном украинском языке рассмотрены явления семантико-функциональной дифференциации исконных и заимствованных словообразовательных средств. Особое внимание уделено роли инноваций в современной украинской номинации.

1. Современная украинская языковая практика дает обильный и разнообразный материал для размышлений о тенденциях развития лексикона, о взаимодействии различных средств его обновления и пополнения. Словообразовательные ресурсы [Земская 1964: 92] активно используются для развития украинского лексикона. Преобладание в потоке новой лексики производных единиц подтверждает вывод ученых о сохранении ведущей роли словообразования в славянской номинации [Słowotwórstwo... 2003]. Новая украинская лексика убедительно демонстрирует динамику в составе как самого номинационного корпуса языка, так и словообразовательных ресурсов его обновления, их семантико-функциональную дифференциацию.

2. Дифференциация словообразовательных ресурсов языка прежде всего проявляется в развитии семантического потенциала моделей словообразования, а следовательно, и входящих в них словообразовательных формантов, в формировании у них частных словообразовательных значений. Например, появление новых общественных учреждений и служб, изменения в формах собственности привели к необходимости различать хозяина банка (уже известная украинскому лексикону, но в словарях советского периода коннотированная как реалия чужой жизни лексема *банкiр*) и служащего банка (новообразование *банкiвець*). Вторичный суффикс **-iвець** в отличие от многозначного первичного суффикса **-ець** в новообразованиях все более активно специализируется в значении «служащий, сотрудник учреждения», а также, шире, «лицо, связанное с учреждением, разновидностью общественной деятельности, названной производящей основой слова»: *iнтерiвець*, *вертепiвець*, *кобрiвець*, *пiрiвець*, *дiтсадкiвець*, *метрополiтенiвець*, ср. также *податкiвець* «сотрудник налоговой службы» (и противостоящие ему по категориальному значению устар. *податник* «тот, кто платит подать» и новообразования *податкоплатник*, *оподаткований*). Продуктивности суффикса **-iвець** в таком специализированном значении способствует устранение с его помощью в таких дериватах возможной конкуренции с уже имеющимися наименованиями лица по его отношению к понятию, выраженному производящей единицей (ср. инновацию *соборiвець* «член партии «Собор» и уже имеющуюся лексему *соборянин* «служитель соборной церкви», инновацию *рухiвець* «член общественного движения «Народный рух України за перебудову» и уже известную лексему *рушій* с общим значением «человек, способствующий движению, развитию чего-либо»). Подобную тенденцию к специализации значения суффикса **-овец** – аналога украинского **-iвець** в русском языке – отмечала в 1960-х гг. Е. А. Земская [Земская 1964]. Наблюдается также закрепление формантов, исконных и заимствованных, за

различными сферами функционирования языка. Например, префиксоид **e-**, соотносимый с украинским прилагательным *електронний* или английским *electronic*, активно функционирует в профессиональном лексиконе информатиков и программистов (*e-ринок*, *e-навчання*, *e-сервіс*). В терминологии прикладной лингвистики и общей разговорной практике, напротив, преобладают составные номинации наподобие *електронний словник*, *електронні ЗМІ* или же адаптированные заимствования типа *имейл* (варианты *емейл*, *мейл*, *імейл*, *нетмейл*, *вебмейл*), вкрапления *e-mail* или же словосочетание *електронна пошта*.

Способность к семантико-функциональной дифференциации демонстрируют и производящие основы. Обращает на себя внимание активное использование заимствованных основ для вербализации новых признаков уже известных понятий на фоне низкой словопорождающей способности исконных основ, напр.: *шоу* (закреплено украинскими словарями в 1974 г.) и инновации последних лет *боді-арт-шоу*, *відеошоу*, *реаліті-шоу*, *травесті-шоу*, *мегашоу*, *ток-шоу*, *телешоу*. В отличие от исконных украинских лексем *видовище*, *свято*, *вистава* англицизм *шоу* активно используется в наименованиях лиц, объектов, их процессуальных и непроцессуальных признаков, ср.: *шоу-бізнес*, *шоу-балет*, *шоу-бізнесовий*, *шоу-проект*, *шоу-чемпіонат*. Необходимость выражения не только категоризатора, но и спецификатора понятий в профессиональном лексиконе поддерживает функционирование композитов с основами-вкраплениями наподобие *SMS-повідомлення*, *SMS-довідка*, *SMS-голосування* или *DVD-плеєр*, *DVD-програвач*, *DVD-формат*. В разговорной речи уже активно употребляются транслитерированные аффиксальные производные типа *SMS'ка*, *смс-ка*, *есемеска* (*есемесочка*), *дiвiдiшка*.

Особую роль в обеспечении новых номинационных потребностей украинского общества в профилировании уже известных понятий и профессионализации украинского лексикона играют скрытые и повторные заимствования. Заметим, что многие из скрытых заимствований есть основания рассматривать как следствие развития семантики слов в рамках системы украинского языка. Как скрытые заимствования рассматриваем прилагательные *стартовий*, *резонансний* (*резонансовий*), *профiльний*, *модельний*, *пiлотний*, *зiрковий* (*зоряний*), *культовий* в их новых специализированных значениях. Примером повторного заимствования являются англицизмы *фешн* (ср. с ранее заимствованными *фешенебельний*, *фасон*), *фентезі* (ср. с *фантазі*, *фантазія*, *фантазмагорія*, *фантом*), *сингл*, *рейдер*, *трейлер*, реализующие новые значения и активно участвующие в современной украинской номинации не только в качестве транскрибированных английских номинаций типа *фаст-фешн*, *фешн-*

сторі, но и в качестве основ для словопроизводства на украинской языковой почве, ср такие гибриды, как *фейш-вечірка*, *фейш-зірка*, *фейш-простір*.

3. Насколько жизнестойки рассмотренные инновации, покажет время, но материал современной украинской языковой практики, накапливаемый в создаваемом в Институте языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины компьютерном фонде инноваций, убедительно демонстрирует важную роль семантико-функциональной дифференциации словообразовательных ресурсов в развитии украинского лексикона, пополнении его стилевых и стилистических регистров.

Литература

- Земская Е. А. Интерфиксация в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 36–62.
- Ковалик І. І. Вчення про словотвір // Ковалик Іван. Вчення про словотвір: Вибрані праці. Ч. 1. Івано-Франківськ; Львів, 2007. С. 21–169.
- Słowotwórstwo. Nominacja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Innsbruck; Opole, 2003.

Украиноязычное медиа-пространство: тенденции стабилизации инноваций

Л. П. Кислюк

Институт языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины (Киев, Украина)

Лексико-словообразовательная инновация, функциональный потенциал инновации

Аннотация. Рассматриваются лексико-словообразовательные инновации в тематической группе СМИ. Для определения степени стабилизации инноваций использовано понятие функциональный потенциал инновации, которое включает парадигматические, синтагматические, эпидигматические показатели функционирования новой лексемы.

Тематическая группа СМИ как самостоятельный сегмент информационного пространства современной Украины активно пополняется новыми номинациями. Лексико-словообразовательные инновации – наименования объектов украиноязычного медиапространства, а также их процессуальных и непроцессуальных признаков – и составляют материал исследования. Для определения степени стабилизации новой лексики использовано понятие *функциональный потенциал инновации*, предложенное Е. А. Карпиловской и включающее совокупность парадигматических, синтагматических, эпидигматических (ассоциативных и деривационных) отношений новой номинации с другими, старыми и новыми, номинациями в системе языка и в тексте. Учитывая важность информации в современном обществе, а для информации – важность ее оперативности и степени влияния на аудиторию, можно вполне отнести аббревиатуру **ЗМІ** и неозаимствование *мас-медіа* к высокочастотным номинациям, обладающим семантической емкостью и словообразовательной активностью. В украинском языке, по нашим данным, словосочетание «средства массовой информации» впервые с ремаркой *журн.* зафиксировано в «Русско-украинском словаре научной терминологии» (1994). В «Русско-украинском словаре иностранных слов» (1999) впервые фиксируется заимствование *мас-медіа* как *засоби масової інформації (комунікації)*, охватывающие прессу, радио, телевидение, аудио- и видеопродукцию. В словарях инноваций и общеупотребительной лексики (2000–2006 гг.) представлены и названные лексемы, и их дериваты. По данным словарей и текстовых материалов украиноязычных СМИ словообразовательное гнездо от базовой основы *медіа* насчитывает на сегодня более чем полусотню производных.

В текстах функционирует синонимический ряд лексем: **ЗМІ**, *мас-медіа*, *медіа*, *мас-медій*, *медій*, *видання*, *преса*. Это объясняется тем, что каждая из лексем имеет определенные ограничения в своем функциональном потенциале. Аббревиатура **ЗМІ** при достаточно высокой частоте употребления обладает низким словообразовательным потенциалом вследствие невозможности ее лексикализации (в украинском языке существуют омонимичные корни *змії* (рус. змей), *зміст* (рус. содержание), блокирующие образование дериватов, за исключением использования их в языковой игре: *інформаційний ЗМій* и *досвідчені ЗМІсти* (журналисты). Неозаимствование *мас-медіа* остается грамматически не адаптированным (нулевые категории падежа и числа) сложным словом, и это налагает ограничения на его словообразовательный потенциал: от него могут образовываться только аффиксальные дериваты. Его упрощенный вариант *медіа*, также несклоняемый, восполняет этот пробел, являясь базовой основой как для аффиксальных, так и для нескольких десятков сложных дериватов. Эта лексема, употребляемая в сложных словах исключительно в препозиции, функционирует и как существительное (*центральні мас-медіа*, *українські медіа*), и как прилагательное (*медійний простір* – *медіа-простір* (*медіапростір*), *медіальні ресур-*

си – *медіа-ресурси* (*медіаресурси*)). Текстовый материал предлагает адаптированные варианты *мас-медій*, *медій*, имеющие преимущества вследствие вхождения в украинскую систему склонения (*більшість онлайнних медій*, у *медіях* *набула розголосу*, у *медіях* *розпочалася полеміка*), согласованности категории числа с аббревиатурой **ЗМІ** (*українські ЗМІ* – *українські мас-медій*), а также благодаря устранению зияния гласных (*медіапортал*).

Синоним **ЗМІ**, лексема *видання*, реализуется почти исключительно в словосочетаниях, отображая гипогиперонимические связи в иерархии **ЗМІ** по определенному признаку: *друковане видання*, *електронне видання*, *інтернет-видання* (по форме подачи информации); *бізнес-видання*, *рекламно-інформаційне видання* (по назначению информации); *офіційне видання*, *провладне видання* (по принадлежности, форме собственности издания); *«жовте» видання* (по качеству информации) и т. д. Основа *прес-* семантически шире лексемы *преса*. Последнюю также используют как собирательное наименование журналистов: *вийти до преси*. Сложные дериваты с основой *прес-* в препозиции являются конкретизаторами гиперонима **ЗМІ**: *прес-брифінг*, *прес-конференція*, *прес-повідомлення*, *прес-реліз*, *прес-аташе*, *прес-група*, *прес-секретар*, *прес-агенція*, *прес-служба*, *прес-центр*, *прес-зал*, *прес-клуб*. Функциональный потенциал иноязычных лексем демонстрирует их место в языке, активность, в том числе словообразовательную, и зависит от системной и коммуникативной поддержки таких новообразований, т. е. от их взаимодействия с другими заимствованными и собственно украинскими лексемами, в частности, от давности заимствования и т. п. Показательно сопоставление функционального потенциала основы *медіа*- и аббревиатуры **ЗМІ**, свидетельствующее об их различном удельном весе в номинации современного украинского информационного пространства.

1. Участие в формировании гипонимических объединений. Гипероним *медіа* (*медій*) относительно гипонимов *кіномедіа*, *новинні медій*, *онлайнні медій*, *цифрові медій*. Функционирование понятий *медіаімперія*, *медіа-індустрія*, *медіа-простір*, *медіа-ринок*, *медіа-цивілізація* предусматривает развитие не только гипогиперонимических (*медіа-холдинг* – *медіа-компанія* – *медіа-департамент*), но и синонимических (*медіамагнат*, *медіа-олігарх*), антонимических связей (*медійний* – *антимедійний*). **ЗМІ** является гиперонимом относительно его сегментов: *друковані ЗМІ*, *електронні ЗМІ*, *інтернет-ЗМІ*, *онлайнні ЗМІ*, а также образует антонимы: *центральні ЗМІ* – *регіональні ЗМІ*; *державні ЗМІ* – *приватні ЗМІ*. С появлением мультимедийных средств возникла область интернет-журналистики и антонимические словосочетания: *інтернет-журналіст* – *традиційний журналіст*.

2. Расширение синтагматических связей (лексической сочетаемости): *медійний продукт*, *медійна корпорація*, *оволодіти медіапростором*, *більшість онлайнних медій*, *медіаполе*, *медіапортал*; *китайські онлайнні ЗМІ*,

київські комунальні ЗМІ, малоліквідні ЗМІ, чудовий антипiар у ЗМІ.

3. Высокий словообразовательный потенциал: *медійник, медіа-диктатор, медіа-профспілка, медіабренд, медіа-дослідження, медіафорум, медіа-бомба, кіномедіа* и др.

Ошибка и инновация в перспективе динамики языка

К. Клещова

Силезский университет (Катовице, Польша)

Словообразование, языковая ошибка, языковая инновация, отсубстантивные прилагательные

Аннотация. Настоящая статья посвящается проблеме положительной стороны ошибки и ее неслучайности в науке. Языковые ошибки рассматриваются как проявление языковой тенденции, т. е. как инновации, как нарушение имеющегося языкового правила. Внимание сосредоточено на том, чтобы показать, какие словообразовательные модели утрачивают или уже утратили свою продуктивность, притом что продолжают существовать, поскольку используются возникшие ранее на их основе лексические единицы.

Характеризуя тенденции развития лексического состава, как правило, обращают внимание на неологизмы, рассматривая наиболее продуктивные и частотные способы названия. Подход подобного рода дает представление о новом, но мало что добавляет к пониманию динамики развития лексического состава как целого, поскольку изменения в языке – это не только появление новых языковых единиц и средств, но и угасание старых. Цель предлагаемого исследования состояла в том, чтобы показать, какие словообразовательные модели утрачивают или уже утратили свою продуктивность, притом что продолжают существовать, поскольку используются возникшие ранее на их основе лексические единицы.

Заявленные в заглавии «ошибка и инновация» мало связаны с нормативной лингвистикой, или культурой речи. Ошибки рассматриваются как проявление языковой тенденции, т. е. как инновации. Ошибка в этом контексте определяется как то, посредством чего осуществляется нарушение имеющегося языкового правила. Множественное нарушение этого правила приводит в конечном итоге к его разрушению, замене другим, самопроизвольному упорядочению на новых основах, т. е. к возникновению нового правила (необязательно словообразовательного!). В связи с этим, по убеждению автора, о динамике языка больше говорят эти так называемые «ошибки», чем образуемые по имеющимся моделям новые лексические единицы.

Рассуждения опираются на материал четырех интернетовских языковых консультаций – варшавской, вроцлавской, краковской и катовицкой. Если появляются сомнения, если носители языка спрашивают, что считать правильным, можно говорить о существующих колебаниях, о нестабильности их языковой компетенции. Если эта компетенция их подводит, можно говорить о движении, о каком-то начавшемся, происходящем в сознании процессе языковых изменений. Следует подчеркнуть, что проблемы определения правильного употребления слов и их форм типичны для говорящих, которых характеризует высший уровень языковой рефлексии, что лишней раз подтверждает важность рассматриваемых проблем (говорящие с низким уровнем языковой рефлексии вопросов не задают).

Удивляет довольно ограниченный круг проблем, традиционно рассматриваемых словообразованием. Сомнения и вопросы группируются вокруг небольшого их числа, затрагиваемого уже давно (см. 1. и 2.), все прочие относятся к процессам, приобретающим важность лишь после их рассмотрения в широком историческом контексте (см. 3. и 4.).

Время подтвердит жизнестойкость и стабильность образованных с основой *медіа-* (*медіа-*), демонстрирующей в данное время значительный перевес в своем функциональном потенциале по сравнению с синонимичными лексемами с основами *ЗМІ* и *прес-*.

1. У носителей польского языка чаще всего возникают проблемы образования названий жителей стран и местностей. Как назвать жителя Лондона – *londyńczyk* или *londynianin*, жителя Косова – *Kosowianin* или *Kosowar*? Житель местности *Kartuzy* – *kartuzjanin*, *kartuzianin* или *kartuziak*? Необходимо при этом заметить, что подобного рода вопросы обычно интересуют жителей самих этих местностей, что следует воспринимать как свидетельство того, что такие названия практически не употребляются.

2. Давнюю историю имеют проблемы с женскими соответствиями мужским обозначениям, так называемые феминизмы. Проще всего было бы образовать эти соответствия с формантом *-ka*, по привычной модели, но препятствием становится омонимия к названиям действий – *żonglerka*, *pielgrzymka* или престижность (т. е. мнимое, а может, и неизбежное, преуменьшение значения таких общественных функций, как *poseł*, *senator*, *wójt* в соответствующих суффиксальных женских именах). К этому необходимо добавить проблемы, связанные с образованием женских соответствий к названиям жителей (*Togo* – *Togijczyk*, но *Togijka*?).

3. Значительное колебание форм наблюдается и в ряду названий производителей действия, причем это касается как исконно польских формантов ('тот, кто подписывает' – *podpisca* или *podpiszca*; 'тот, кто проводит занятия / тренинг' – *ćwiczeniowiec*?; от *forum* следует образовывать *forumowicz* или *forowicz*?), так и формантов заимствованных (*synchronizer* или *synchronizator*; от *dysortografia* → *dysortografik* или как-то еще?).

4. В отношении прилагательных наиболее часты вопросы о способах их образования на основе заимствованных существительных: от *entropia* – *entropijny*, *entropowy*, *entropiczny*?; *circular* – *cyrkularny*; *circulant* – *cyrkulantny*? Проблемы, связанные с образованием отсубстантивных прилагательных, захватывают довольно широкий круг. Так, можно заметить довольно явные отступления от словообразовательных правил в направлении синтаксиса: *rynek gier (komputerowych)* можно ли обозначить как *rynek growy* (?); 'мясо волка' – это *wilczyzna* или *wilczyna* (?); *piers kurczaka* – *piers kurczęcza* (?). Подобные рассуждения интересны в немалой степени уже тем, что вписываются в тенденцию развития и истории языка едва ли не на всем его протяжении.

О положительной стороне ошибки и ее неслучайности в науке говорится уже давно. Однако, как нам кажется, в языкознании слишком редко применяется принцип *per errores ad verum*.

Словообразовательные средства интеллектуализации современного украинского языка

Н. Ф. Клименко

Институт языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины (Киев, Украина)

Номинация, лексикон, словообразование, интеллектуализация, интернационализация

Аннотация. В докладе на материале лексики различных функциональных стилей рассмотрена роль словообразовательных средств в интеллектуализации современного украинского языка. Особое внимание уделено взаимодействию собственных и заимствованных ресурсов языка в пополнении украинского лексикона.

Члены Пражского лингвистического кружка в 1929 г. среди тенденций дальнейшего развития языков мира назва-

ли интеллектуализацию литературных языков. Справедливость этого тезиса подтвердили исследования фактов мно-

гих языков. Во времена глобализации эта тенденция становится все более активной. Она проявляется в увеличении числа слов с абстрактными значениями, именуемых действия, состояния, процессы, качества, в ускоренных темпах пополнения словарного состава языков заимствованными словами, многие из которых называют единицы, объединяемые категорией отвлеченности, в процессах терминологии и детерминирования, росте продуктивности словообразовательных средств (основ, аффиксов), специализирующихся на выражении этой категории, а также удельного веса композитов и юкстапозитов.

В 1960-е и 1980-е гг. лексиконы восточнославянских языков активно пополняются за счет номинализации многих глаголов. Исследователи русского языка (авторы Русской грамматики (М., 1980) В. В. Лопатин, И. С. Улукханов, Е. И. Голанова и др.) отмечают значительное пополнение лексики, называющей абстрактные действия, процессы, состояния, наличие немногих продуктивных типов, по образцу которых оформляются подобные существительные: **-ни(е)** (и его варианты), **-к(а)**, нулевой суффикс, **-ацн(я)**, **-ств(о)**, употребительность таких слов во всех функциональных стилях литературного языка и в то же время незначительную продуктивность суффиксов **-от**, **-аж**, **-еж**, **-ок** в выражении категории отвлеченности. Во всех функциональных стилях украинского языка 1970-х гг. (ср. Словотвір сучасної української літературної мови. К., 1979, в частности, выводы Л. А. Родниной), 1980-х гг. (ср. работы В. М. Русановского, Е. Г. Городенской и др.) наблюдается активность образования имен абстрактного действия, процесса, состояния, продуктивность словообразовательных типов на **-ни(я)**, **-к(а)**, нулевой суффикс, **-ацн(я)**, незначительная продуктивность отглагольных типов на **-от(а)**, **-б(а)**, **-н(я)**, **-нин(а)**, **-ість**, **-ощі**, **-ництв(о)**, **-ок**, **-ан**, **-к(и)**, **-ни(и)** и др.

90-е гг. XX в. и первое десятилетие XXI в. свидетельствуют об увеличении числа слов, выражающих абстрактные действия, процессы, состояния. Наибольшую продуктивность во всех стилях продолжает сохранять словообразовательный тип отглагольных существительных на **-ни(я)**: *брендування, доосвітлення, бісероплетіння, тарифоутворення*. Значительно возросло число слов с суффиксами **-ацн(я)**, **-ізацн(я)**, называющих социальные процессы: *манкуртизація, маркетингація, екологізація, доларизація, університетизація*. Характерной особенностью многих лексем с этими суффиксами является мотивация их онимами и наличие у

них отрицательного прагматического ореола: *кучмізація, латиноамериканізація, піночетизація*. Растет удельный вес наименований абстрактных действий и процессов, образованных по аналогии без мотивации глаголами: *валютізація, деперсонізація, афганізація*. В орбиту подобных слов вовлечены отыменные образования с суффиксом **-іад(а)**, называющие какие-либо затянущиеся во времени процессы наподобие *комітетіада* (о выборах комитетов при Верховном Совете Украины), *спікеріада* (о выборах спикера Верховного Совета), ср. также параллельные производные *жебракіада + жебракізація*. Такие лексемы указывают на межстилевое сближение единиц, взаимодействие интеллектуализации литературного языка с процессами усиления его эмоционально-экспрессивной выразительности.

Наименования абстрактных действий, процессов, состояний активно пополняют композиты: *ендопротезування, макро-, мікрокінознімання, масажонавчання, мемуаротворчість, слухопротезування*. К ним примыкают многие существительные, называющие абстрактные качества: *лінгвопуризм, міфологізм, періохристиянськість, позаміфологічність, самоусвідомленість*. Эти явления свидетельствуют об увеличении числа сложных слов в языке. По сравнению с 70-ми гг. XX в. (по данным морфемно-словообразовательного фонда украинского языка Института языковедения им. А. А. Потебни НАН Украины) в современном украинском языке их удельный вес вырос с 10% до 14%. Одни из них являются терминами, другие принадлежат разговорному языку: *манкуртопарламентар, нікомуненалежність*.

В словарях неологизмов украинского языка и в нашей картотеке зафиксированы многие заимствования, быстро проникающие во все стили литературного языка, в том числе и в разговорный. Речь идет не только о названиях реалий быта (ср. *картопля-фрі, піца, спагеті, йогурт, кетчуп*), но и о многих детерминированных словах типа *мобільний, мобілочка, есемеска, натуропатія, голкорексфлексотерапія, фітоліки, реанімобіль*. Заимствованные слова образуют в языке словообразовательные и корневые гнезда. При этом наблюдаем лексикализацию многих заимствованных основ: *інтернет, рок, порно, гейт*. Среди заимствований много интернационализмов, принадлежащих к политической, социально-экономической, научно-технической, медицинской лексике, наименования из сферы культуры и искусства. Следовательно, интернационализация также способствует интеллектуализации языка.

Инновации в словообразовании русских, польских и чешских *nomina abstracta*

Е. И. Коряковцева

Akademia podlaska / Полесская академия (Седльце, Польша)

Модальные *nomina abstracta*, терминологические, универбилизация

Аннотация. В докладе анализируются русские, польские и чешские производные модальные *nomina abstracta*, имена процессов с изофонными терминологическими элементами *-изация, -izacja, -izace*, а также абстрактные существительные-универбаты, рассматриваются языковые и внеязыковые факторы, обуславливающие их появление.

Анализируя основной словарный фонд славянских языков, В. В. Виноградов, вслед за В. Кипарским, подчеркивал тесную связь русского, польского и чешского языков в сфере абстрактной лексики [Виноградов 1977: 45]. О существовании этой связи свидетельствуют словообразовательные инновации в кругу современных *nomina abstracta*, а именно: 1) появление модальных абстрактных имен с изофонными суффиксами *-ость, -ość, -ost*; 2) активное отыменное словообразование *nomina actionis* с помощью суффиксальных терминологических элементов *-изация, -izacja, -izace*; 3) образование процессуальных имен-универбатов с суффиксами *-овка, -lka, -ówka, -ka, -ovka*.

1. В русском, польском и чешском языках в рамках макрокатегории *nomina abstracta* взаимодействуют категории производных *nomina actionis* и *nomina qualitatis*, вследствие чего во всех трех языках появились модальные предикаты со значением пассивной гипотетической и активной потенциальной процессуальности, которые представлены абстрактными существительными с суффиксами *-ость / -ość, -ost*, ср.: рус. *автоматизируемость* 'возможность быть ав-

томатизируемым', *наблюдаемость* 'возможность быть наблюдаемым', также *адаптируемость, автоматизируемость, варьируемость, вживимость, возобновляемость, выделяемость* и др.; польск. *dostrzegalność < dostrzegalny* 'постигаемый' (KSJP), *dopuszczalność < dopuszczalny* 'допускаемый' (KSJP), *karalność < karalny* 'караемый' (KSJP), *kontrolowalność < kontrolowalny* 'контролируемый' (KSJP) и др.; чешск. *manipulativnost* 'способность манипулировать кем-, чем-л.' < *manipulativni* 'такой, которым можно манипулировать', (NSČ-I), *servisovatelnost* 'возможность быть обслуживаемым в сервисе' < *servisovatelný* 'такой, который может быть обслужен в сервисе' (NSČ-I), *stihnutečnost* 'возможность что-л. получить в определенное время' < *stihnutečný* 'такой, который может быть получен в определенное время' < *stihnout* (NSČ-I).

Условия словообразования модальных предикатов с суффиксами *-ость, -ość, -ost* в русском, польском и чешском языках являются сходными, но не идентичными. В русском языке существительные на *-ость* со значениями гипотетической пассивной процессуальности и активной потенци-

альной процессуальности образуются от страдательных причастий настоящего времени. В польском и чешском языках эта категория была утрачена еще в древности. Своеобразным ее субститутом является класс predisпозиционных отглагольных прилагательных с суффиксами *-aln-* и *-teln-*, функционально близкими суффиксам русских страд. причастий наст. вр. *-им-* / *-ем-*. На базе этих predisпозиционных прилагательных и образуются польские и чешские модальные имена действия на *-ość*, *-ost*.

В образовании модальных *nomina abstracta* на *-ość*, *-ost* со значением активной потенциальной и гипотетической пассивной процессуальности, которое стимулируется развитием научного прогнозирующего мышления, нуждающегося в семантически сложных обозначениях вероятностных свойств, находит свое отражение тенденция к интеллектуализации русского, польского и чешского языков.

2. Интеллектуализацией, интернационализацией и усилением тенденции к речевой экономии в русском, польском и чешском языках обусловлено словопроизводство отыменных *nomina actionis*, в котором участвуют продуктивные специализированные модели с суффиксальными терминологическими элементами *-изация*, *-изация*, *-изация*, греко-латинскими по происхождению. Эти изоморфные терминологические элементы с «автономным» процессуальным значением обладают способностью соединяться с основами производящих слов различной семантики, при этом в производных *nomina actionis* устанавливаются предельно четкие смысловые отношения между компонентами их структуры. Польские и чешские имена действия на *-изация*, *-изация* имеют те же процессуальные значения, что и русские *nomina actionis* на *-изация*, ср.: 1) «процесс превращения в то (того), что (кто) назван(о) мотивирующим существительным» (*дебилизация*, *debilizacja*, *debilizace*, *символизация*, *symbolizacja*, *symbolizace*); 2) «процесс создания, образования того, что названо мотивирующим существительным» (*мифологизация*, *mitologizacja*, *mytologizace*); 3) «процесс внедрения того, что названо мотивирующим существительным» (*медицинализация*, *medykalizacja*, *medikalizace*); 4) «процесс осуществления действия по способу (методу) лица, названного мотивирующим существительным» (*ельцинизация*, *jelcynizacja*, *jelcinizace*); 5) «процесс наделения свойством, названным мотивирующим прилагательным» (*американизация*, *amerykanizacja*, *amerykanizace*). Во всех трех языках существуют отглагольная, отсубстантивная и отадективная модели образования *nomina actionis* на *-изация*, *-изация*, *-изация*, однако в современном русском языке отглагольная модель неактивна.

3. В русском, польском и чешском языках в результате универбизации устойчивых словосочетаний активно образуются однословные компрессаты – *nomina actionis* с изоморфными формантами *-лка* / *-овка*, *-ка* / *-ówka*, *-ка* / *-ovka*, ср.: *бродилка* ‘компьютерная игра, где игрок вынужден бродить в лабиринтах’, *искалка* ‘компьютерная игра, где игроку приходится что-то искать’, *обучалка* ‘обучающая игра’, *развивалка* ‘развивающая игра’; польск. *platformówka* ← *gra platformowa* ‘игра, персонажи которой перемещаются по платформам’, *przygodówka* ← *gra przygodowa* ‘игра, содержанием которой являются многочисленные приключения’, *wyścigówka* ← *gra z wyścigami* ‘игра, содержанием которой являются гонки’, *zręcznościówka* ← *gra zręcznościowa* ‘игра, развивающая ловкость’; чешск. *individuálka* ← *individuální výuka* ‘индивидуальное обучение’, *komunálka* ← *komunální volby* ‘коммунальные выборы’, *rozvojovka* ← *rozvojová spolupráce* ‘развивающее сотрудничество’, *stresovka* ← *stresová situace* ‘состояние стресса, стрессовая ситуация’. Появление универбатов, *nomina abstracta* типа *бродилка*, *развивалка*, *platformówka*, *przygodówka*, *komunálka*, *rozvojovka*, значение которых поддается дешифровке только во внешнем контексте, связано с тенденцией к речевой экономии, а также с тенденцией к «национализации» лексической семантики, которая проявляется в стремлении закодировать значение мультивербизма, «свертываемого» в семантически нерегулярный универбат, понятный лишь носителям языка.

Литература

Виноградов В. В. Об основном словарном фонде и его словообразующей роли в истории языка // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977.
Komputerowy słownik języka polskiego. Warszawa, 2001 (= KSJP).
Nová slova v češtině. Slovník neologizmů. Praha, 1998 (= NSČ-I).

Игровой механизм выбора вторичной номинации

М. А. Кронгауз

Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия)

Номинация, языковая игра, личная сфера, омонимия, жаргон

Аннотация. В докладе рассматривается возникновение в русском языке новой (вторичной) номинации особого типа. Она фонетически близка к первичной и при этом совпадает с уже существующим в лексиконе словом, значение которого, как правило, никак не связано с данным значением, например *аська* (от англ. *ICQ*), *мерин* (от *mercedes*) и т. д. Исследуются словообразовательные, семантические и др. типы вторичной номинации, а также коммуникативная сфера ее употребления.

В докладе рассматривается специфичное для русского языка явление, которое заключается в возникновении в языке новой (вторичной) номинации особого типа. Эта вторичная номинация фонетически близка к первичной и при этом совпадает с уже существующим в лексиконе словом, значение которого не играет никакой роли, например *аська* (от англ. *ICQ*), *мерин* (от *mercedes*) и т. д. Этот феномен в разной степени связан с такими далекими друг от друга понятиями, как омонимия, личная сфера говорящего, языковая игра, заимствование, имя собственное.

В работе об игровом словообразовании Е. А. Земская [Земская 2007] упоминает лишь единичный пример, сближающийся с данным феноменом: *полкан* как название *полковника* в армейском жаргоне. Определенные аналогии можно провести и с явлением, называемым народной этимологией, которое обсуждает В. З. Санников [Санников 1999]. Наиболее близко к исследуемой проблематике подходит Н. В. Васильева [Васильева 2005], описывая переименования и переделки существующих названий, маркирующих присутствие соответствующих объектов в личной сфере говорящего. Приводимые автором примеры демонстрируют своего рода «перетекание» имен собственных в нарицательные и наоборот. Среди жаргонных топонимов Москвы упоминаются такие, как *Труба*, *Пушка*, *Калина*, *Маяк* и др. Не менее интересны и

обратные процессы: например, придание обычным словам формы фамилии (с помощью типичных суффиксов и иных стандартных компонентов фамилий): *вермутидзе*, *вермутович*, *картохин*, *шуткевич*, *выкинштейн* и под. Другой ряд примеров демонстрирует использование уже не искусственных, а, напротив, известных фамилий по фонетической ассоциации: *чайковский*, *белинский* и *чернышевский* в качестве номинации чая, белого и черного хлеба, соответственно.

Появление вторичной номинации игрового характера происходит в различных жаргонах и сленгах. В докладе анализируются компьютерный (*хомяк*, *аська*, *мыло* и т. д.), молодежный жаргоны (*Плешка*, *Щенка*, *Рена* и т. д.), а также жаргон автолюбителей (*мерин*, *пыжик*, *поджарый* и т. д.) и некоторые другие.

В результате анализа материала удается установить, что мы имеем дело с механизмом вторичной номинации, который характерен для жаргонов и разговорной речи. Иначе говоря, имеются две номинации некоей вещи или явления, причем первичная может существовать как в русском языке, так и в каком-либо другом (для всех рассмотренных иноязычных примеров это английский). Первичная номинация обладает свойством «семантической непрозрачности»: это либо непонятное слово иностранного языка, либо имя собственное (топоним, фамилия), либо своего рода «буквенный

номер» (буква, обозначающая маршрут, или аббревиатура), либо сложное номенклатурное наименование. Иначе говоря, статус первичной номинации как имени в русском языке неполноценен. Вторичная номинация семантически чрезвычайно конкретна, часто эмоционально окрашена. В этой роли могут выступать названия животных, уменьшительные личные имена, т. е. слова освоенные, привычные, относящиеся к разговорному стилю речи. Между первичной и вторичной номинацией существует определенное фонетическое сходство. Что же касается семантического сходства, то оно, как правило, отсутствует, хотя это и необязательно. Можно определить этот механизм как замену чужой, непривычной, абстрактной, непонятной номинации на номинацию привычную, свойскую, конкретную. Таким способом

обозначаемое понятие включается в личную сферу не только говорящего, но и адресата. Именно в этом смысле можно говорить об освоении, одомашнивании и «чужого» слова (по существу, его замены на «свое»), и понятия, за ним стоящего. Важным оказывается и принадлежность к жаргону, и игровая природа вторичной номинации, которые создают особую фамильярность как по отношению к предмету речи, так и к собеседнику.

Литература

- Васильева Н. В. Собственное имя в мире текста. М., 2005.
 Земская Е. А. Игровое словообразование // Язык в движении: К 70-летию Л. П. Крыгина. М., 2007. С. 186–193.
 Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

Модели окказионального словообразования в языке СМИ

Н. Ф. Крылова

Павлодарский государственный педагогический институт (Павлодар, Казахстан)

Словообразование, окказионализмы, модели, способы

Аннотация. Модели и средства образования окказиональных слов не являются абсолютно новыми и известны языку, но возникшие неологизмы демонстрируют возможности языковой системы и в то же время реализуют творческую способность индивидуума, выражают эмоциональную оценку происходящего.

Социально-политические процессы в обществе стимулируют проявления активной жизненной позиции нашего современника, что, в свою очередь, выражается в действенном слове. Обращение к ярким, оценочным речевым средствам реализует потребность в эффективном словоупотреблении. Индивидуально-авторский, творческий подход к словообразованию, проявляющийся в образовании единичных, авторских слов, демонстрирует возможности языка. Окказионализмы, яркая примета языка вообще и языка средств массовой информации в частности, «возникают под влиянием контекста при особом коммуникативном задании. Повышенная выразительность окказионализмов обеспечивается их необычностью на фоне нормативных канонических образований» [Валгина 2001: 151].

Язык средств массовой информации изобилует окказионализмами. Стремясь привлечь внимание читателей к проблеме, соревнуясь в остроумии, острословии, авторы играют со словами, поэтому материалом для исследований послужил язык периодической печати, в частности газет «Новое поколение» и «Аргументы и факты. Казахстан».

Можно выделить ряд словообразовательных моделей, которые, с одной стороны, демонстрируют возможности языковой системы, а с другой стороны, реализуют творческую, индивидуальную номинацию. Своеобразный вид игры со словом – сведение слова или ряда слов к начальной букве, чаще всего это фамилия или имя политического деятеля. Иронический эффект усиливается, если новое слово совпадает или похоже на известное уже слово. *Граненые стаканы эпохи ЛИ (Брежнев) отличались особой ценностью* (НП. 13.09.2002). Новое слово, особенно в контексте – «эпоха ЛИ», вызывает ассоциации с «эпохой Мао», широко употребляемым, достаточно устойчивым, наполненным особым смыслом словосочетанием советского периода.

Активно образуются слова путем соединения начальной части одного и конечной части другого производящего, так называемое «телескопическое словообразование». *В альбоме входит песня, в которой поется о желании быть мальчиком, подающим мячи для Анны Курниковой. Кроме того, на главную песню было сделано три версии: танцевальная, инструментальная и, как назвали музыканты, «курникустическая» версия* (НП. 13.09.2003) (акустическая версия Курниковой). Иронический эффект достигается и «ссылкой» на псевдоним известных карикатуристов (Кукрыниксы). Еще один пример использования данной модели – название статьи *Игры маразума* (НП. 11.10.2004) (*маразум* и *разум*), причем вынесением на первое место основы *маразум* достигается ярко отрицательная, негативная, а не мягко ироническая характеристика слова.

К числу новообразований, возникших по этой модели, относится и слово *полицонер*, образованное в результате

«смешения» номинаций *полицейский* и *милиционер*. Новое слово, в отличие от базовых нейтральных, также имеет резко отрицательную оценку, связанную, видимо, с негативным отношением людей к худшим представителям данной профессии. *Некоторые наши работники полиции, бывшие совсем недавно милиционерами, на самом деле являются гибридом – т. е. полицонерами. Они взяли все худшее, что было в советской системе МВД, и прибавили к этому все то плохое, что они видели в западных фильмах о продранных служителях правопорядка* (НП. 13.10.2004).

Обращает на себя внимание ряд новообразований, внешне совпадающих с хорошо известными словами, но отличающихся производящей основой, которая, кроме того, подчеркивается графически. Название статьи *БАЛовство пресекали*, в которой речь идет о выпускном бале (АиФ. Казахстан. 26.07.2005). Или другой пример: название статьи, в которой говорится о происшествии на складе, – *СКЛАДная история* (АиФ. Казахстан. 25.10.2006). Цель данных новообразований – привлечение внимания читателя к событию, явлению.

Замена части слова, а чаще всего сложного слова – активная модель образования окказионализмов. *В Сочи третий месяц продолжается фестиваль «Презентавр – 2002»* (НП. 04.10.2002). В новообразовании «презентавр», заменившем слово – название фестиваля, также еще являющееся неологизмом, – «кинотавр», подчеркивается увлечение организаторов фестиваля внешними, броскими атрибутами мероприятия в ущерб содержательной стороне, т. к. в современном обществе мероприятия-презентации характеризуются яркостью, даже пышностью, богатством проведения и зачастую не претендуют на глубину и объективность. *Голливуд, ненастоящая мультяндия, и вроде бы подлинная жизнь сыщика... все сплетается в неразвязываемый узел кинокомикса* (НП. 13.09.2004). Ср.: *Голландия, Финляндия, Лапландия* (настоящие страны) и *мультяндия* (выдуманная страна). Аналогичные образования: *Из общения со знающими людьми, так или иначе причастными к дорожной отрасли – чиновниками, предпринимателями, экспертами-асфальтоведами... автор попытался сделать некоторые выводы* (НП. 08.11.2002). Ср.: *литературоведы, языковеды*.

Достаточно активно образуются окказионализмы по аффиксальным моделям. Например, модель префиксально-суффиксальных прилагательных с конфиксом *без-* (*бес-*) – *j* со значением «явление, состояние, характеризующееся отсутствием того, что было названо мотивирующим словом» (слова типа *безлюдье, безрыбье*). *На бесптичье титул соловья присваивается и заднице* (НП. 04.10.2005).

Таким образом, индивидуально-авторские новообразования в языке периодической печати, когда автор играет со словом, стремясь привлечь внимание читателя, «победить в остроумии, острословии, оригинальности форм выражения»

[Русский язык... 1996: 136], становятся широко распространенным явлением. Окказионализмы, как правило, остры, актуальны, злободневны, являются способом выражения своего мнения и отношения к действительности. Модели и средства образования окказиональных слов не являются абсолютно новыми и неизвестными языку, но возникшие неологизмы выражают эмоциональную оценку происходящего,

демонстрируют возможности языковой системы и в то же время реализуют творческую способность индивидуума.

Литература

- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
Русский язык конца XX столетия. М., 1996.

Аналогия в порождении новых производных слов

Е. С. Кубрякова

Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Словообразование, аналогия, синхронная реконструкция словообразовательного акта

Для анализа особенностей порождения новых производных слов дериватологи уже давно обращаются к наблюдениям за реальными обстоятельствами их появления в тексте. При этом конкретной целью подобных наблюдений может выступать как необходимость уточнения семантики новообразования в его окружении другими единицами языка, так и стремление выявить условия порождения нового деривата.

Процедуры подобного анализа, называемого нами синхронной реконструкцией словообразовательного акта, были также в значительной мере направлены на выяснение природы мотивационности одного знака другим, для чего использовались такие тексты, которые содержали наряду с мотивированной единицей источник ее мотивации. Обычно им оказывалась единица, однокоренная с дериватом, т. е. образу-

ющая определенную словообразовательную пару или корреляцию.

Нередко, однако, обращение к текстам расширяло наши представления о том, каков механизм создания нового слова; им могла выступать АНАЛОГИЯ, когда одно слово порождалось по образцу и подобию другого / других, присутствующих, как правило, в том же тексте. Более того. Поскольку тексты выявили разные по своей структуре, уровневому статусу и протяженности образцы, оказалось возможным предложить разные типы аналогии (как примеры уподобления разным единицам номинации, сходным с неологизмами по целому ряду тех или иных параметров).

В докладе будут продемонстрированы эти типы, а также показана реальная роль аналогии в современном словообразовании.

Периферийные способы выражения функционально-семантических категорий в современной польской речи: тенденции актуализации

И. А. Кудряшов

Педагогический институт Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Коммуникативные намерения, косвенные речевые акты, эмоционально-оценочный компонент речи

Аннотация. Актуализация периферийных способов выражения побудительности в современной польской речи сопровождается эмоционально-оценочными наслоениями, цель которых – действенное воздействие на модус (когнитивно-волевую сферу) собеседника. Косвенные побудительные акты позволяют адресату прагматизировать в речевом действии «себя» и «других».

Речевое общение – это процесс намеренного воздействия на когнитивное мышление собеседника с целью создания атмосферы взаимного психологического комфорта. Воздействие это может быть как усиленным, так и смягченным, в связи с чем говорящая личность избирает тот или иной речевой жанр, сталкивается с ответными – речевыми и неречевыми – реакциями со стороны собеседника, затрудняющими или способствующими достижению преследуемой цели. Особое значение в данном аспекте приобретает исследование тех языковых средств, посредством которых партнеры по общению демонстрируют друг другу свои коммуникативные намерения, выражают согласие / несогласие с речевым поведением оппонента. Характер языково-го оформления интенции адресанта во многом определяет перспективу развиваемого речевого взаимодействия, степень его рациональности для обоих собеседников. Естественно, что характер этот не может формироваться строго однородными с точки зрения способа выраженности содержания элементами, особенно в диалогической ситуации, когда участники общения преследуют противоположные цели, занимают разную позицию в социальной иерархии.

Подобные экстралингвистические факторы протекания диалогической коммуникации зачастую обуславливают речевой способ представления намерения, различную степень выраженности его явности. Следствием этого оказывается инициация в реальной практике диалогического общения косвенных речевых актов, иллокуция которых формируется речевой актуализацией периферийных способов выражения функционально-семантических категорий (ФСК).

На речевом уровне косвенная представленность воздействия реализуется как семантический диссонанс между формой и содержанием высказывания. В результате высказывание приобретает дополнительные прагматические наращения, начинает служить действенным способом привлечения внимания собеседника к необходимости следования ини-

цированному в условиях данного диалогического общения речевому шагу адресанта. Актуализация периферийных способов выражения ФСК, таким образом, влечет за собой разлад между языковым и речевым значениями высказывания: «смягченные» языковые средства реализуют усиленное речевое воздействие. Поэтому функциональный аспект косвенных речевых актов затрагивает такую сферу, как эмоционально-оценочный компонент речи. Внимание к контексту подобных высказываний в современной польской речи проявляется в богатстве языковых средств для выражения эмоций, в стремлении передать разнообразные оттенки возникающих между собеседниками чувств.

В диалогическом общении исходная косвенно-речевая реплика призвана стимулировать появление у адресата эмоций и оценок, совпадающих с теми, которыми руководствуется говорящий. В качестве периферийного способа выражения ФСК побудительности в современной польской речи определенной частотностью обладают констативные речевые акты. Наши наблюдения свидетельствуют, что диалогические реплики-констативы, передающие субъективно детерминированное побудительное значение, содержат, как правило, негативную оценку положения дел слушающего.

Ср.: – *Niepotrzebnie robi pan te wszystkie zastrzeżenia. Pańskie pragnienie jest zupełnie zrozumiałe.*

Bartek musiał przyznać, że nie tego się spodziewał... (J. Seipp. Królewna).

Субъективная отрицательная оценка говорящего усиливает прескриптивное значение реплики. При этом, по мнению адресанта, должна сработать такая презумпция: адресат сознательно изменит существующую ситуацию, не заслуживающую, с точки зрения говорящего, позитивной оценки. При прогнозировании ожидаемой речевой реакции автор косвенного побуждения исходит из абсолютизированной оценки именно своей позиции, учитывает лишь те условия, которые он считает важными для себя. Подобная установка осозна-

ется говорящим в качестве «смыслового фокуса» взаимодействия. Вместе с тем данный косвенный речевой акт предстает прагматическим средством выражения эмоций (осуждение, досада). Другими словами, анализ периферийных способов выражения ФСК может дать возможность установить корреляцию между семантической структурой косвенного акта и особенностями психологического состояния говорящего.

Достаточно продуктивным речевым актом, транспонирующимся в сферу косвенных в современной польской диалогической речи, являются вопросительные высказывания, которые также «подпитывают» общение эмоциями (как положительными, так и отрицательными).

Ср.: – *Dlaczego mnie zwodzisz? Dlaczego nie przyznasz się, że jesteś Amosem i wiesz o mnie wszystko? – Nie jestem żadnym Amosem. Nazywam się Andzej Mos (O. Tokarczuk. Dom dzienny, dom nocny).*

В прагматическом плане подобные вопросительные высказывания можно расценивать как прохибитив-экспрессив. Его косвенный смысл формируется двумя значениями высказывания: во-первых, планированием изменения в поведении слушающего (*Nie zwodz mnie! Przyznaj się!*); во-вторых, «заряжением» адресата речи эмоциями, испытываемыми самим говорящим. Причем в данном диалогическом общении слушающий не поддерживает подобную

коммуникативную стратегию инициатора диалога, в связи с чем намеренно игнорирует косвенную иллюкцию вопросительного высказывания и реагирует на его первичный (именно вопросительный) смысл. В русле второго значения в высказывании зарождается фокус эмпатии, т. е. идентификация адресанта со слушающим, участником или объектом сообщаемого события. В зависимости от конкретных условий протекания диалогического общения актуализация одного из указанных значений может быть более явной, другого – менее явной. Теоретически возможен и случай пересечения этих значений между собой, их нейтрализации или взаимного позитивного резонанса. Все зависит от степени ограничений, налагаемых условиями социального общения.

Таким образом, речевая актуализация периферийных способов выражения ФСК в современной польской речи, как правило, сопровождается дополнительными эмоционально-оценочными составляющими, что делает данную актуализацию действенным средством апелляции к когнитивной и волевой сфере слушающего. Побуждение, передаваемое непобудительными по форме высказываниями, переносит оказываемое ими воздействие в мир знаний и чувств адресата, т. е., в конечном счете, воздействует на его модус. Вместе с тем подобные формы волеизъявления позволяют адресанту прагматизировать в актах общения «себя» и «других».

Экспериментальное измерение степени лексичности лексических инноваций (на материале русских префиксальных глаголов)

Н. Б. Лебедева

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Потенциал словообразовательной системы, лексическая реализация

Аннотация. В докладе поставлен вопрос о расхождении между потенциалом словообразовательной системы и тем, как он реализуется в нормативном плане языка. Предложен способ экспериментального исследования лабораторных слов разной степени узуальности / окказиональности.

Расхождение между потенциалом словообразовательной системы и тем, как он реализуется в нормативном плане языка, входит в проблематику взаимодействия лексик и словообразования, одним из способов изучения которого могут выступить наблюдения за «необразованиями», «нерезализациями» того, что словообразовательной системой допускается, а в лексическую норму не вошло. Для решения этого вопроса весьма продуктивным методом является эксперимент, который может дать материал для анализа «необразований», «нерезализаций», тогда как другой, традиционный способ исследования продуктивности через фиксацию реальных производных, зафиксированных в текстах и словарях, почти ничего не сообщает о нерезализованных потенциалах.

Для выведения реализации / нерезализации системных потенциалов может быть выбран путь, когда исследователь конструирует производное слово, которое предлагает для оценки информантам. Материалом экспериментального анализа в статье выступают префиксальные производные от глаголов поведения: *нахвасться*, **перехвасться*, **забодриться*, **нахрабриваться*. Этот ряд глаголов, по гипотезе исследователя, выстраивается в следующую градуальную линию. Первый глагол – *нахвасться* (вдоволь похвасться) – узуальный (отмечен в словаре) и является своего рода контрольным словом, определяющим соответствие языкового сознания информантов и показаний словаря. Остальные глаголы, отмеченные звездочкой, – лабораторные (т. е. придуманные экспериментатором) слова. В вышеуказанном списке они расположены по степени продуктивности словообразовательной модели и степени узуальности (нормативности, «лексичности») и потенциальности (близкая – дальняя – сверхдальняя). Второй глагол – **перехвасться* (похвасться сверх меры, одноструктурный образец – *перегреться*, *перезаниматься*) – находится на грани между узуальным и незуальным (не отмечен в словаре) и входит в «ближнюю» потенцию, поскольку этот глагол образован по продуктивной модели, т. е. в соответствии со словообразовательной системой, но, судя по словарю, не вошел в лексическую норму, а если бы встретился в речи, то мог бы быть оценен как потенциальное слово. Третий глагол – **забодриться* (начать бодриться, одноструктурный

образец – *заволноваться*, *забеспокоиться*) – незуальный, создан с некоторыми деформациями словообразовательной системы, входит в «дальнюю» потенцию, лексической норме не соответствует. Если бы встретился в речи, мог бы быть оценен как среднее между потенциальным и окказиональным словом. Четвертый глагол – **нахрабриваться* (длительно, интенсивно совершать действие *храбриться*, одноструктурный образец – *названивать*, *нахвастьвать*) – незуальное слово, созданное со значительными деформациями словообразовательной нормы, возможно, составляет «сверхдальнюю» потенцию, лексической норме не соответствует. Его появление в речи маловероятно, оно находится на грани окказионального и невозможного.

Информанты (студенты-филологи и журналисты) должны ответить на два вопроса и отметить один из предложенных ответов.

Вопрос № 1: «Данное слово Вам: а) понятно, обычное слово, б) понятно, но как-то непривычно, в) понятно, но так не говорят, режет слух, г) непонятно, нет такого слова».

Вопрос № 2: «Можно ли так сказать?». При этом предлагается отметить один из пунктов вопросника: А) да, Б) скорее да, чем нет, В) скорее нет, чем да, Г) нет.

В результате эксперимента получено 300 анкет.

Ответы показали, что степень нормативности этих глаголов различна – от безусловно недопустимого, неприятие которого указывается большинством информантов, до понимания их как «естественных». Ответы испытуемых дают возможность сопоставить словообразовательную и лексическую норму, выяснить, в какой степени образованное слово соответствует словообразовательной системе и в какой – лексической норме. Предполагается, что есть определенная (нежесткая) корреляция между первым и вторым.

Глаголы *нахвасться* и **нахрабриваться* представляют собой два полюса, между которыми расположились остальные лабораторные слова. Они дают возможность сопоставить словообразовательную и лексическую норму, выяснить, в какой степени образованное слово соответствует словообразовательной системе и в какой – лексической норме. Предполагается, что есть определенная (нежесткая) корреляция между первым и вторым. Префиксальное и конфиксальное словообразование глаголов отличается тем, что оно

относится к модификационному и аддитивному типу. Следовательно, лексическое значение такого производного глагола как цельной единицы, в принципе, равно сумме составляющих частей (семантика мотивирующего глагола плюс семантика словообразовательного форманта). Благодаря прозрачности словообразовательной структуры префиксального глагола слово обладает признаком выводимости, но это только в том случае, если производное слово создано по системно допустимым моделям. Поэтому степень выводимости, «понятийности» слова, которая выясняется из отве-

тов информантов, интерпретируется как степень системной обусловленности созданного исследователем производного глагола, предложенного для оценки информантам.

Данный материал, полученный методом опроса, можно подвергнуть дополнительной верификации применением другого метода – исследования предложенной цепочки на оси частотности в Интернете. Полученные результаты могут дать интересные ответы не только на поставленные вопросы, но и на вопрос о точности внутреннего «счетчика» рядового носителя языка и ряд других.

Языковой пуризм как фактор развития системы словообразования (на материале белорусского языка)

А. А. Лукашанец

Национальная Академия наук Беларуси (Минск, Беларусь)

Языковой пуризм, межъязыковое взаимодействие и отталкивание, интернационализация и национализация

Аннотация. В докладе рассматриваются особенности формирования и развития словообразовательной системы белорусского литературного языка в XX в. Становление норм современного белорусского литературного языка исключительно в условиях близкородственного двуязычия и многоязычия обусловило специфику формирования национальной системы словообразовательных способов и средств, что нашло проявление в параллельном действии двух противоположных тенденций: интернационализации (межъязыкового сближения) и национализации (языкового пуризма).

Формирование норм нового белорусского литературно-письменного языка имеет ряд специфических особенностей.

Во-первых, современный белорусский язык имеет длительную, но прерванную литературно-письменную традицию, что обусловило его народно-разговорную, а не книжную основу.

Во-вторых, нормы нового белорусского письменного языка формировались на фоне доминирования в различных сферах общения других близкородственных славянских языков (русского и отчасти польского). Давление систем этих языков на белорусское нормотворчество, в том числе и в сфере словообразования, проявилось в практически постоянной пуристической деятельности определенных кругов носителей белорусского языка, направленной на актуализацию национальной специфики системы белорусского языка и отталкивание от сходных явлений соседствующих языков.

В сфере белорусского словообразования современный белорусский языковой пуризм находит проявление в следующем:

1. Специфическом отборе словообразовательных средств национального языка в качестве литературного стандарта. Так, только пуристической тенденцией отталкивания от русского и польского языков можно, по-видимому, объяснить не востребованность словообразовательной системой белорусского литературного языка общеславянского суффикса **-тель**. Сравн.: русск. *читатель* – бел. *чытач*, *завоеватель* – *заваёўнік*, *строитель* – *будаўнік*, *обвинитель* – *абвінаваўца*, *учитель* – *настаўнік* и т. д. Сравн. также употреблявшуюся в белорусском языке начала XX в. мотивированную лексику с этим словообразовательным формантом: *абвініцель*, *вучыцель*, *збавіцель*, *дзвігацель*, *заваявацель*, *настаяцель*, *папячыцель*, *прадсядацель*, *следавацель*, *чытацель*.

2. Специфическом отношении к иноязычной лексике и стремлении к ее замене собственными новообразованиями. Подобная тенденция в особенности активизируется в периоды пика пуристических устремлений (например, 20-е и 90-е гг. XX в.) и находит свое реальное воплощение в интенсивном словотворчестве, в том числе и в сфере научной терминологии, и повышении продуктивности отдельных способов словообразования и словообразовательных средств. Ср., например, новообразования 20-х гг. XX в.:

двустотнасьць ‘дуализм’ (русс. *дуализм*), *інішасказ* ‘аллегория’ (русс. *аллегория*), *кантаслуп* ‘призма’ (русс. *призма*), *канцавосье* ‘полос’ (русс. *полос*), *кнігаліс* ‘библиография’ (русс. *библиотека*), *краявід* ‘ландшафт’ (русс. *ландшафт*), *кругавыраз* ‘сектар’ (русс. *сектор*), *кругадрэз* ‘сегмент’ (русс. *сегмент*) и т. д.

Подобная тенденция к национализации словарного состава белорусского литературного языка и его словообразовательной системы становится заметной и в 90-е гг. XX в. Сравн.: *асобнік* вместо *экземпляр*, *адсотак* вместо *процент*, *далькажык* вместо *мабільнік* и т. д.

3. Появлении параллельных мотивированных единиц и стремлении к нормативной переоценке уже существующих. Основным критерием нормативной переоценки становится степень схождения белорусских слов с соответствующими русскими. При этом предпочтение может отдаваться явным заимствованиям из польского языка. Сравн.: *выстаўка* вместо *выстаўка* (русс. *выставка*, польск. *wystawa*), *напой* вместо *напітак* (русс. *напиток*, польск. *napój*), *улётка* вместо *лістоўка* (русс. *листовка*, польск. *ulotka*), *каментар* вместо *каментарый* (русс. *комментарий*), *леішча* вместо *дача* (русс. *дача*), *канцэртвы* вместо *канцэртны* (русс. *концертный*), *суфіксавы* вместо *суфіксальны* (русс. *суффиксальный*), *спартовы* вместо *спартыўны* (русс. *спортивный*) и т. д.

Таким образом, следствием пуристических тенденций в сфере белорусского словообразования является:

1. Избирательность словообразовательных средств национального языка.

2. Усиление продуктивности отдельных словообразовательных способов и словообразовательных средств.

3. Наличие словообразовательной синонимии и дублетности.

4. Конкуренция словообразовательных способов и словообразовательных средств.

5. Семантическая и стилистическая дифференциация словообразовательных средств.

Все это, в конечном счете, ведет к расширению номинативных возможностей системы словообразования, обогащению словарного состава языка, его семантической и стилистической дифференциации.

Префиксальное словообразование имен существительных в современном русском языке

Й. Митурска-Бояновска

Щецинский университет (Щецин, Польша)

Словообразование, префиксация, имя существительное

Аннотация. В конце прошлого столетия в русском языке наблюдался рост префиксации в сфере имен существительных, при этом в словообразовательных процессах участвуют исконные и заимствованные приставки различной семантики.

В русском языке приставочный способ словообразования наиболее распространен в кругу глаголов. Однако, как по-

казывают исследования многих языковедов, во II половине XX в. наблюдается рост именной префиксации, особенно в

сфере имен существительных [Kaliszan 1980: 5]. Словарные материалы подтверждают, что препозитивные морфемы являются активным средством деривации субстантивов и наглядно доказывают, что пик популярности префиксального способа словообразования имен существительных падает на 80-е гг. прошлого столетия (ср. рис. 1).

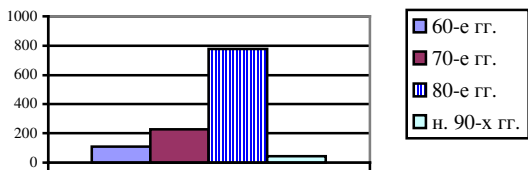

Рис. 1. Активность префиксального словообразования в сфере имен существительных во II половине XX в.

Префиксы, уточняя, дополняя семантику слова, к которому присоединяются, выполняют модифицирующую функцию. Не меняется при этом лексико-грамматическая принадлежность деривата по сравнению с базовым словом.

В словообразовательных процессах участвуют как исконные, так и заимствованные префиксы, главным образом греко-латинского происхождения (во многих случаях имеющие интернациональный характер, напр.: *а-, анти-, гипер-, де-, ин-, интер-, квази-, ко-, контр-, микро-, мини-, пост-, пре-, про-, псевдо-, ре-, суб-, супер-, транс-, ультра-, экс-*). Самыми активными при этом признаются следующие препозитивные морфемы: *мини-, не-, анти-, сверх-, супер-, псевдо-* (см. рис. 2).

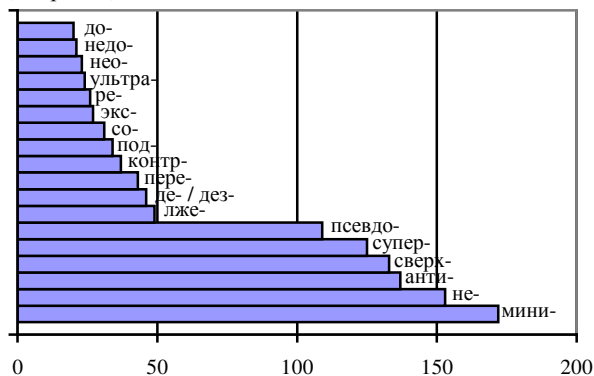

Рис. 2. Перечень наиболее активных префиксов, участвующих в словообразовании имен существительных

Учитывая семантику дериватов, можно выделить несколько групп префиксальных морфем: 1) префиксы, выра-

жающие значение подобия или ложности: *квази-, лже-, пара-, про-, псевдо-*: *квазирелигия, лжедемократ, паралич, температура, провирус, псевдоматрикс*; 2) префиксы, выражающие значение подчиненности: *под-, суб-*: *подкаста, субпроект*; 3) префиксы, выражающие значение отсутствия и противоположности: *а-, анти-, де-/ дез-, дис-, ин-, не-, раз-/ рас-*: *атренированность, антиграффитисы, деконсолидация, диссимметрия, инактивация, невыбор, расколлективизация*; 4) префиксы, выражающие значение противонаправленности: *анти-, контр-, против-*: *антидействия, контр-резолюция, противоракета*; 5) префиксы, выражающие значение повторности: *пере-, ре-*: *перемоделирование, рефинансирование*; 6) префиксы, выражающие значение первоначальности: *пред-, прото-*: *предхристиане, протоцивилизация*; 7) префиксы, выражающие значение совместности: *со-*: *сосоздатель*; 8) префиксы, выражающие значение увеличенности / интенсивности (суперлативные префиксы): *архи-, гипер-, макро-, мега-, мульти-, поли-, сверх-, супер-, ультра-, экста-*: *архипатриот, гипертираж, макроморозилка, мегафабрика, мультиллионер, полиэкран, сверхжадность, суперэробус, ультрарасист, экстрагонорар*; 9) префиксы, выражающие значение уменьшенности: *микро-, мини-*: *микрочастицы, мини-балкон*; 10) префиксы, выражающие пространственное и / или временное значение: *нео-, пост-, суб-*: *неофутурист, постсоциализм, субрегион*; 11) префиксы, выражающие значение дополнительной, чрезмерности: *до-, пере-*: *дозаявка, переобогащение*.

Многие языковеды подчеркивают, что во II половине XX в. в центр системы литературного языка проникают периферийные элементы. Подтверждением этого является также рост именной префиксации (особенно в 1980-е гг.).

Литература

- Максимов Н. В. Словарь перестройки. СПб., 1992.
 Новые слова и значения (60-, 70-, 80 гг.). М., 1973; СПб., 1997.
 Новое в русской лексике. Словарные материалы (1977–1992). М., 1981; СПб., 2004.
 Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия. М., 2001.
 Kaliszan J. Интернациональные препозитивные морфемы греко-латинского происхождения в современном русском и польском словообразовании // *Seria filologia rosyjska*. Nr. 14. Poznań, 1980.
 Kaliszan J. Z obserwacji nad rosyjską prefiksacją imienną ostatnich dziesięcioleci // *Studia z Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej* / Pod red. A. Bartoszewicza. T. 20. S. 79–85. Warszawa, 1992.
 Pstya A. Nowe słownictwo rosyjskie. Struktura formalna i semantyczna rzeczownika. Gdańsk, 1994.

О разграничении корневых и служебных морфем (на материале современного русского языка)

В. Н. Немченко

Нижегородский государственный университет (Нижний Новгород, Россия)

Морфема, корень, корневая морфема, служебная морфема

Аннотация. При объяснении понятия корня в русском языкознании обычно учитываются такие его признаки: 1) способность выражать основное лексическое значение (значения), 2) возможность употребляться вне сочетания со служебными морфемами, 3) обязательное присутствие в составе каждого слова. Этих признаков недостаточно для последовательного разграничения корней и служебных морфем. Предлагается считать корнями лишь такие морфемы, которые в современном языке могут употребляться вне сочетания с другими корнями.

В современном отечественном языкознании сложилось общепринятое понимание морфемы как двусторонней, знаковой (значимой) единицы языка, отчетливое представление о корневых морфемах, с одной стороны, и служебных морфемах, или аффиксах в широком смысле, с другой. В специальной лингвистической литературе определены основные признаки тех и других. В качестве специфических признаков корневых морфем, отличающих их от служебных, аффиксальных морфем, обычно указываются такие: 1) корневая морфема выражает основное лексическое значение (значения) слова; 2) корневая морфема может употребляться вне сочетания со служебными морфемами или другими корнями (за исключением связанных корней); 3) корневая морфема обязательно присутствует в каждом слове, слова без корней не существуют. Об этом подробно говорится в ранее опубликованных нами работах (см., например: [Немченко 1994: 50 и след.]).

Несмотря на основательную разработанность проблемы взаимоотношения корневых и служебных морфем, нельзя признать решенным вопрос о разграничении корневых и служебных морфем в целом. Ни один из указанных выше признаков корня не может служить достаточным основанием для последовательного разграничения этих видов морфем. Первый из названных признаков корня весьма относителен: основа, ядро лексического значения слова может быть выражена не только корневой морфемой, но и служебной, например, суффиксом лица *-ист* у существительных типа *танкист, тракторист, велосипедист*. Второй признак свойствен не всем корневым морфемам, а только свободным. Что касается последнего, третьего признака, приписываемого корневым морфемам, то он относится скорее не к морфеме, а к слову, которое отличается от любого другого речевого отрезка тем, что обязательно содержит корень.

В ряде слов современного русского языка содержатся морфемы, определение морфемного статуса которых по названному выше признакам затруднительно или невозможно. Это относится, например, к начальным морфемам в словах *ежедневный, ежегодный, полведа, полушубок, гидросамолет, гидроэлектростанция*, к конечным морфемам основ в словах *диалектолог, лексикограф, дискотека* и нек. др. Не случайно одна и та же морфема в подобных словах разными учеными нередко квалифицируется по-разному – как корневая или служебная. Так, например, морфема *пол-* (*полу-*), которая обычно рассматривается как корневая, в работах некоторых авторов (А. В. Миртова, Е. В. Осовской, Е. А. Голушковой) относится к префиксам; морфема *еже-* рассматривается то как служебная морфема, то как связанный компонент сложных слов, т. е. как корень (Акад. грамматика 1970 г., Рус. грамматика 1980 г.); морфема *-вод*, традиционно рассматриваемая как корневая, иногда квалифицируется как суффикс (И. И. Ковалик. Ссылки на соответствующие работы см.: [Немченко 1994: 56–57]). Примечательно в этом отношении следующее высказывание известного советского ученого А. И. Смирницкого: «...Положение некоторых морфем в системе языка может быть вообще таким, что трудно определить, относятся ли они к числу корневых или аффиксальных. Вряд ли можно, например, с уверенностью определить, чем является морфема *-граф-* в *телеграф, фотограф, географ, биограф, автограф* и т. п.: корневой морфемой или суффиксом...» [Смирницкий 1949: 25].

Для последовательного разграничения корневых и служебных морфем в сомнительных случаях (как, впрочем, и во всех остальных) предлагается корневыми считать лишь такие морфемы, которые могут употребляться вне сочетания с другими корнями (или основами). По этому признаку к корневым должны быть отнесены такие из упомянутых выше морфем, как, например: *-вод* в существительных типа

пчеловод, цветовод (ср. *раз-вод-ить* пчел, цветы), *пол-* в словах типа *полгода, полведа* (ср. *половин-а* года, ведра), но аффиксальными должны быть признаны такие, как *-граф, -лог, -тека, гидро-, еже-* и др. под. в словах типа *лексикограф, диалектолог, дискотека, гидросамолет, ежегодный* (на это нами уже обращалось внимание; см.: [Немченко 1994: 56–57]).

Рассматриваемые морфемы или некоторые из них иногда выделяются в особый вид морфем переходного характера, относятся к так называемым полуаффиксам, или аффиксоидам, которые в современной русистике представлены весьма разноречиво; границы этого явления по существу не определяются (подробный обзор литературы по этому вопросу содержится в отдельной статье [Немченко 1990]).

Учет сформулированного нами отличительного признака корня при разграничении корневых и служебных морфем можно считать оправданным и в том отношении, что им подчеркивается особая роль корня в составе лексемы, роль его как основной, доминирующей значимой части слова, выразителя основного лексического значения слова.

В заключение хочу отметить, что действенность, эффективность предлагаемого критерия разграничения корневых и служебных морфем проверена и на других конкретных примерах (*мини-, электро-* и др.), в том числе и на учебных занятиях со студентами.

Литература

- Немченко В. Н. Термины «аффиксоид», «префиксоид», «суффиксоид» и их синонимы в современном языкознании // Гуманитарные термины в специальной литературе. Горький, 1990. С. 23–34.
 Немченко В. Н. Современный русский язык. Морфемика и словообразование. Н. Новгород, 1994.
 Смирницкий А. И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Доклады и сообщения филологического факультета [Московского университета]. Вып. 5. М., 1948.

Тенденция языковой экономии как фактор динамики литературной нормы в славянских языках

Г. П. Нещименко

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Словообразование, языковая экономия, литературный язык

Аннотация. Тенденция языковой экономии оказывает стимулирующее воздействие на эволюцию языковой материи, в том числе и на динамику нормы литературного языка. Тем не менее данный лингвистический феномен до сих пор изучен недостаточно. Проявления этой тенденции отмечаются как в диахронии, так и в синхронии, позволяя, в частности, наблюдать синхронную языковую динамику. Анализ современных славянских языков и, в частности, вербального стандарта публичной коммуникации дает основание говорить об усилении конвергентности в их развитии.

1. Важным фактором, стимулирующим динамику языковой системы, является взаимодействие двух *противонаправленных* универсальных тенденций: языкового варьирования и языковой экономии. Первая из них ведет к разрастанию вербальной материи за счет притока новых языковых знаков; вторая, напротив, удерживает языковую систему от чрезмерной громоздкости путем устранения избыточных изофункциональных номинаций, поиска более компактных средств выражения, максимального использования существующих знаков. В результате противоборства данных тенденций вербальная материя не просто удерживается в состоянии равновесия – создаются предпосылки для ее оптимального функционирования и развития, для установления столь необходимого соответствия между номинационным корпусом и насущными информационно-коммуникативными потребностями социума. Действие названных тенденций, в том числе и интересующей нас тенденции языковой экономии, можно наблюдать в языках различной типологической принадлежности. Наиболее перспективным, однако, является их сопоставительное изучение на материале славянских языков, располагающих большим словообразовательным потенциалом, столь необходимым для их реализации.

2. В славянской литературе феномен языковой экономии традиционно связывается с явлением *универбизации*, т. е. синхронного свертывания, стяжения описательных номинаций в номинации компактные, однословные (при сопутствующей семантической конденсации). Ср.: *нейтральная полоса > нейтралка; обменный пункт > обменка / обменник; многократная виза > многократка; противоугольное средство > противоуголка; альтернативная служба >*

альтернативка и мн. др. На наш взгляд, диапазон конкретных реализаций данной тенденции существенно шире. Анализ имеющегося в нашем распоряжении большого языкового материала наводит на мысль о том, что мы имеем дело с комплексной и многоаспектной проблемой большого теоретического и прикладного значения. Данное явление наблюдается практически во всех частях речи (существительные, прилагательные, наречия, глаголы). Последствия влияния тенденции языковой экономии на номинационную и словообразовательную системы, их внутреннее структурирование значительнее, чем кажется на первый взгляд.

3. В связи со сказанным представляется целесообразным расширить объект исследования за счет включения не только синхронного, но и диахронного ракурса, с учетом фактов конкуренции изофункциональных языковых средств. Помимо этого, очевидно, имеет смысл дифференцировать компактные обозначения на:

- номинации с *явно* выраженной семантической конденсацией (универбы), *сопровождаемой* соответствующей структурной модификацией;
- номинации с *латентной* семантической конденсацией, *не сопровождаемой* структурной модификацией (например, факты полисемии, т. е. повторного использования одного и того же знака; ср. рус. *челнок*; чеш. *občanka* и пр.);
- номинации с различного рода усечениями структуры слова (включая замену способа словообразования, использование аббревиатур, смену первоначального суффикса на более короткий и пр.), *не сопровождаемые* семантической конденсацией (ср. стилистически сниженные, экспрессивные, сленговые и пр. обозначения типа рус. *ком-*

промат > *компра*; *объявление* > *объява*; *отмывание* (де-нег) > *отмыв*; *абитуриент* > *абитуря*; чеш. *zmrzlina* > *zmrzka*; *profesionál* > *profja*; *resustituční oddělení* > *resu*; *počítač* > *poč* и мн. др.

Представленность данных и им подобных компактных обозначений в отдельных славянских языках не всегда совпадает. Наиболее продуктивной, на наш взгляд, является суффиксальная универбизация, подтверждаемая, помимо прочего, возрастанием частотности, расширением сферы употребления, т. е. постепенной «легализацией» компактных обозначений в литературном узусе. Масштабы использования универбизации в различных славянских языках не одинаковы (в чешском и словацком языках она представлена шире, чем, например, в русском).

4. Для изучения механизма тенденции языковой экономии особенно значим период второй половины XX – начала XXI в. К этому времени четко обозначились последствия происходящих внутриязыковых и внеязыковых изменений, в числе которых наиболее важны следующие моменты:

- смена нормативной основы литературного языка (утрата текстами художественной литературы эталонной, нормотворческой роли; доминирование текстов СМИ, главным образом *устных*). В результате этого узус репрезентативного языкового употребления становится открытым для включений из повседневной непринужденной речи, в том числе и из профессионального общения, сленгов и пр.
- существенное возрастание объема информационного потока, а также скорости его прохождения по каналам коммуникативной связи. Данное обстоятельство повышает востребованность компактных, семантически емких номинаций.

Активные процессы в современном русском словообразовании

Г. А. Николаев

Казанский государственный университет (Казань, Россия)

Конфигкация, конфиксоиды, деконфигкация, контаминационное словообразование, нулевая суффиксация

Аннотация. В докладе рассматриваются современные активные словообразовательные процессы в сфере как традиционных, так и новых способов русского словопроизводства: конфигкация, деконфигкация, чересступенчатая конфигкация, конфиксоидность, нулевая суффиксация, контаминационное словообразование.

Словообразовательная система русского языка, имея достаточную функциональную стабильность, тем не менее постоянно эволюционирует. Активные словообразовательные процессы разветвляются в сфере как традиционных, так и новых способов русского словопроизводства.

Наибольшей активностью среди традиционных способов словообразования отличается конфиксальное словопроизводство. Конфигсальный способ словообразования укрепляется, становится все более систематическим (т. е. продуктивным и регулярным) и все более системным, выравниваясь по многим параметрам с префиксацией и суффиксацией.

В современном русском языке конфигсальные структуры возникают часто при чересступенчатом словообразовании, которое широко отмечается обычно в суффиксации. Чересступенчатое словообразование в сфере конфигкации – одна из новаций в современной словообразовательной системе русского языка: *наука* → *обез-науч-ивание*, *альтернатива* → *без-альтернатив-ный* и т. п.

Чересступенчатое словообразование осуществляется, скорее всего, при наличии пропущенного звена на уровне потенциального слова. Новое слово образуется как бы от этого потенциального звена. Оно остается неэксплицированным и часто реализуется в речи после появления чересступенчатым путем производного слова. Происходит своего рода редеривация, или обратное словообразование. В результате в языке наряду с известными процессами десуффиксации и депрефиксации формируется процесс *деконфигкации*. Появляются новообразования типа *обезнаучивать* и *безальтернативный*. В результате конфигсальные образования типа *обезнаучивание* и *безальтернативность* становятся суффиксальными: *обезнаучивать* → *обезнаучива-ние* и *безальтернативный* → *безальтернативн-ость*. Происходит деконфигкация прежнего производного.

Значительная продуктивность конфигкации в современном языке вызывает формирование новых конфигсальных

5. Языковой рефлексией действия названных выше факторов стало изменение вербального стандарта репрезентативной публичной коммуникации. Особую значимость приобрело образование компактных номинаций, в том числе универбов, более стремительно протекает процесс окачествления относительных прилагательных, наречий, расширяется словопроизводство компактных результативных глаголов и т. п. Ср.: рус. *боевичный автор*; *прайм-передача*; *наркоманские вены*; *шестидесятилетний журнал*; *оканавить скотомогильник*; *хлебосолить инвесторов* и пр.; чеш. *zřehlednit rozložení sil*; *zprovoznit silnici*; *spěšnostní poplatek*; *antiestablišmentový postoj* и пр. Все это способствует снятию или же ослаблению некоторых ранее действовавших ограничений на реализацию ряда словообразовательных моделей, стимулирует формирование новых деривационных взаимосвязей, возрастание продуктивности как традиционных, так и новых схем и способов словопроизводства. Более регулярным становится (в том числе и в русском языке) образование компактных парных феминативов и пр. И тем не менее, невзирая на сходство словообразовательных систем славянских языков, историческую преемственность их словопроизводственных традиций, общую конвергентность развития, наблюдаемая в них картина не является полностью идентичной. Это полностью подтверждают результаты сопоставительного изучения, убедительно показывающие, что выявляемые в тех или иных славянских языках тенденции могут различаться по своей *масштабности* и, что очень важно, *темпу* реализации. Анализ современных славянских языков и, в частности, вербального стандарта публичной коммуникации, дает основание говорить об усилении конвергентности их развития.

структур, в том числе и структур аффиксоидного характера. Формируется конфиксоидное словообразование. Имеются в виду случаи типа *многотемье*, *многоградужье* и др., в которых в результате регулярных сращений с повторяющимися элементами выделяется морфологическая структура *мно-го...ье*, которая может быть интерпретирована как конфиксоидная структура. В системе аффиксоидов (суффиксоидов и префиксоидов) не была заполнена клеточка (матрица) с элементами конфиксоидного типа. Новейшие языковые факты позволяют ликвидировать и этот пробел в системе современного словопроизводства.

Из других традиционных способов нужно отметить рост образований нулевой суффиксации как от префиксальных, так и беспрефиксных глаголов. Вот некоторые примеры таких новообразований: *всос*, *имьяк*, *врез*, *доскок*, *надгрыз*, *соскреб*, *хват*, *вис*, *вей*, *фырк*, *трах*, *сосюк*, *вздрыз*, *высверк*, *втык*, *треп*, *замот* и многие другие. Такого рода образования характерны для профессиональной или разговорной речи.

Весьма распространен способ образования слов типа *кресло-кровать*, *альбом-выставка*, *аптека-музей*, *автобус-станция*, *ракета-носитель*, *полуклуб-полукабаре*, *полузверь-получеловек*, *полулюбовь-полуревность* и т. п. С нашей точки зрения, этот способ словообразования стоит в одном ряду с теми, которые составляют способ лексико-синтаксического сращения. До сих пор к этому способу ученые относили образование слов путем сращения двух лексических единиц, относящихся к разным частям речи (слияние в одно слово подчинительного словосочетания): *долгоиграющий*, *быстрорастворимый*, *многообещающий* и т. п.; ср. более ранние *Новгород*, *сейчас*, *сегодня* и др. В именах типа *плац-палатка* происходит сращение двух слов одной части речи – существительных, составляющих сочинительное словосочетание.

При образовании слов типа *полузверь-получеловек* наблюдается регулярное объединение в композит двух слов, име-

ющих совпадающую начальную часть, представляющую словоэлемент, или аффиксид. В этих случаях появляется возможность морфологизации соответствующей модели, в результате чего выделяется оригинальная прерывистая часть *полу... полу...* Она похожа на разновидность конфикальной структуры, но скорее всего это новая разновидность прерывистого форманта.

Из нетрадиционных способов словопроизводства следует отметить в первую очередь *контаминационное словообразование*. Суть его заключается в том, что слово образуется на базе двух слов путем объединения усеченной начальной части первого слова и усеченной финальной части второго слова. Например, на базе сочетания *кассетный магнитофон* образовано слово *кассетофон*, *газовый автомобиль* – *газомобиль*, *магнитофон-радиола* – *магнитола*, *репей* и *лопух* – *репух*, *собака-космонавт* – *собаконавт* и т. п. Этим контаминационное словообразование отличается от аббревиации, при которой в слово объединяются усеченные начальные части слов (*комсомол*, *пролмаг* и т. п.)

В последнее время стали широко известны такие контаминационные образования, как *демократура*, *Евросима*, *ка-*

тастройка (*катастрофа* и *перестройка*), *прихватузация*, *обирализация* и др. Контаминационное словообразование широко используется в современных каламбурах. Но этот тип словопроизводства был известен и в прежние годы. Именно этим способом образованы так называемые «народные» слова в произведениях Н. С. Лескова, в которых имитируется народная речь (случаи «ложной этимологии»): *мотать* и *нотариус* → *мотариус*, *пугать* и *пропаганда* → *пропуганда*, *бюсты* и *люстры* → *бюстры* и многие другие. Собственно говоря, и случаи действительно «народной этимологии» образованы по той же модели. Ср.: *спинжак*, *плицтуар*, *трахтор*, *окопанты*, *синель* и др. В наши дни этот способ словообразования получает особенно широкое приращение, и в первую очередь в публицистике.

Здесь рассмотрены не все, а только наиболее распространенные процессы, активно протекающие в современном словообразовании. Все это говорит о том, что русский язык продолжает обогащать систему средств и способов производства новых слов, проявляя свою стойкую жизнеспособность и гибкую реакцию на те изменения, которые происходят в жизни его носителей.

Новые явления в сфере сложения и сращения

Н. А. Николина

Московский педагогический государственный университет (Москва, Россия)

Сращения, сложение, контаминация, сложные слова

Аннотация. В докладе рассматриваются активные процессы в сфере образования сложных слов на рубеже XX–XXI вв.: возникновение новых групп сложносоставных слов, развитие контаминации, формирование новых моделей сращения.

Композитное словообразование на рубеже XX–XXI вв. характеризуется рядом новых тенденций. Как отмечает В. Г. Костомаров, «в современном русском языке складывается новый тип определительных словосочетаний или же составных слов, а лучше... сказать изафетов, воспринимаемых русским языком чутьем как семантические универбы» [Костомаров 1996]; см., например: *Горбачев-фонд*, *бизнес-справочник*, *шоп-туризм*, *рок-тусовка* и др. В настоящее время эта группа сложносоставных слов пополнилась новым типом производных – образованиями, первый неизменяемый компонент которых – аббревиатура: *CD-диск*, *PIAR-акция*, *сим-карта* и др. Так, в словообразовательное гнездо с вершиной PR входит около 50 слов с этим компонентом. Отаббревиатурные образования особенно продуктивны в сфере техники и современной интернет-коммуникации; см., например: *WEB-сервис*, *SMS-игра*, *SMS-чат* и др.

Одновременно развиваются и ранее маргинальные разновидности сложения. Контаминация и междусловное сложение из окказиональных способов словопроизводства превращаются в высокопродуктивные способы, дающие множество новообразований в современной художественной и разговорной речи: см., например: *школолад*, *кафказно*, *проэзия* и мн. др.

Явно расширяется и круг моделей сращения. В одну единицу регулярно объединяются компоненты подчинительных субстантивных сочетаний: *вечер-без-отдыха* (О. Юрьев), *роман-для-чтения* (А. Найман), *жест-на-пороге* (В. Подорога), *два-бога-в-одном* (А. Скидан), *заезжий-на-час-ездок* (Е. Клюев). Активно развиваются и голофрастические сращения: *Не-знаю-где-град* (Д. Бобышев); *Тут дождь навеки промочил / все-что-имело-место-быть* (Е. Клюев).

Подобные слияния оформляются преимущественно как дефисные. Дефис как «компромиссный» (В. М. Павлов) знак подчеркивает начало объединения слов в одну единицу и одновременно отражает незавершенность этого процесса.

Сращения взаимодействуют в современной речи с не менее регулярными образованиями на базе сочинительного ряда, которые также оформляются как дефисные комплексы: *И зацепившийся за флаги серп-и-молот / плел золотую паутину на ветру* (М. Яснов).

Особенно продуктивны сложносоставные существительные, которые строятся по модели:

- 1) сущ. в ед. числе + сущ. в ед. числе: *футбол-хоккей*;
- 2) сущ. во мн. числе + сущ. в ед. числе: *макаронь-каши-картошка*.

Эти модели широко распространены в народной речи, однако в настоящее время круг слов, вступающих в ассоциативные отношения, существенно расширяется: компоненты сложений представлены и терминами, и абстрактной лексикой.

Подобные сложносоставные существительные служат рядовым обозначением открытого или закрытого множества предметов или ситуаций. Ср.: *Официанты разносили хен-неси-сок-воду-шампанское* (О. Новикова).

Семантика обобщения способствует использованию таких образований для свертывания клишированных сочетаний и компрессии информации, содержащейся в прецедентных текстах; ср.: *Надо было с детства-отрочества-юности учиться* (О. Новикова). Однако чаще такие образования выражают нивелирующую оценку говорящего.

Дефисные комплексы выполняют в современной речи ряд функций. Во-первых, они отражают фразеологизацию [Зубова 2000] устойчивых оборотов речи, служат сигналом стереотипов и клише; ср., например, *Я буди жить-учиться-и-бороться, стану человеком-средних-лет* (Е. Клюев). Функция фразеологизации осложняется интертекстуальной функцией. Как дефисные комплексы оформляются точные или неточные цитаты из литературных произведений. Ср.: *В молодости всяк хочет жить, чтоб мыслить-и-страдать* (Ю. Малецкий); *Какой бы увидали мир / И мухомор и каланчу / И-чуден-этот-Днепр* (Н. Искренко).

Во-вторых, слияние самостоятельных слов в одно целое часто выражает безразличие говорящего к отдельным компонентам комплекса. Утрата ими автономности может быть связана с иронической оценкой обозначаемого.

Дефисные комплексы, наконец, выступают в функции собственно номинации. Они либо отражают поиск наименований, либо уточняют имеющееся обозначение, либо служат эвфемистической заменой имени; см., например: *Прихода Эвридики и не заметили бы, если бы не соковыжималка-или-как-там-ее* (Е. Клюев); *Так сказать, Отелло-не-негр* (Л. Петрушевская).

В современной поэтической речи подобные слияния, сочетающие дискретность и слитность, чаще выступают как способ отказа от точного наименования и жесткой дефиниции. Они усиливают смысловую компрессию, создают эффект «мерцания» смыслов в строке (строфе) и одновременно делают по многом условными границы между единицами текста. Дефисные комплексы-сращения и сложения подчеркивают взаимодействие смыслов объединяемых слов и служат сигналом развития нового, целостного значения, значимого для семантической композиции текста: *И город где*

Все-будто-не-живущие / лишь гулом сказывается нем... (Г. Айги); Сквозь-щелку-вспоминая ноздри / дыханье-о-дожде (Н. Азарова).

В других типах дискурса употребление новых типов сращения или сложения связано либо с созданием терминов (чаще философских или литературоведческих), либо с поиском номинации для реалии, не имеющей однословного обозначения, либо с уже отмечавшейся тенденцией к слиянию компонентов речевых стереотипов и цитат. Ср.: *Иронический модус художественности состоит в размежевании я-для-себя от я-от-другого; Творческая история С. Франка следует русской версии фигуры Ухода-и-Возвращения.*

Таким образом, для современного русского словообразования характерны развитие новых типов сращения, активизи-

зация контаминации, высокая продуктивность различных моделей сложения. При этом наблюдается тенденция, с одной стороны, усиления мотивированности производных слов, с другой – к развитию в них новых целостных значений. Высокая продуктивность различных моделей сложения современной русской речи свидетельствует об усилении смысловой компрессии, проявляющемся в настоящее время в разных сферах языка.

Литература

- Зубова Л. В. Современная поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
Костомаров В. Г. «Изафет» в русском синтаксисе словосочетания? // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996.

Тенденции развития славянских языков: номинация / словообразование. Опыт международного сотрудничества

И. Онхайзер

Инсбрукский университет (Инсбрук, Австрия)

Сопоставительное изучение славянских языков, тенденции развития, номинация, словообразование

Аннотация. В докладе будут представлены методология и общие результаты международного проекта (2003 г.) по изучению тенденций развития в области номинации / словообразования славянских языков конца XX – начала XXI в. и отмечены изменения в проявлении тенденций за последнее пятилетие.

1. Изменения, происходившие с конца 80-х гг. XX в. в политическом строе, экономике и культурной жизни стран средней, восточной и юго-восточной Европы, нашли свое отражение не только в изменившейся языковой ситуации и языковой политике, но и в самих славянских языках. Сюда относятся как активные процессы расширения словарного запаса заимствованиями, словообразованием и семантическими сменами, так и прагматические и стилистические изменения узуса и норм устной и письменной коммуникации.

2. Данные вопросы являются предметом международного сотрудничества под руководством С. Гайды. Первый этап исследования был посвящен своего рода инвентаризации и анализу упомянутых смен на основе тринадцати славянских языков [Najnowsze dzieje języków słowiańskich 1996–2001]. В рамках второго этапа проекта под названием «Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich» разрабатываются обобщающе-сопоставительные монографии: Словообразование / номинация [Ohnheiser 2003], Фонетика / фонология [Sawicka 2007], Фразеология [Mokijenko, Walter 2008]. Предусмотрены и тома по морфологии, синтаксису и лексике.

3. Неотъемлемыми предпосылками любого сопоставительного исследования должны считаться сопоставимость предмета, теоретическое и методологическое единство, а также единая терминология. В тесной связи с этими требованиями находится установление «tertium comparationis», базы сопоставления. В упомянутом выше проекте по сопоставительному изучению активных процессов в области номинации и словообразовании славянских языков в качестве базы сопоставления была выбрана и обоснована «тенденция развития». По Гутшмидту (1997), тенденции определяют направленность языковых процессов или изменений, протекающих под формой укрепления инноваций или устранения устаревших языковых единиц, конструкций, норм в определенный отрезок времени.

4. В проекте были изучены действие тенденции интернационализации и национализации, тенденция языковой экономики, прагматические, системно-структурные и типологические тенденции. Кроме того, тенденции развития рассматривались с точки зрения культуры речи. Вместе с тем мы отдаем себе отчет в том, что основанный на названных тенденциях план книги может быть только условным ввиду того, что между отдельными тенденциями существуют тесные взаимосвязи. Кроме того, подобный подход обуславливает определенную селективность рассмотренных явлений – мы не ставили перед собой цели целостного системно-сопоставительного исследования современного словообразования славянских языков.

5. При рассмотрении тенденций и возможных изменений в их проявлении за последнее пятилетие автор ограничится вопросами интернационализации и прагматико-стилистических тенденций.

5.1. Одной из ведущих тенденций развития современных славянских языков (и не только славянских) является интернационализация, которая, в свою очередь, оказывает существенное влияние на другие тенденции, как напр., системные и типологические, а также прагматические. Интернационализация словообразования отражается, напр.:

- во включении интернационализмов в основной словарный запас и в их использовании в качестве новых основ, производящих целые словообразовательные ряды и гнезда;
- в активизации интернациональных аффиксов при образовании производных не только с заимствованными, но и с исконными основами;
- в функциональном превращении заимствованных элементов, приобретающих статус префиксов / префиксоидов или суффиксов / суффиксоидов;
- в возрастающей роли словосложения разных типов и их серийной реализации и др.

5.2. Многие явления развития словарного состава и использования ресурсов словообразовательной системы, а также явления словоупотребления, традиционно связанные с такими понятиями, как «интеллектуализация», «демократизация» и – в последнее время – «коллоквиализация», имеют ярко выраженную прагматическую направленность. В результате изменения коммуникативных норм, возрастающей роли устной, а также нередко отмечаемого преобладания эмоциональных элементов над интеллектуальными произошли сдвиги традиционных стилиевых границ, вплоть до нивелирования стилистической дифференциации. Для изучения прагматических тенденций развития в области словообразования / номинации обосновываются предпочтения понятия морфопрагматики и учет соотносительности словообразования с разными дискурсами, такими, как, напр., публичным, официальным и неофициальным, научным, а также рекламой и др.

5.3. Наряду с анализом возможных изменений в проявлении упомянутых тенденций следует учесть, насколько изменились и позиции исследователей относительно действия тенденций и их влияния / невлияния на словообразовательную систему в целом.

6. Рассмотренные нами тенденции характерны не только для славянских языков; подобные процессы протекают в настоящее время и в других европейских языках. Поэтому понятие «тенденция развития» является целесообразным не только для внутриславянского сравнения, но и для сопоставления славянских языков с неславянскими.

Литература

- Mokijenko, W. H. Walter (Red. nauk.) Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. III. Frazeologia. Opole, 2008.
Najnowsze dzieje języków słowiańskich. Opole, 1996–2001.

Ohnheiser I. (Red. nauk.) Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. I. Słowotwórstwo/nominacja. Opole, 2003.

Sawicka I. (Red. nauk.) Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. II. Fonetyka / Fonologia. Opole, 2007.

Меняется ли соотношение традиционных функций словообразования? (анализ на материале словарей неологизмов русского и польского языков)

И. Онхайзер

Инсбрукский университет (Инсбрук, Австрия)

Функции словообразования, неологизмы

Аннотация. На материале словарей неологизмов русского и польского языков в докладе рассматриваются следующие вопросы: 1) усиливается ли адаптивная функция словообразования ввиду активных процессов заимствования и 2) можно ли утверждать, что происходит усиление экспрессивной функции словообразования в ущерб номинативной?

1. В лингвистической литературе отмечаются такие функции словообразования, как собственно номинативная, конструктивная, компрессивная, экспрессивная и стилистическая [Земская 2004], текстообразующая, семантическая и прагматическая [Nagórko 1998], в иных работах выделяются, кроме того, систематизирующая, интегративная и адаптирующая функции (ср., напр., [Furdík 2004]). Таким образом, одни классификации сильнее подчеркивают коммуникативный и прагматический аспекты, установку говорящего (причем, по Земской, все производные выполняют номинативную функцию, на которую наслаиваются другие функции). В других классификациях учитываются и такие функции, как интегративная и адаптирующая, которые являются своего рода вспомогательными при включении и адаптации заимствований и производных от них в целях выполнения номинативной и других функций.

2. Перекресчивание функций наблюдается как в рамках самого словообразования, так и при взаимодействии словообразования с другими способами номинации, такими, как, напр., метонимия и метафорический перенос. Соприкосновение функций также касается словообразования и заимствования.

3. До сих пор функции словообразования рассматривались по отношению к существующим уже или же к новообразованным или окказиональным словам, но, на сколько мне известно, систематически еще не соотносились с большим корпусом неологизмов, какой содержится, напр., в словарях неологизмов. Можно, несомненно, и без анализа словарей исходить из возрастающей роли интегративной и адаптивной функций. Сложнее ответ на другой вопрос: можно ли на основе словарей сделать вывод (ср., напр., [Lubaś 2005: 67 и след.]), что в устной публичной коммуникации происходит усиление экспрессивной функции в ущерб номинативной и что предпочитают «легкие» и «экономические» способы деривации новых значений. По Лубашу, это отражается а) в чрезмерной метафоризации и метонимизации существующего словарного запаса, б) в предпочтении способов деривации, которые базируются на усечении словообразующих основ, и в) в формальной и семантической полифункциональности формантов, значение которых становится очевидным только на уровне текста.

5. Словари неологизмов содержат, как правило, данные о способах номинации (ср., напр., [Котелова 1984]), но не о функциях новообразований, в чем и не состоит их задача.

Важным аргументом для использования словарей неологизмов в качестве базы настоящего исследования оказывается, однако, тот факт, что эти словари являются не прескриптивными, а дескриптивными. Таким образом, они содержат богатый материал устных и нестандартных разновидностей, тем более, что элементы этих разновидностей распространяются не только в устных, но и в письменных текстах средств массовой информации.

6. Упомянутые выше вопросы рассматриваются в докладе (ср. 4.) в сопоставительном плане – на материале польско-немецкого [Worbs et al. 2007] и русско-немецкого [Uluchanov et al. 2007] словарей новых слов. При рассмотрении заимствований включаются примеры из Интернета в тех случаях, когда новые заимствования и их производные зафиксированы только в одном из словарей. При выяснении второго вопроса, касающегося ущерба или редукции первичной номинативной функции в пользу экспрессивной, привлекается сравнение со словарями неологизмов 1980-х гг.

7. Результаты анализа могут обогатить и наши исследования по тенденциям развития словообразования (ср. [Ohnheiser 2003]) славянских языков.

Литература

- Земская Е. А.* Функции словообразования в языке // Земская Е. А. Язык как деятельность. М., 2004. С. 199–204.
- Котелова Н. З.* (ред.) Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. Л., 1984.
- Furdík J.* Funkcie slovotvornej motivácie v lexikálnej dynamike // Furdík J. Slovenská slovotvorba. Prešov, 2004. S. 117–123.
- Lubaś W.* Zmieniac czy ulepszać polską politykę językową? // Gajda St., Markowski A., Porayski-Pomsta J. (red.). Polska polityka komunikacyjnojęzykowa wobec wyzwań XXI wieku. Warszawa, 2005. S. 60–73.
- Nagórko A.* Zarys gramatyki polskiej (ze słowotwórstwem). Warszawa, 1998.
- Ohnheiser I.* (red. nauk.) Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich. I. Słowotwórstwo. Nominacja. Opole, 2003.
- Uluchanov I., Herbecker H., Belentschikow V., Belentschikow R.* Russisch-deutsches Wörterbuch der neuen Wörter. Moskau, 2007 (*Улуханов И., Хебеккер Х., Беленчиков В., Беленчикова Р.* Русско-немецкий словарь новых слов. М., 2007).
- Worbs E., Markowski A., Meger A.* Polnisch-deutsches Wörterbuch der Neologismen. Wiesbaden, 2007.

Когнитивное моделирование лексико-деривационной системы русских народных говоров

М. А. Осадчий

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Словообразование, русские говоры, фрейм, пропозиция, система

Аннотация. Когнитивное моделирование словообразовательной системы призвано представить деривационные механизмы картирования русского диалектного мира. В качестве базовых единиц моделирования избираются фрейм и пропозиция как основные форматы представления знания.

Базовым объективным продуктом деривационных процессов является однокоренная лексика. Комплексное моделирование данной лексической зоны на когнитивных основаниях, выявление типовых фреймовых механизмов ее развития является основой для когнитивного моделирования

словообразовательной системы. В этой связи пропозиционно-фреймовое моделирование гнезда однокоренных слов является первоочередной задачей в деле описания словообразовательной системы русских народных говоров на когнитивных основаниях.

Ключевой единицей осмысления системности словообразовательного уровня является производное слово, к которому на современном этапе исследования применяется метод пропозиционального анализа: «Именно способность производного слова объективировать пропозициональные структуры и затем служить их простому угадыванию, способность служить такой единицей номинации, которая удобна для упаковки информации и использования ее в речевой деятельности, и характеризует производное слово как особую когнитивно-дискурсивную структуру» [Кубрякова 2004: 394].

В рамках когнитивно-дискурсивного словообразования ведутся исследования системной организации словообразовательного типа как ментально-языковой категории, при этом ключевыми терминами моделирования являются пропозиция и фрейм как форматы когнитивной системности языковых явлений. (Работу в этом направлении ведет исследовательская группа под руководством Л. А. Араевой. См., например: [Араева 1997]; [Араева, Осадчий 2006].) В то же время другая комплексная единица словообразования – гнездо – на сегодняшний день в когнитивном аспекте изучена недостаточно. Ни в одном из известных нам новейших диссертационных исследований по гнезду к изучаемому феномену не применены методы когнитивного моделирования. Доминирующими остаются лексико-семантический и структурно-словообразовательный подходы к гнезду. Функционально-ориентированное, когнитивное моделирование гнезда как целостности позволит восполнить возникший в теоретическом словообразовании дисбаланс при моделировании комплексных единиц и в итоге – разработать общую методологию когнитивного моделирования словообразовательной системы русских народных говоров на основе типологического анализа комплексных единиц.

Пропозиционально-фреймовое моделирование позволяет выявить в русском диалектном гнезде однокоренных слов внутреннюю системность, основанную на динамических, деятельностно-семантических связях между однокоренными словами. В основании предложенного аспекта лежит гипотеза о том, что сам феномен гнезда порожден «сюжетным», «ситуативным» характером человеческого мировидения. В процессе своей культурно-осмысляющей деятельности человек «связывает» мир, замечая и фиксируя в нем «очевидные» отношения между вещами (объектами). Носитель языка интуитивно ощущает в гнезде систему «очевидных» ролевых связей между словами-явлениями. Подобное «виденье» гнезда глубоко деятельностно, «практично» и соответствует ценностям естественной логики.

В речемыслительной деятельности каждое из слов устанавливает с другими однокоренными словами особые ролевые отношения, изоморфные взаимосвязи членов денотативной ситуации. Полное описание таких потенциально-типичных ролевых связей между однокоренными словами позволяет представить гнездо в виде комплексной ситуа-

ции, или фрейма (в значении ‘комплексное знание, заданное в форме стереотипных значимых ситуаций’). Единицей фреймового моделирования гнезда однокоренных слов является пропозиция как схема элементарной ситуации. А модель в целом, таким образом, представляет собой пропозициональную сеть.

В русских народных говорах гнездо однокоренных слов представляет собой макроцелостность, имеющую фреймовую семантику. С точки зрения внутренней организации гнездо однокоренных слов изоморфно фрейм-структуре: части гнезда (однокоренные лексемы) коррелируют как компоненты образа стереотипной ситуации.

Единицей фреймового моделирования гнезда однокоренных слов русских народных говоров является деривационная пропозиция, удовлетворяющая двум условиям: (а) указанная структура образована отношениями двух (или более) компонентов стереотипной ситуации, среди которых обязательными являются позиции субъекта и предиката; (б) посредством данной пропозиции устанавливается корреляция между двумя (или более) однокоренными номинациями.

С точки зрения пропозиционально-фреймового анализа гнездо однокоренных слов в русских народных говорах представляет собой неоднородную структуру: в гнезде выделяется фреймовое ядро (ядерная номинация) и периферия, гнездо дифференцируется по субфреймам (темам) – выделяются пропозициональные группы, описывающие особую целостную денотативную область в пределах фрейма.

Как правило, в русских народных говорах группы гнезд маркируют комплексные фреймы, совокупно описывающие единую денотативную область. Критерием выделения комплексного фрейма и в то же время критерием оценки его целостности является степень проявления коррелятивной лакунарности – отношений дополнителности между компонентами комплексного фрейма. Коррелятивная лакунарность возникает в условиях специализации компонентов комплексного фрейма на реализации определенных денотативных областей (тем).

Пропозиционально-фреймовая модель кроме конкретно-лексического имеет типовое измерение. В контексте интерпретации гнезда как динамического фрейма именно типовая пропозиционально-фреймовая модель приобретает статус прототипической схемы, прогнозирующей системные тенденции деривационного развития лексики русских народных говоров.

Литература

- Араева Л. А. Когнитивность русского словообразования // Категоризация мира: пространство и время. М., 1997. С. 178–179.
 Араева Л. А., Осадчий М. А. Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка // Вестник Томского государственного университета. Боллетень оперативной научной информации «Функционирование русского языка на современном этапе». 2006. № 120 (декабрь). Томск. С. 48–54.
 Кубрякова Е. С. Роль словообразования и производного слова в обработке знаний // Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004.

Иноязычные имена как источник глагольной номинации (по материалам «Толкового словаря русского языка с включением сведений о происхождении слов»)

В. П. Панченко

Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Иноязычные слова, толково-этимологический словарь, мотивирующая база, суффиксальные глаголы, слова-гибриды, словообразовательные средства

Аннотация. Генетический и лексикографический подходы в определении понятия *иноязычное слово*, класс слов-гибридов, состоящих из иноязычных корней и исконных суффиксов, генетическая и словообразовательная характеристики глаголов и их мотиваторов.

Термин *иноязычное слово* используется в научной литературе и толкуется в специальных словарях неоднозначно. По мнению Е. В. Мариновой, «можно говорить о двух основных подходах в определении понятия *иноязычное слово* и его использовании при описании лексики с точки зрения происхождения» [Маринова 2008: 23]. Первый подход – генетический, при котором слова иноязычного происхожде-

ния ограничиваются от слов, созданных в русском языке на базе иноязычных лексем. Второй подход – лексикографический, при котором существенным в отнесении слова к иноязычным оказывается не только действительное его происхождение, но и восприятие его как иноязычного.

Если говорить о производных глаголах (в данном случае рассматриваются суффиксальные образования), то они обра-

зуют значительный класс слов-гибридов, состоящих из иноязычных корней и исконных суффиксов. Эти же аффиксы, как правило, используются и при грамматическом оформлении непрямых заимствованных глаголов в момент их принятия языком, например: *авторизовать* (от фр. *autoriser* – разрешать), *аккредитовать* (от фр. *accréditer* – доверять), *жуировать* (от фр. *jouir* – наслаждаться), *камуфлировать* (от фр. *camoufler* – маскировать), *ликвидировать* (от нем. *liquidieren* – оставлять, покидать), *превалировать* (от нем. *prevailieren* – иметь перевес, преобладать) и др.

Устойчивые формальные аналогии (см. примеры выше), наличие иноязычного корня являются причинами восприятия говорящими слов-гибридов как иноязычных слов. Такие слова являются яркой приметой современной лексической системы и, как замечают лексикологи, на рубеже XX–XXI вв. число новых глагольных номинаций подобного рода значительно возрастает, ср.: *кастинговать, киднеппинговать, мониторировать, пиарить, пирсинговать, римиксовать, чатить, шоппинговать* и др.

В толково-этимологическом словаре слова-гибриды не снабжаются специальной этимологической зоной, содержащей сведения о происхождении слова, однако словарная статья позволяет проследить индивидуальную историю каждого такого слова, в частности, определить формальные и семантические связи со словом-заимствованием.

Генетический состав мотивирующих имен суффиксальных глаголов представлен следующим образом: преобладают слова, заимствованные из немецкого (*аккумулятор, акцент, бинт, деталь, инвентарь, кристалл, пикет, санкция, сентиментальный* и др.) и французского (*аванс, анкета, брикет, грим, дебют, костюм, мебель, протокол, рапорт, резерв, резонер, ремонт, саботаж, система* и др.) языков, незначительно число англицизмов (*блок, бойкот, бокс* и др.), из славянских языков предпочтительны заимствования из польского языка (*аренда, арест, атака, грунт* и др.).

Анализ языкового материала показал, что активнее в производстве суффиксальных глаголов от иноязычных имен (преимущественно от имен немецкого и французского происхождения) – одна из особенностей современного периода развития лексической системы.

В современной лингвистике становится актуальным составлять отдельные характеристики для мотивированных / производных слов. Самобытность (феноменальность) производного слова, его обособленность от предложения и от слова непрямой, объясняется несколькими причинами. Прежде всего, производное слово отличается от двух традиционно выделяемых главных единиц языка типом выражаемой информации, способом ее представления в единицах номинации, процедурой извлечения смысла.

Говоря о производных словах, исследователь в первую очередь должен охарактеризовать в полном объеме источ-

ник мотивации (частеречную принадлежность, количество мотиваций, тематические и генетические параметры мотивирующих слов), характер мотивированности различных групп лексики (характер соединения определенных понятийных сфер в единое целое), место и роль этих концептуальных операций в формировании языковой картины мира, в процессах категоризации мира и др.

Для современных лингвистических исследований подобная информация представляет большую ценность: становятся очевидными актуальные смысловые зоны, приоритетные языки-источники, языковые способы и средства, используемые в акте словопроизводства.

Мотивирующая база суффиксальной глагольной лексики с точки зрения ее частеречной характеристики представлена несколькими неравнозначными в количественном отношении группами: 1) именами существительными неличного содержания (основная масса слов типа *аванс, анкета, логарифм, калькулятор, каталог, клише, компьютер, маска, мебель, патент, пломба, программа, протокол* и др.), 2) именами прилагательными с качественными характеристиками (*абстрактный, вульгарный, деликатный, индивидуальный, легальный, либеральный, минимальный, нейтральный, принципиальный, рациональный* и др.), 3) личными именами существительными (*инспектор, конкурент, лакей, лобби, мародер, режиссер, сибарит* и др.).

Подавляющее число глаголов образуются от основ существительных неличного содержания. Обычно в этом случае к иноязычной основе присоединяется суффикс *-ирова- / -изирова-*. Производные глаголы в своем большинстве образуют понятийно-семантическое подмножество «Действие и деятельность». Это, как правило, нейтральные или книжные глаголы, широко используемые в профессиональной сфере. Активность суффикса *-ирова-* подтверждается еще одним фактом: в современной лексической системе он достаточно регулярно присоединяется к основам одушевленных существительных, ср.: *инспектировать, конкурировать, лоббировать, режиссировать* и др.

Другие суффиксальные средства (*-ова-, -и-, -ну-, -нича-, -ствова-*) используются гораздо реже, данные слова преимущественно снабжены пометами *разг., неодобр.*, и пополняют, кроме глаголов с суффиксом *-ова-*, тематическую группу глаголов «поступка и поведения» ср.: *арендовать, assignовать, грипповать, командовать, комплектовать, компоновать, факсовать* и *кляузничать, конфузить, критиканствовать, лакействовать, либеральничать, манерничать* и др.

Литература

- Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М., 2008.
Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

Возможности, функции и конкуренты словопроизводства в современном русском языке

Е. В. Петрухина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Словообразовательная система, неология, функции словообразования

Аннотация. В докладе рассматриваются источники устойчивости и динамичности русской словообразовательной системы. Несмотря на большие потенциальные возможности словообразования и их активную реализацию в речевой практике, в современном русском языке последних двух десятилетий удельный вес производных слов (не с заимствованными корнями) в потоке неологизмов постепенно уменьшается, а число лексических заимствований растет. В заключительной части доклада анализируются причины этого явления и его влияние на соотношение функций словообразования.

1. Многие исследователи отмечают, что социально-политические изменения в российском обществе и, как их следствие, снижение официальности средств массовой коммуникации, усиление спонтанности русской публичной речи привели к ослаблению нормативных правил образования и употребления языковых единиц, расцвету языкового творчества, языковой игры и жаргонизации современного русского языка, а развитие экономических и межкультурных связей России с зарубежными странами – соответственно к резкому увеличению потока заимствований (преимущественно из английского языка) и к интернационализации лек-

сики. Русское словообразование, так же как и лексика, испытывает действие данных факторов в полной мере, потому что именно словообразовательная и лексическая системы наиболее оперативно и активно реагируют на социально-экономические, политические и культурные изменения, удовлетворяя возникающие номинативные, коммуникативные и прагматические потребности общества.

2. Изучение русского словообразования в условиях тесного контакта с другими языками (в условиях русского зарубежья) выявило, что «словообразовательный механизм русского языка – мощная и активная сила», практически не

подвергающийся, в отличие от других языковых подсистем (фонетики, лексики и синтаксиса), иноязычному влиянию (Е. А. Земская). В мощном потоке заимствований русские словообразовательные категории и типы не только не разрушаются, не модифицируются и практически не пополняются заимствованными деривационными моделями, но и легко перерабатывают иностранные инновации, адаптируя их к русской словообразовательной системе. Последняя пополняется новыми деривационными гнездами на базе иноязычных неологизмов, образованных по имеющимся продуктивным словообразовательным моделям (например: *демпинг* – *демпинговый*, *антидемпинговый*; *винчестер* – *винчестерный*, *безвинчестерный*; *бренд* – *брендировать*, *брендироваться*, *брендированный*, *брендирование*, *забрендировать*, *брендовый*, *мультибрендовый*, *бренд-коммуникационный* и др.). Таким образом, на наших глазах формируется и усиливается адаптивная функция (И. Онхайзер) словообразовательных типов.

3. Устойчивость русской деривационной системы и ее структурных единиц создается за счет двух осей организации – гнездовой и типовой – и высокого удельного веса производных слов среди номинативных единиц русского языка. Динамичность и активность словообразовательной системы обеспечивают следующие свойства самой системы и ее единиц: 1) лакунарность и потенциальная возможность заполнения лакун новыми производными (типа *банкротить*, *радиовещать*); 2) наличие и увеличение числа продуктивных словообразовательных моделей, по которым узуальные слова не воспроизводятся, а образуются в речи; 3) относительная асимметричность формальной и семантической структуры производного слова и соответственно возможность создания новых слов путем неморфемного усечения или «сплава» морфем; 4) реализация нестандартных мотивационных отношений не только в дискурсе, но и в самой словообразовательной системе (например, образование имен действия не только от глаголов, но и от имен, ср.: *паспортизация* ← *паспорт*, *вульгаризация* ← *вульгарный*); 5) расширение семантики производных слов, появление у них новых значений; 6) возрастание роли аналогии при словообразовательной деривации; 7) укрепление адаптивной функции словообразовательного механизма, при помощи которого заимствованная лексика легко приспосабливается к системе русского языка. В докладе представлен анализ данных и других факторов, обеспечивающих возможность роста активности словообразования в современном русском языке.

4. Важно подчеркнуть, что при возросшей активности словообразовательной деривации с середины восьмидесятих годов XX в., несмотря на всплеск незузального словообразования, удельный вес словообразовательных дериватов (не с заимствованными корнями) в лавине неологизмов постепенно уменьшается, а число лексических заимствований стремительно растет (А. Д. Дуличенко). Эти тенденции в начале XXI в. сохраняются и усиливаются – в финансово-политической, экономической, компьютерной и др. терминологии, в рекламе, публицистике и вообще в средствах массовой коммуникации, в профессиональных и молодежных сленгах. Предпочтение отдается иноязычным

заимствованиям и производным от них (например, *препейд-ный план* используется вместо *предоплатный план*; *аллокировать* вместо *отнести расходы на статью*; *юзер*, *юзерский* вместо *пользователь*, *пользовательский*; *креатив*, *креативный* вместо *творчество*, *творческий* и т. д.). Названные дискурсы влияют на основной лексический фонд и обывденную речь. Возникает вопрос, можно ли регулировать этот процесс, в том числе создавая необходимые незузальные производные на русском материале (типа *предоставитель услуг* или *оказатель услуг* вместо *провайдер услуг*), и избежать «языкового импорта» (Ю. В. Литвинов)? Конечно, причина роста заимствований не в ограниченных возможностях словообразования русского языка. Даже очень сжатые тезисы, приведенные выше, свидетельствуют о богатейшем потенциале русской словообразовательной системы. Не стоит также искать причину только в «словообразовательной робости» русистов, устранившихся от образования необходимых терминов, как считают некоторые переводчики экономических и юридических текстов, испытывающие недостаток русской терминологии, эквивалентной английской. Даже при наличии в русском языке соответствующих употребительных слов или словосочетаний выбор в реальных текстах часто делается в пользу иноязычных синонимов, ср. «модные» заимствования, имеющие русские эквиваленты: *сертификат* – *свидетельство*, *сервис* – *обслуживание*, *общество* – *социум*, *бренд* – *торговая марка*, *дайвинг* – *погружение*, *суицид* – *самоубийство*, *киллер* – *наемный убийца*, *мультиплекс* – *многозальный кинотеатр*, *инсталляция* – *установка*, *дилер* – *посредник*, *демо-версия* – *пробная версия*, *бонус* – *дополнительное вознаграждение*, *бодибилдинг* – *культуризм*, *эмбарго* – *блокада* и т. д. Можно ли говорить о реальности создания новых экономических, юридических и других терминов с русскими корнями (типа *оказатель услуг*) при такой речевой практике?! Подобные иностранные заимствования, мотивированные не потребностями номинации, а исключительно модой, демонстрируют «отрыв слова (имени) от вещи и скрытого в вещи смысла», очевидный при противопоставлении таких выразительных синонимов, как *брокер* и *биржевой делец*, *киллер* и *наемный убийца* (С. Г. Кара-Мурза). Мода на заимствования связана и с другой тенденцией современной речевой практики, выражающей стремление некоторой части общества уйти или увести от реальности и ее осмысления – в игру, шутку, каламбур, карнавал. Языковая игра, в которой активно участвуют и словообразовательные средства, выполняя экспрессивную и эстетическую функцию, действительно может украсить речь. Но может привести и к искажению и даже разрушению некоторых функций языка – когда «ирония перерождается во “всепрофанурующий” хохот» (как, например, в так называемом «орфо-арт»), «готовый осмеять не только неподлинность, но и подлинность мира – всякое искреннее убеждение, героизм, альтруизм и энтузиазм, честность, серьезность, совесть и стыд, ответственность перед ближним, человеческую нежность, солидарность и доброту» (Г. К. Косиков). В заключение рассматривается вопрос сбалансированности наблюдаемых тенденций в неологии с точки зрения эстетической и других функций языка.

Новые словообразовательные форманты современного русского языка (на материале графодериватов)

Т. В. Попова

Уральский государственный технический университет – УПИ им. Первого президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Словообразовательный формант, графодеривация, окказионализм, способ словообразования

Аннотация. Рассматривается один из новых способов русского словообразования рубежа XX–XXI вв. – графодеривация – и его влияние на формирование системы новых словообразовательных формантов, состоящих не только из традиционных элементов (аффиксов, мены ударения, фонетических чередований и т. п.), но и из знаков препинания, иноязычных, невербальных и параграфемных частей.

Изучение новых словообразовательных формантов чрезвычайно важно для выделения комплекса способов словообразования, свойственных русскому языку рубежа тысячелетий. Лавинообразный рост окказионализмов в конце XX в.

позволил выделить новые способы образования слов, в частности способ графикации [Изотов 1998], [Гугунава 2003], или графодеривации [Попова 2007]. К графическим дериватам относятся такие производные, как «*ОПТИМАльное* ре-

шение» (реклама сигарет «Оптим» – Комс. пр., 30.11.2001)», «Ин@родный артист» (название романа Г. Кремера, 2008), «ISnyg» (название романа В. Маканина, 2008) и под.

В. П. Изотов определяет **графиксацию** как «такой способ образования слов, при котором в качестве словообразовательного оператора выступают графические и орфографические средства (графические выделения, знаки препинания и т. п.)» [Изотов 1998: 76]. Хотя этот способ впервые был выделен В. П. Изотовым, словообразовательный и художественно-экспрессивный потенциал графики и орфографии отмечался в лингвистической литературе и раньше. В настоящее время этот окказиональный способ создания в основном игровых лексем активно изучается в русском словообразовании ([Ильясова 2002]; [Николина 2003]; [Гугунава 2003]; [Сивова 2006]; [Амири 2007] и др.).

Учет средств создания таких производных-«кентавров» позволяет выделить 4 разновидности **графодеривации**:

- ***монографиксацию**: *до-история*, (*бес*порядок, «ФБР ФаБРикует», *БУШечное мясо* (АиФ. 2004. № 37), «Победила СПеСь» (Известия. 6.04.2000);
- ***полиграфиксацию**: «*Web-издания*», «*PR-компания*», «*STARость – не радость*», *КАСИНО*, «*ИскRENнее телевидение*» (реклама REN-TV);
- ***кодографиксацию**: *за плив7кой, сан7ехникой и ски7ками* (реклама нового строительного магазина «Дом»); *\$неценны* (специальные цены); *€кна* (европейские окна); «Дебют перв © курсник @: Ч @Тное мнение» («ТЭФтонский орден». 09.12.2005);
- ***типографиксацию**: «*ИМПОРТЕНЦИЯ* (АиФ. № 6. 2007), *Отчего СццАкашвили впадает в истерику?* (АиФ. № 40. 2006)»; *УРАЛЬСКИЙ БЕСП^тРЕДЕЛ* («АиФ». № 6. 2005).

Две первые разновидности графодеривации «используют» графо-орфографические, в том числе пунктуационные, средства одного или нескольких языков; два последние – небуквенные средства экспрессивизации слова: кодографиксация – средства разных кодовых систем (буквы и цифры, буквы и рисунки и т. п.), типографиксация – параграфемные средства (шрифтовые выделения разного рода: курсив, полужирный, подчеркивание или изменение традиционного расположения слова). Таким образом, в графодериватах используются **комплексные (составные) словообразовательные форманты**, включающие в себя субстанциональный и графический элементы, т. е. единицы разных кодовых систем, разных языков или разных уровней одного языка, выделенные каким-либо графическим способом.

Субстанциональный компонент такого **деривационного форманта** (т. е. сегмент, вставляемый в производящее слово или выделяемый в нем графемными или параграфемными средствами) может представлять собой: а) аффиксальную морфему: «*супер*»*вещь*, *пост(а)теист*; б) совокупность однотипных морфем: (*предпост*)*модернизм*, *преди(среди-, после-)слово*; в) слово: *не(слишком)лепые* (М. Липовецкий); г) звук или звуковой комплекс: *ПиП-парад*, «рубрика «*ПРОпитание*»: *Нужно СОКолиное зрение*» (заметка о способах определения качества сока – Биржа. 27.05.2002); д) удаляемый пробел: *художник-не-от-мира-сега*.

Для **графического выделения** словообразовательного элемента в производном слове используются: а) кавычки

(«*супер*»*вещь*), б) скобки: (*до*)*модерн*, в) наклонная черта (слеш): *предпостмодернизм*, г) дефис: *бес-порядок*, д) иноязычная графика: *internet.мэн*, е) инокодовый элемент: *встреч@ться*, *Мурак@ми*, *ве4ер*; ё) регистровое или шрифтовое выделение части слова: *ОПТИМальное решение* и др.

Анализ подобных графословообразовательных формантов обнаружил такие их особенности, как:

- грамматически разнообразную среду употребления: такие деривационные средства встречаются в производных словах разных частей речи: именах существительных (*бес-порядок*), прилагательных (*ОПТИМальное*), глаголах (*отвалить(ся)*);
- незакрепленность за определенным местом в производном слове: графическое выделение может охватывать начальный (*анти-мета-физический*, *бес-порядок*), срединный (*преди-(среди-, после-)слово*) или конечный элемент деривата (*контекст(уальность)*, *отвалить(ся)*);
- субстанционально-языковое разнообразие (см. выше);
- ведущая роль графического компонента, формирующего не-узуальность деривата и привлекающего к нему внимание;
- принадлежность к средствам как номинативного, так и экспрессивного словообразования;
- неоднозначность, многослойность, вариативность семантики.

Именно графический компонент рассматриваемых формантов обеспечивает семантическую емкость и потенциальную множественность интерпретации «графического» деривата. Семантика таких производных слов представляет собой совокупность сосуществующих, равноправных виртуальных миров (Д. В. Гугунава): так, дериват (*до*)*модерн* может быть осмыслен как «время и явления, свойственные периоду модерна / домодерна / модерна и домодерна одновременно». Вариативность, неоднозначность семантики обеспечивает размытость понятий, которыми оперирует человек, и гибкость мышления, что крайне необходимо обществу в современном быстро меняющемся мире.

Литература

- Амири Л. П. Языковая игра в российской и американской рекламе: Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
- Гугунава Д. В. Специфика словопроизводства в литературной критике произведений постмодернизма: Дисс. ... канд. филол. наук. Новгород, 2003.
- Изотов В. П. Параметры описания системы способов русского словообразования: Монография. Орел, 1998.
- Ильясова С. В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов-на-Дону, 2002.
- Николина Н. А. Новые тенденции в современном русском словотворчестве // Русский язык сегодня. Вып. 2. М., 2003.
- Попова Т. В. Функциональный потенциал пунктуационных знаков русского языка рубежа XX–XXI вв. // Язык и стиль современных средств массовой информации: Межвузовский сборник научных трудов Всероссийской конференции, посвященной 80-летию профессора Н. С. Валгиной. М., 2007. С. 305–312.
- Сивова А. А. Структурно-семантические особенности окказиональных слов в публицистике последней трети XX–XXI вв. (на материале газеты «Комсомольская правда»). (Выдвинута на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 «Русский язык». Нижний Новгород, 2006.)

Словообразовательные инновации, обусловленные иноязычной лексикой в славянских языках

В. Радева

Софийский университет имени Св. Климента Охридского (София, Болгария)

Деривационная модель, инновация, неолексема, гибридное слово

Аннотация. В докладе иноязычная лексика рассматривается с точки зрения того влияния, которое она оказывает на современные словообразовательные процессы в славянских языках. Рассматриваются закономерности включения заимствований в лексическую систему славянских языков и их участие в деривационных процессах в качестве мотивирующих основ, а также их роль в обогащении и активизации определенных деривационных способов и моделей.

Проучването на иновационните процеси, които бележат съвременния развой на славянските езици, дава възможност да се разкрие общността в реагирането им спрямо заеманата неславянска лексика, която се включва в деривационните процеси чрез мотивиране на производни думи, предоста-

вяне на нови или активизиране на съществуващи словообразователни средства и модели.

Многоаспектността на иновационните процеси в словообразоването насочва вниманието към изследването им от различни теоретични позиции:

- Создаването на називни единици чрез търсене на нови средства и модели обогатява номинационните възможности на езика;
- Утвърждаването на зетите думи чрез включването им като произвеждащи в деривационния процес способства за образуване на т. нар. хибридни названия, чиято структура имплицитно разкрива словообразователния потенциал на езика;
- Разпространението на зетата по книжовен път лексика и образуваните от нея производни думи засилват процеса на интелектуализация и детерминологизация на специализирани названия;
- Активно образуване на абстрактна лексика, мотивирана от зети думи, утвърждава предпочитането и употребата ѝ в разговорната реч.

Зети като готови структури или образувани според деривационните възможности на съответния език, неолексемите дават възможност за разкриване на тяхната *класифицираща роля*, тъй като чрез системните си връзки съдействат за създаване на специфична мрежа от взаимоотношения, която обхваща лексикални единици, независимо от тяхната словообразователна членомост и оформеност, аналитична или синтетична структура.

В системен план словообразователните иновации, обусловени от чуждоезиковата лексика, утвърждават мястото ѝ в лексикалната система на заемащия език. Тъй като носят характеристиката на производната дума, техните парадигматични връзки включват мотивационно отношение, което дава възможност:

- да се структурират системни отношения в лексиката;
- да се утвърдят мястото и употребата на чуждоезиковата лексика в заемащия език;
- да се създадат отношения и връзки между еднакво структурирани названия, мотивирани от често употребявани зети думи (напр. с *интернет, онлайн, пиар* и др.).

Иновационните процеси в словообразуването обхващат и функционирането на неолексемите в речта, обусловено не само от интернационализацията на лексиката.

Чрез осмисляне и последователно изясняване на влиянието, което чуждоезиковата лексика оказва върху словообразователните тенденции, се разкрива тяхната общност, специфично реализирана в отделните славянски езици. В по-общ теоретичен план, отнесен към типологичната характеристика на славянските езици, общостта и различието в деривационните им процеси показват балансирането на синтетизма и аналитизма в тях.

Словообразователна активност интернационалните препозитивни елементи в современном русском и хорватском языках

М. Радченко, С. Хаджихалилович

Университет г. Задара (Задар, Хорватия)

Русский язык, хорватский язык, префикс, префиксоид

Аннотация. В работе рассматриваются структурные и семантические особенности новообразований с интернациональными препозитивными элементами в двух родственных славянских языках. Выявляется степень продуктивности отдельных префиксов и префиксоидов и определяется специфика функционирования русских и хорватских словообразовательных инноваций.

В последние несколько десятилетий как в русском, так и в хорватском языке происходит активизация процесса создания новых слов, что связано с изменениями в социально-экономической, политической и культурной жизни России и Хорватии. В производстве новообразований широко используются иноязычные словообразовательные элементы, большинство из которых восходят к латинскому и древнегреческому источникам. Для большинства современных европейских языков характерна тенденция к интернационализации лексики, а исследователи отмечают, что в настоящее время идет процесс формирования международного фонда словообразовательных морфем (см. об этом: [Крысин 2007: 69–70]). Интернациональный характер препозитивных элементов обуславливает появление сходных моделей и словообразовательных значений в разных языках. По нашим наблюдениям особенно активны как в русском, так и в хорватском словопроизводстве следующие префиксы латинского и греческого происхождения: *анти-* / *anti-*, *де-* / *de-*, *пост-* / *post-*, *супер-* / *super-*. Приставка *де-* / *de-*, обозначающая удаление, отмену, прекращение, устранение чего-л. или обратное действие, участвует в образовании глаголов (*деавторизовать*; *defašizirati*, *deinstitutionalizirati*, *destaljinizirati*) и существительных (*дебюрократизация*, *дедолларизация*, *деидеологизация*, *деиндустриализация*, *деколлективизация*, *декоммунизация*, *декриминализация*, *денемклатуризация*, *департизация*; *dealbanizacija*, *deideologizacija*, *deislamizacija*, *dekroatizacija*, *detuđmanizacija*). При помощи приставки *анти-* / *anti-*, которая обозначает направленность против чего-л., борьбу с чем-л., а также противоречие чему-л., образуются существительные (*антиглобализм*, *антиельцинец*, *антиреклама*; *antidroga*, *antimoda*, *anti-koalicija*) и прилагательные (*антивандальный*, *антигорбачевский*, *антигубернаторский*, *антиолигархический*, *антиперестроечный*, *антироковый*, *антирыночный*; *antiizborni*, *antihadezeovski*, *antimesičevski*, *antiteroristički*). Приставка временной семантики *пост-* / *post-* вносит значение 'существующий, происходящий после того, что названо мотивирующим словом' и служит для образования прилагательных (*постсоветский*, *постельцинский*, *постэсенговский*; *postranzicijski*, *posttitovski*, *postračanovski*) и существ-

вительных (*постперестройка*, *постсоциализм*; *postkomunizam*). Производные существительные и прилагательные с префиксом *супер-* / *super-* приобретают значение интенсивности, высокой степени того, что названо производящей основой: *супербоевик*, *супердорогой*, *супергруппа*, *суперавтомобиль*, *суперпуз*; *superknjižara*, *superračunalo*, *superponuda*, *superpovoljan*.

Некоторые интернациональные префиксы проявляют высокую словообразовательную активность только в одном из рассматриваемых нами языков. Например, в последние десятилетия в русском языке при помощи префикса *экс-* образован целый ряд существительных со значением 'прежде бывший тем, кто назван мотивирующим словом' (*экс-бизнесмен*, *экс-глава*, *экс-губернатор*, *экс-лидер*, *экс-руководитель*, *экс-сотрудник* и под.), в то время как в современном хорватском языке префикс *екс-* является непродуктивным.

Значительным словообразовательным потенциалом в исследуемых языках обладают интернациональные префиксоиды – корневые морфемы иноязычного происхождения, выступающие в функции приставок. Сфера их употребления в обоих языках в большинстве случаев совпадает, а среди наиболее активных в словообразовательном отношении морфем следует упомянуть *видео-* / *video-* 'отнесенность чего-л. к воспроизведению изображения с магнитного или иного носителя' (*видеоверсия*, *видеоприложение*, *видеопроставка*, *видеоряд*; *videokonferencija*, *videoprilagodnik*, *videosnimka*, *videovrpca*, *videozapis*), *евро-* / *euro-* 'европейский' (*евровыборы*, *евролитература*, *евроремонт*; *euroček*, *euro-skeptik*, *euroltržište*), *эко-* / *eko-* 'экологический' (*экодом*, *эко-стиль*, *экошкола*; *ekohrana*, *ekočuca*, *ekooprema*, *ekosvijest*), *мега-* / *mega-* 'чрезвычайно большой, огромный' (*мегазвезда*, *мегакомпания*, *мегапроект*, *мега-xum*; *meгаizložba*, *meгаjahta*, *meгаknjiga*, *meгаpopularan*).

В некоторых случаях интернациональные префиксоиды приобретают новые переносные значения в языке-реципиенте. Например, в основном значении морфема *turbo-* / *turbo-* в обоих исследуемых языках обозначает использование турбины. Однако в хорватском языке при образовании жаргонизмов префиксоид *turbo-* может присоединяться к одушевленному и неодушевленному существительному, внося

значение 'оживленный, подвижный, быстрый; обладающий какими-л. выдающимися качествами': *turbo-limačica, turbo-motak, turbo-narodnjak, turbo-tulum* и под.

Анализ русских и хорватских новообразований с интернациональными препозитивными элементами показал, что большинство новых слов в обоих языках создано в соответствии с традиционными словообразовательными типами. Необходимо отметить, что заимствованные препозитивные элементы нередко присоединяются в словам с исконными основами, что ведет к изменению стилевой принадлежности новообразований. Русские и хорватские слова с интернациональными префиксами и префиксоидами в настоящее время употребляются во всех функциональных стилях, переставая быть характерной чертой книжного стиля.

Словообразовательные инновации как отражение социальных изменений в современной России

Л. В. Рацибурская

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижегород, Россия)

Новообразования, деривационные процессы, словообразовательный механизм, социальные факторы

Аннотация. В докладе рассматривается влияние на современные деривационные процессы таких социальных факторов, как либерализация и «западнизация» российского общества на рубеже XX–XXI вв.

Русский язык рубежа XX–XXI вв. характеризуется активизацией словообразовательных процессов, результатом которых стало обилие новообразований, отражающих новые реалии современной российской действительности. Известно, что в наиболее динамичные периоды жизни общества, связанные с существенными преобразованиями в разных сферах жизнедеятельности, возрастает влияние социального фактора на изменения в языке. Возросшие темпы языковой динамики в России на рубеже веков ученые связывают с меняющимся составом и обликом русского общества, сменой социальных, политических, экономических, а также психологических установок [Валгина 2001: 8].

По мнению ученых, на данном этапе развития русского языка прежде всего факторы социокультурного характера определяют рост продуктивности словообразовательных типов и моделей и способствуют снижению активности других. В эпоху активной экономической, политической и культурной глобализации на современные деривационные процессы оказывают влияние прежде всего либерализация и «западнизация» жизни российского общества на рубеже XX–XXI вв. [Коряковцева 2008].

Тенденция к интернационализации проявляется в активизации процессов именной префиксации с участием заимствованных префиксов. Новообразования с префиксами *анти-*, *контр-* отражают противостояние социальных сил в современной России: *антикоррупционный* (комитет), *антинатовские* (акции), *антиэлитное* (кино), *антиэлекторальное* (движение), *контрэлита*.

В современную эпоху смены прежних ценностных ориентиров, когда наша жизнь наполнилась огромным количеством мнимых ценностей, ложных авторитетов и фальшивых вещей, активизировались префиксы *квази-* и *псевдо-*: *квазикоммунизм, квазипартии, квазирелигиозный, квазимасонский, квазисоциалистический, псевдодиетологи, псевдолекарства, псевдочувства, псевдороссияне, псевдонароды, псевдоруские, псевдоисторические*.

Деструктивные явления в современном обществе нередко обозначаются новообразованиями с префиксом *де-*: *десувенизация, десталинизация, де-ельцинизация*.

Для номинации и оценки актуальных социальных реалий используются новообразования с префиксами *супер-*, *гипер-*, *ультра-*: *суперарсенал, суперделегаты, супервторник, суперреальный, суперроскошный, супертитлованный, гиперпопулярность, гипернакрутка, ультрапатриоты, ультраколониальный*.

В последнее время возросла словообразовательная активность префикса *экс-* с семей 'бывший', что, по-видимому, отражает динамику современной жизни и соответствует тенденции к экономии языковых средств: *экс-глава, экс-заместитель, экс-мэр, экс-инженер, экс-нижегородец, экс-зять, экс-жена, экс-муж, экс-супруг, экс-привычки*.

Литература

- Земская Е. А. Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 2003. С. 286–441.
- Крысин Л. П. Об интернационализации фонда словообразовательных морфем // Современное русское языкознание и лингводидактика. Вып. 2. Сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н. М. Шанского. М., 2007. С. 69–72.
- Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гузунова Д. В. Неология и неогрфия современного русского языка: Учеб. пособие. М., 2005.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2007.
- Anić V. Veliki rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 2005.
- Muhvić-Dimanovski V. Neologizmi: problemi teorije i primjene. Zagreb, 2005.

При характеристике современных российских реалий нередко используются новообразования с заимствованными суффиксами *-изм*, *-инг*, *-ист*: *интеграционизм, западнизм, маршизм, сексизм, экспертизм; банкинг, шопинг, шахтинг; демократист, либералист, локалист, продуктивист*.

Новообразования, созданные по продуктивной модели отсутствующих существительных с формантом *-изаци(я)*, называют актуальные, в том числе негативные явления и катаклизмы, общественно важные события: *бандеризация* (Западной Украины), *виртуализация, интернетизация, коллапсизация, менеджжеризация, телевизоризация, e-mailизация*.

Тенденция к либерализации, демократизации в современных деривационных процессах проявляется в активном использовании словообразовательных средств стилистически сниженного характера. «Так, ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей» [Валгина 2001: 131].

Действие закона речевой экономии обуславливает активизацию процессов универбации, в результате чего обычно появляются слова разговорной окраски с различными формантами: *заречка* (заречная часть города), *однушка* (однокомнатная квартира), *прослушка* (прослушивающая аппаратура), *предпродажка* (предпродажная подготовка); *сырьевик* (представитель сырьевых монополий), *ролевик* (тот, кто проводит ролевые игры), *цифровик* (цифровой фотоаппарат); *чрезвычайщик* (представитель МЧС), *виртуальщик* (тот, кто имеет отношение к виртуальной реальности); *Нобель* (Нобелевская премия).

Экспрессивным характером обладают стилистически сниженные дериваты, созданные путем усечения (с возможной суффиксацией): *антиглоб* (антиглобалист), *серьез* (серьезный), *гламурь* (гламурный), *дезик* (дезодорант), *фотик* (фотоаппарат), а также продуктивные в разговорной речи модели отыменных глаголов с суффиксом *-и(ть)*: *дозорить, моделировать, французить, эсэмэсить*.

Таким образом, структура новообразований показывает, как деривационный механизм, словообразовательная система русского языка реагируют на актуальные процессы, происходящие в современном российском обществе, а семантика новообразований, демонстрирующих продуктивность тех или иных словообразовательных типов и моделей, отражает политические и социально-экономические изменения в России.

Литература

- Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
- Коряковцева Е. И. Nomina abstracta в современном русском языке: социокультурные факторы роста продуктивности словообразовательных моделей // Активные процессы в современном русском языке. Нижний Новгород, 2008.

Игра слов в словообразовании жаргона

Й. Рэке

Эберхард-Карлс-университет (Гюбинген, Германия)

Теория словообразования, жаргон, семантическая деривация, игра слов

О словообразовании в различных формах жаргона (надо различать, по крайней мере, профессиональные жаргоны и непрофессиональные, которые в свою очередь включают такие разные жаргоны, как молодежный и воровской) мы до сих пор знаем очень мало. Есть попытки определить особенности способов образования новых слов в целях именования или – гораздо чаще – переименования явлений действительности. Но не уделяется должного внимания специфическим способам пополнения словарного состава жаргонов, безусловно представляющим особый интерес для общей теории словообразования. Есть, например, в сербском жаргоне, вернее, в соответствующих словарях сербского жаргона, немало слов, которые можно истолковать не иначе, как примеры остроумной игры слов, основанной на одинаковом звучании двух слов. Но как их толковать с точки зрения словообразования? Возьмем для иллюстрации в качестве примера сербский глагол *магистрирати*. С одной стороны, он имеет прямое значение 'сдать экзамен магистра' (или 'приобрести научную степень магистра'), с другой стороны, он имеет другое значение 'потерпеть аварию с смертельным исходом на магистрали'. Поясним, что *магистрала* (рус. *магистраль*) является весьма опасной дорогой по краю Адриатического моря, на которой часто происходят страшные несчастные случаи. Последнее значение глагол *магистрирати* имеет исключительно в жаргоне, первое значение свойственно только литературному языку. Возникает вопрос: чем мотивирован данный глагол в последнем значении? Ясно только то, что мы здесь сталкиваемся с остроум-

ной игрой слов, потому что мотивирующей базой этого глагола можно считать лексемы *магистар* (рус. *магистр*) и *магистралу* в одно и то же время: у данных слов есть общий элемент семантики – 'конец'. Но дело в том, что лексемы *магистар* и *магистрала* семантически связаны лишь исторически, а в современном языке семантической связи между ними уже нет. В то же время принять *магистрала* как мотивирующую основу глагола *магистрирати* нельзя, потому что в сербском языке нет соответствующей модели для образования слов такого рода и значения. Остается лишь прибегнуть к предположению, что перед нами семантическая деривация. Из этого вытекает, что *магистрирати* формально выводится из *магистар*, а семантически из *магистрала*. Но есть и другая возможность толкования – перед нами расширение значения исходного слова *магистрирати*. Значение 'приобрести научную степень магистра' расширяется ироническим семантическим компонентом 'и больше он не будет этим делом заниматься, потому что он «готов» (в переносном жаргонном значении)', который имеет свои корни в общеизвестном факте, что действия на магистрали часто кончаются так же, как вдруг кончаются занятия в вузе после экзамена. Думается, что такого рода игра слов в жаргоне представляет большой интерес для теоретиков словообразования, потому что она вновь серьезно ставит вопрос о том, как относиться к семантической деривации – считать ли ее способом словообразования или нет. Данный вопрос по-прежнему остается дискуссионным.

Инновации в сфере образования прилагательных с приставкой *не-*

М. В. Сандакова

Вятский государственный гуманитарный университет (Киров, Россия)

Семантика, относительное прилагательное, приставка не-, антонимия

Аннотация. В русском языке последних десятилетий активизировалось образование прилагательных, имеющих облик относительных и содержащих приставку *не-* (*непарламентский, несоциальный, неигровой*). В докладе рассматриваются типы их употреблений и значений.

В русском языке последних десятилетий активизировалось образование прилагательных, имеющих облик относительных и содержащих приставку *не-*. Словарями новейших изменений пока зафиксировано небольшое их количество, но на страницах современных СМИ они гораздо более многочисленны и разнообразны.

Во многих орфографических справочниках авторы говорят о раздельном написании *не* с относительными прилагательными, объясняя это семантическими причинами – невозможностью образования с помощью приставки *не-* слова с новым лексическим значением. Однако в своде правил орфографии и пунктуации под редакцией В. В. Лопатина дается уже иная трактовка: слитное написание предписывается, если слово обозначает «непринадлежность к какому-либо разряду лиц или явлений» [Валгина, Еськова, Иванова 2006: 157]: *непищевые добавки, невоенные отрасли*. Очевидно, что это правило свидетельствует не просто о тенденции в правописании относительных прилагательных с *не*, но отражает развивающиеся словообразовательные возможности, определяемые формированием новых смыслов на основе отрицания.

Относительные прилагательные, различающиеся наличием / отсутствием приставки *не-*, вступают в антонимические отношения: 'такой, который относится к А' – 'такой, который не относится к А'. Обычно у качественных прилагательных комплементарная оппозиция представляет собой четкое противопоставление вполне определенных свойств (*живой – неживой*). Относительное прилагательное с отрицанием не называется конкретизированным свойством. Ср. замечание Л. А. Новикова: «При отрицании типа *стол – не стол, полюс – не полюс, каменный – не каменный* область предметов, обозначенных *не-А...* не имеет определенного объема. Это противоположность разных сущностей. ...*Не*

стол может обозначать... не только все виды мебели, но любой предмет вообще, отвлеченные понятия и т. д.» [Новиков 2001: 268]. В сочетании с существительным неопределенность значения прилагательного не преодолевается, хотя и происходит сужение набора возможных объектов отношения, т. е. сферы проявления свойства. Например, *неспортивный* в сочетании с словом *комплекс* может означать *развлекательный, торговый комплекс*; в сочетании с *одежда – рабочая, карнавальная; с кружок – музыкальный, хоровой* и др. Сфера проявления свойства бывает четко определена лишь в случае, когда она ограничена одним родом объектов. Так, прилагательное *нестоличный* при сочетаемости с разными именами означает *провинциальный: нестоличный театр, оркестр, жизнь; неигровой* (применительно к киноискусству) означает *документальный*.

В зависимости от условий употребления и коммуникативно-прагматических целей можно различать **типы употребления прилагательных с не-**.

1. Отрицание свойства. Целью употребления прилагательного может быть негативная характеристика предмета, когда в фокусе внимания – отрицание наличия свойства. Какие позитивные свойства можно видеть у предмета, при этом неважно. Для такой цели наиболее подходит предикатная позиция (хотя возможна и атрибутивная): *Сравнивать футбольный бизнес Европы и России – все равно что физику с философией. Одни только и делают, что подставляют нужные формулы... а другие размышляют о вечном, время от времени повторяя: «Нефутбольная мы страна»* (Нов. газ. 28.01–30.01.2008).

2. Свойство с неопределенной, «открытой» сферой проявления. Такое употребление связано с переходом от негативного к позитивному в описании предмета. Оттолкнувшись от отрицаемого, взгляд обращается на поиски того,

что могло бы составить положительную характеристику: 'не такой, а какой-л. другой'. Свойство по-прежнему не конкретизировано, и сфера его проявления устанавливается адресантом в контексте: *Вторая [причина] – нерыночные факторы, такие, как цунами, эпидемии, забастовки* (Изв. 07.08.2007). *Из спортивных развлечений в лагере есть футбол... Из неспортивных – компьютеры...* (Изв. 26.07.2005). Если требуется точное обозначение свойства, употребления такого типа невозможны, ср. неинформативность высказываний: **В детстве он ходил в немусыкальную школу.*

3. Свойство, конкретизированное в словосочетании. При частотном употреблении в речи словосочетание приобретает узнаваемость и даже устойчивость, за ним закрепляется вполне определенное содержание, понятное вне более широкого контекста. Значение прилагательного в таком словосочетании конкретизируется: *неалкогольные напитки* ('такие, которые не содержат алкоголя'); *непарламентские партии* ('такие, которые не вошли в парламент'). Ср.: *В нее [потребительскую корзину] включается бескостная говядина, бескостная свинина, фрукты, а среди непродовольственных продуктов – меха.* (Нов. газ. 03.03–05.03.2008).

4. «Независимое» свойство (развитие у прилагательного нового лексического значения). Конкретизация зна-

чения в словосочетании является промежуточной ступенью на пути к формированию нового лексического значения. Прилагательное может закрепить за собой определенное содержание и сохранять его вне сочетания с существительным. Такую эволюцию проходят прилагательные, называющие свойства, которые соответствуют реалиям современного мира: *Впереди еще предновогодняя пора, когда с прилавков сметается все – и социальный хлеб, и несоциальная колбаса.* (Изв. 06.12.2007). *Несоциальный* означает 'дорогой, доступный не всем слоям населения'. Конкретизированные значения имеют тенденцию стать узусными, ср. словарные толкования: *неправовой*: 'не основанный на праве, нарушающий нормы права'; *нерейтинговый*: 'имеющий низкий рейтинг' [Толковый словарь... 2006] и др.

Литература

- Валгина Н. С., Еськова Н. А., Иванова О. Е. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Гл. ред. В. В. Лопатин. М., 2006.
- Новиков Л. А. Семантический анализ противоположности в лексике // Новиков Л. А. Избранные труды. Т. 1. М., 2001. С. 19–338.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2006.

Особенности семантики

и предпосылки продуктивности приставки *за-* в современном русском языке

С. В. Соколова

Университет Трумсе (Трумсе, Норвегия)

Ингрессивное и результативное значения, грамматическая конструкция, семантические классы, продуктивность

Аннотация. Приставка *за-* в современном русском языке характеризуется рядом особенностей: она способна как обозначать законченные действия ('результативы'), так и указывать на начало действия, образуя 'ингрессивы'. Кроме того, эта приставка весьма продуктивна в молодежном слэнге, где она вытесняет другие приставки при образовании видовых коррелятов от глаголов восприятия и оценки (*заценить, засмотреть*). В данном исследовании мы хотим показать, что особенности семантики приставки *за-* во многом определяют ее продуктивность. Мы проанализируем факторы, влияющие на результативное или ингрессивное прочтение глагола совершенного вида с данной приставкой и рассмотрим новые видовые корреляты с приставкой *за-*.

Приставка *за-* в современном русском языке характеризуется рядом особенностей. С одной стороны, она указывает на законченные действия, образуя от бесприставочных глаголов несовершенного вида (НСВ) парный глагол совершенного вида (СВ) (*резать – зарезать*) или глагол СВ с измененным лексическим значением (*бежать – забежать*), т. е. 'результативы'. С другой стороны, эта же приставка является одним из главных инструментов при образовании так называемых 'ингрессивных' глаголов (в данной работе нас прежде всего интересует оппозиция 'маркированное начало' и 'маркированный конец действия', поэтому мы не будем разграничивать термины «ингрессивный», «инхоативный» и «ицессивный», принятые в литературе (см. [Виноградов 1947: 419], [РГ 1980: 596–597], [Петрухина 2000: 193–197]), и для указания на все эти случаи будем использовать термин «ингрессивный», т. е. маркирующий начало действия), указывающих на начало действия или состояния (*закричать, затосковать*) – именно 'ингрессивное' значение приводится в словарях первым, см. [Ожегов, Шведова 1997], [МАС 1981–1984]. Как было показано в ряде работ, посвященных вопросам полисемии, при всем разнообразии подзначений лексической единицы ее семантическая структура характеризуется внутренним единством [Janda 1985]; [Atkins, Rundell 2008]. Тогда возникает вопрос, почему одна и та же приставка способна активно образовывать и результативы, и ингрессивы.

Кроме того, по некоторым подсчетам, приставка *за-* занимает третье место в ряду самых продуктивных приставок русского языка, уступая только приставкам *по-* и *про-* [Черткова 1996]; [Кронгауз 1998]. В настоящий момент в русском языке формируется пласт жаргонной лексики, где приставка *за-* вытесняет другие приставки, образующие видовые корреляты от глаголов восприятия и оценки (ср. *засмотреть* вместо *посмотреть*, *заценить* вместо *оценить* и др.). В данном исследовании мы хотим показать, что особенности семантики приставки *за-* во многом определяют ее продуктивность.

В одной из ранних работ Л. Янда определила основную 'образ-схему' (image schema) приставки *за-* следующим образом: «Когнитивное пространство поделено на две части: внутреннюю и внешнюю... Движущийся объект (trajector) начинает движение в естественной для себя внутренней области (landmark), пересекает ее границу и оказывается во внешней области» [Janda 1985: 27–29]. Таким образом, «пересечение границы» оказывается главной составляющей всех значений *за-*. Мы покажем, что ингрессивная (ИНГР) или результативная (РЕЗ) реализация *за-* зависит от семантического класса глагола, к которому присоединяется данная приставка, и от грамматической конструкции самого глагола (о понятии «грамматическая конструкция» см. [Goldberg 2006]).

РЕЗ глаголы с приставкой *за-* относятся к 14 семантическим классам (разметка взята из Национального корпуса русского языка – НКРЯ), среди которых наиболее частотны глаголы класса «воздействие» (*зарезать*) и «изменение состояния» (*завянуть*). ИНГР глаголы с *за-* распределяются в основном по семантическим классам «движение» (*заходить*), «состояние» (*заскучать*), «чувственное восприятие» (*запахнуть*). Таким образом, ИНГР и РЕЗ значения приставки *за-* обычно закрепляются за глаголами разных семантических классов. Можно сказать, что семантика самого глагола способствует актуализации либо начальной, либо конечной границы действия при взаимодействии с данной приставкой. Так, например, у глаголов «изменения состояния» предполагается конечная стадия проявления признака (*Он сох, сох и засох*), поэтому маркированной оказывается конечная граница. У глаголов «состояния» обе границы не маркированы, поэтому *за-* выделяет первую границу – начало состояния (*заволноваться*).

В том случае, когда один и тот же глагол может иметь оба значения, ИНГР или РЕЗ прочтение зависит от грамматической конструкции, ср.: *заколотить по столу* (ИНГР) – *заколотить ящик* (РЕЗ); *заходить по комнате* (ИНГР) – *заходить в магазин* (ряд законченных действий); *компьютер заработал* (ИНГР) – *он заработал двадцать тысяч рублей*

(РЕЗ). Как видно из приведенных примеров, если глагол движения имеет заполненную валентность «цели», а акциональный глагол прямое дополнение, мы имеем дело с РЕЗ контекстами.

Одной из реализаций основной образ-схемы приставки *за-* является подзначение 'избыточность', близкое к подзначению 'изменение состояния'. В случае 'избыточности' движущийся объект должен покинуть область нормальных состояний из-за того, что подвергся слишком интенсивному воздействию, причем результат этого воздействия оценивается отрицательно [Janda 1985: 32–33]: *Удивительно, но все еще живучи представления о необходимости строгого воспитания, боязнь заласкать, захвалить* (пример из НКРЯ). Интересно, что в современном молодежном слэнге 'избыточность' получает положительную оценку, как максимальное проявление признака. Из контекстов, отражающих 'избыточность', приставка *за-* перешла в молодежный слэнг, образуя видовые корреляты глаголов оценки и восприятия: ср. *Теперь вспомните ситуацию, когда вам кто-то давал посмотреть видеокассету, а вы так хотели «засмотреть» ее, чтобы не возвращать – А вот тут можно засмотреть и заслушать японскую народную песню* (примеры взяты с Интернет-сайтов).

Таким образом, продуктивность приставки *за-* в русском языке во многом связана с ее семантикой, которая, в свою

очередь, находится в тесном взаимодействии с семантикой глагола и грамматическими конструкциями.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. Л., 1947.
- Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000.
- Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980 (= РГ).
- Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984 (= МАС).
- Черткова М. Ю. Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.
- Atkins Sue, Rundell Michael. The Oxford Guide to Practical Lexicography. Oxford, 2008.
- Goldberg Adele. Constructions at Work: The Nature of Generalizations in Language. Oxford, 2006.
- Janda Laura A. The Meaning of Russian Verbal Prefixes: Semantics and Grammar. The Scope of Slavic Aspect // UCLA Slavic Studies. Vol. 12. Columbus, Ohio, 1985. P. 26–40.

Система способов языковой игры в аббревиации: история, современность, перспективы развития

А. В. Стахева

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

В конце XX – начале XXI в. аббревиация как способ словообразования характеризуется высокой продуктивностью и полифункциональностью: выполняя номинативную и компрессивную функции, она является средством экспрессивизации речи (исследования Г. Н. Алиевой, А. А. Безруковой, Н. С. Валгиной, Ю. В. Горшунова, А. Ф. Журавлева, А. В. Зеленина, Е. А. Земской, С. В. Ильясовой, Н. А. Кожениковой, О. Г. Косаревой, В. Г. Костомарова, В. М. Лейчика, В. З. Санникова, И. С. Улуканова, В. Н. Шапошникова, М. А. Ярмашевич и других). Тенденция к экспрессивному употреблению аббревиатур, возникшая столетие назад и распространившаяся в языке художественной литературы, в разговорной речи, укрепились и получила прочное развитие в XX в., а в языке СМИ (публицистике) начала XXI в. стала заметным явлением. На общем фоне «демократизации» языка, возобладания «экспрессии» над «стандартом» функциональная направленность аббревиации меняется: она может полноправно рассматриваться как в аспекте словопроизводства, так и словотворчества. Доказательством этому является расширение арсенала игровых средств в аббревиации.

Мы понимаем языковую игру (далее – ЯИ) как сознательный эксперимент, имеющий установку на творчество, нарушающий строгую языковую норму, но не ситуативную, учитывающую социальную роль говорящего, взаимоотношения участников коммуникации, предмет, тему, цели общения, намерения коммуникантов и многие другие показатели. Языковая игра не нарушает коммуникативную норму, и правильным является все то, что уместно в данной языковой ситуации.

Перечислим кратко основные способы выражения ЯИ в аббревиации, существующие в современном русском языке:

1. **Двойная мотивация** – сознательное использование в качестве аббревиатуры цельнооформленного слова. Например, *ЮРТА – Южно-Российское Туристическое Агентство*, *МАМА – Международный Альянс Модельных Агентств*, *ШАРМ – Шоу АРмянских Мужчин*, *МИФ – Московский Инвестиционный Фонд*, *ЗУБР – Защитники Уникальных Богатств России*.

2. **Комбинированное раскодирование** («псевдоаббревиатуры»):

Челси – Чукотский еврей, лихо скупающий игроков, волк – волю очень любит колонист, сэр – свобода – это рай (из тюремных татуировок).

3. **Деаббревиация (игровая расшифровка общеизвестных аббревиатур)**:

Как рассказала программа «Намедни» (НТВ, эфир 8.06.2003), партия «Единая Россия» решила перед предстоящими выборами президента 2004 г. использовать инициалы главы государства как рекламный лозунг, так как он «активный избиратель» партии. Пиарщики, можно сказать, «популяризировали» аббревиатуру *ВВП (Владимир Владимирович Путин)*. Для каждой социальной, возрастной, профессиональной группы избирателей они изобрели «формулу народного счастья»: для чиновников: *Вести Верную Политику*; для крестьянства: *Встанем Вспашем Посеем*; для спортсменов: *Время Выигрывать Призы*; для бизнесменов: *Вместе Всегда Победим*; для пенсионеров: *Вам Великий Поклон*; для военных: *Верность Военной Присяге*; для женщин: *Вы Всегда Прекрасны*; для интеллигенции: *Воспитаем Великое Поколение*; для студентов: *Всегда Везде Первый*; для зарубежных членов партии: *Виза В Партию*; лозунг от движения «Идущие вместе»: *Всегда Вместе с Президентом*.

4. **Графические игры.**

- **Псевдомотивация** – *СМИрение амбиций, ГУМанизм в у. е., Самое бОРЗое время, Единая Европа УЕла всех.*
- **Контаминация** – *Полный ПИФигизм, ОбьЕГЭреть, Действие ВИЧитания, Весенняя соНАТО, Сказка о МЭРТвом царевиче (МЭРТ – Министерство экономического развития и торговли).*
- **Графогбридизация** – *Тульский РРЯник, Прощай, РРезидент, SOSтавь компанию живым, VIPуск.*
- **Акrostих:** «ОАО «Донской табак» возобновило выпуск сигарет «Губернатор», теперь начальные буквы слогана-акrostиха на обратной стороне сигаретной пачке складываются в фамилию ЧУБ: *Честь и достоинство*, *Уважение традиций*, *Благополучие Донского края*» (В. Ф. Чуб – губернатор Ростовской области).
- **Исправление** – *СПУСение для абонентов. СПУС – система повременного учета стоимости (о повременной оплате за телефон, «У» исправлено на «А»).*
- **Точечное оформление** – *О. С. П. – Очень смешная передача, Д. Д. Д. – Досье детектива Дубровского* (название телесериала).

Эволюция системы способов ЯИ в аббревиации в современном русском языке кратко может быть представлена

следующим образом: к игровой расшифровке аббревиатур, распространенной в начале XX в., добавился способ двойной мотивации (1960–1970-е гг.); графические игры с прописной буквой (псевдомотивация и контаминация), использование латиницы и других графических средств (акrostиха, точки, исправления), обыгрывание отаббревиатурных производных стали наиболее актуальными в последние десятилетия XX – начале XXI в. Каждый способ имеет свою историю становления и особенности современного функционирования.

Аббревиатуры обыгрываются не только в русском языке, но и в других (в частности, английском), причем модели обыгрывания во многом идентичны. Сравнительный анализ способов обыгрывания аббревиатур в русском и английском языках может стать темой отдельного исследования.

Наметим некоторые интересные тенденции в ЯИ в аббревиации, заставляющие задуматься о перспективах развития данного явления в языке, в частности системы способов ЯИ в аббревиации. Тиражируемость некоторых приемов ЯИ (к примеру, псевдомотивации, контаминации) вызывает тревогу по поводу качественности, креативности ЯИ. Порой стремление к экспрессивности, игре (объясняемое прагматическими функциями СМИ) мешает реализовываться «красивой» ЯИ, сохраняющей информативность медиатекста. Свежесть и яркость ЯИ зачастую страдают, и языку, возможно, придется искать все новые и новые приемы обновления игровых механизмов. Думается, что создание ЯИ с творческой точки зрения должно усложняться, ведь необходимо удивлять читателя, однако тенденция к тому, что ис-

пользуются уже опробованные приемы, безотказно действующие, гораздо более распространены. ЯИ создается по разработанным продуктивным моделям, что свидетельствует о том, что они закрепляются в языке, успешно выполняя свою функцию. Возможно, в этом заключается путь развития системы способов ЯИ: будут создаваться новые приемы ЯИ, или же уже известные получат иную интерпретацию. Игра обязательно содержит эстетический момент. Удовольствие, которое испытывают говорящий и слушающий, заключается в ощущении красоты и изящества сказанного. Языковая игра должна быть красивой, «вкусной» – в этом ее правда, ее право на существование.

Итак, обыгрывание аббревиатур имеет прочную традицию в языке в течение нескольких веков, что говорит о том, что эти лексические единицы прочно заняли свое место в ЯИ в русском языке (особенно в СМИ в XX в.). Возникновение и сфера бытования того или иного способа обусловлены помимо собственно лингвистических внеязыковыми причинами – социальными процессами (например, обыгрывание политических аббревиатур), развитием компьютерной графики (графические игры), экспансией английского языка (графогибридикация) и т. д. «Стандарт» переосмысливается с «экспрессивными» установками: например, способ создания аббревиатур, омонимичных узальному слову, со временем лег в основу способа двойной мотивации – приобрел другие целевые установки (игровые). Таким образом, тенденция к словотворчеству в аббревиации обеспечивается целым арсеналом способов ЯИ, который расширяется, постоянно совершенствуется.

Особенности словообразования словенских окказионализмов

И. Страмлич Брезник

Философский факультет Мариборского университета (Марибор, Словения)

В работе рассматривается проблема словообразовательной типологии окказионализмов, т. е. новообразований, не встречающихся в словенском национальном корпусе *Fidaplus* или встречающихся, но не более пяти раз. Окказионализмы интеллектались методом сплошной выборки из словенских интернетных страниц (блоги, e-журналы, e-газеты).

Особое внимание в работе уделяется окказионализмам, образованным от производящих основ, давно существующих в словенском языке. Новообразования, созданные для однократного употребления в определенном контексте, обладающие огромной экспрессивностью и стилистической окрашенностью, получают в работе разностороннее описание.

С коммуникативной точки зрения речь идет о словах, которые часто используются в молодежной речи в Интернете (*dolpoteg* 'скачать с Интернета, прим. англ. *download*'), а также о публицистических актуализмах (*jelinčičizacija* 'характерные действия депутата Елинчица').

С семантической точки зрения большую часть новообразований-существительных составляют наименования лиц мужского (*kavač* 'страстный любитель кофе', *hlastnojedec* 'обжора') или женского пола (*nosečka* 'беременная женщина'), названия предметов (*vetropih* 'вентилятор'), действий или признаков (*polkanje* 'играющие полки', *lenoritis* 'лень'). Значительную группу образуют уменьшительно-ласкательные слова (*evrček* – от слова *evro*). Среди имен прилагательных в основном преобладают относительные (*povprečnjakarski* 'характерен для заурядного человека') и качественные прилагательные (*slovenskast* 'характерный словенский'), глаголы представляют собой отыменные (существительные) образования (*športati* 'заниматься спортом', *kofetkati* 'пить кофе').

Словообразовательный обзор включает в себя рассмотрение наиболее продуктивных способов образования окказионализмов в словенском языке. Наиболее распространенными способами являются суффиксальный способ словообразования (68,5%), словосложение (21,5%), префиксальный (7%) и лексико-синтаксический (3%) способы.

Далее следует классификация окказионализмов с точки зрения стилистической окрашенности, которая является последствием: (а) окрашенности производящего слова, например имя собственное (*kreslinčica* 'песня певца Креслина'), стилистических помет в словаре имени нарицательного (*srhošpil* 'ужасная игра' < *špilati* просторечное 'играть'); (б) окрашенности аффиксов, связанной, например, с их ограниченностью (*teši-telj* 'человек, который утешает'), но-

визной (*tip-son* 'хороший человек') или же экспрессивностью (*plamenohotn-ež* 'пироман'); (с) комбинации производящей основы и аффикса (*slaninijada* 'мероприятие, которое связано с салом'); (д) того, что окказионализм является параллельным наименованием уже известного употребляемого слова (*golovidnež* = *huducm*, *vržec* = *жесмон*, *bodeljčki* = *вилка*); (е) комбинации морфем по аналогии с уже существующими словами благодаря семантической близости (*šahopirec* 'страстный шахматист' по аналогии с *kvartopirec* 'тот, кто играет в карты за деньги').

Если в вышеуказанных окказионализмах четко проявляются т. н. стандартные способы словообразования, т. е. образование новых слов осуществляется на основе характерных словообразовательных моделей словенского литературного языка, то другая группа окказионализмов образуется по нестандартному пути, используя игру слов и морфем, а также двусмысленность образованных подобным способом лексем. Среди моделей можно выделить: (а) лексико-семантические образования из сокращений, речевое новшество – слова с двумя прописными буквами (*DokMa* < *dokumentarci* + *Maribor* 'документальные фильмы + Марибор', *natiponke* < *natikači* + *japonke* 'шлепки + сланцы', *grizitek* < *grizček* + *napitek* 'закуска + напиток', *slastovit* < *slasten* + *čudovit* 'вкусный + чудесный'); (б) т. н. новообразования, созданные слиянием двух слов (*gnevnik* < *gnevni dnevnik* 'сердитый дневник'); (с) слова, созданные путем замены имени нарицательного именем собственным (*Drugajanje* < *Druga gimnazija* + *dogajanje* 'Вторая гимназия + событие', *čudoVito* < *čudo* + *Vito* 'чудо + Vito из рекламы автомобиля Vito, марки Mercedes'); (д) производные, созданные с помощью двойного повтора (*klepeklepetati* 'очень долго разговаривать по мобильному телефону по выгодной цене'); (е) использование буквального значения слова (*strahopetka* 'трусливая женщина': *strahopetka* 'женщина, которая боится высоких каблук'); (е) использование словенско-английских омофонов для языковой игры (*slovinjen* 'по-английски: словенцы' с новым значением 'опьянен Словенией', хотя со времени вхождения Словении в Евросоюз словенцы *Evropijani* 'по-английски: европейцы', с новым значением 'опьянены Европой').

В образовании словенских окказионализмов можно выделить два принципа: образование традиционным стандартным способом и нестандартным способом, путем свободной языковой игры.

Динаміка словотвірної норми в сучасній українській мові

А. А. Таран

Інститут мовознавства імені О. О. Потебні НАН України (Київ, Україна)

Мовна динаміка, словотвірна норма, тенденція розвитку мови, конкурування номінацій

Анотація. В докладі рассмотрены наиболее показательные тенденции изменений в словообразовательной норме современного украинского языка, вызванные активизацией внутренних словообразовательных ресурсов языка в новых условиях его функционирования.

1. Динаміка суспільно-політичних, економічних і культурних перетворень закономірно викликає динаміку мовної системи, виявлену в поповненні та оновленні передусім лексичного фонду мови. Важливу роль у забезпеченні номінативної, а також експресивної функції української мови, як і інших слов'янських мов, традиційно відіграють словотвірні засоби, використання яких підпорядковане словотвірним нормам. Творення похідного слова може спиратися на дериваційний арсенал мови чи відбуватися з порушенням її структурно-системних можливостей. У кодифікації нової лексики важливо дотримуватися двох основних критеріїв: а) критерію правильності та б) критерію доцільності [Мазурік 2002: 163]. Норми деривації регулюють вибір морфем, їх розташування і сполучення у складі похідних лексем. Відповідність словотвірним моделям, усталеним у літературній мові, робить прозорою структуру нового слова, допомагає мовцеві швидко й легко зрозуміти нове на основі зіставлень з уже відомим. Новотвори, що відповідають критерію правильності, швидко стають загальнозрозумілими одиницями для всієї мовної спільноти.

2. На сучасному етапі розвитку українського лексикону спостерігаємо зміну словотвірних зразків оформлення номінацій, пов'язану з активною тенденцією його націоналізації. Як приклади дії цієї тенденції оновлення лексикону виділимо такі: 1) усунення іменників-назв особи із суфіксами **-чик / -щик** на користь **-ник**, **-івець**, рідше **-іст**: *інтернетник, інтернетівець* замість *інтернетчик І-нетчик, піарник – піарівець – PR-ник* замість *PR-щик; рекламник – рекламист* замість *рекламщик*; 2) обмеження віддієслівних іменників із процесуальною семантикою, утворених за допомогою суфікса **-к(а)** за рахунок розширення сфери функціонування моделі на **-нн(я)**: *вербування, автопаркування, з'явлення, поява, усихання, оброблення* замість *вербовка, автопарковка, явка, усущка, обробка*; 3) заміна активних дієприкметників віддієслівними іменниками із суфіксами **-ник, -льник**: *пікетувальник, пікетник, виступальник, виступовець* замість *пікетуючий; виступаючий* та віддієслівними й відприслівниковими прикметниками: *наркоподібний, доволішній, чинний, наявний* замість *оточуючий, діючий, існуючий*; 4) конкурування складних прикметників-кальок із кінцевими основами **-подібний, -видний** і співвідносних з ними простих прикметників із суфіксами **-уват(ий) / -юват(ий), -аст(ий) / -яст(ий), -ат(ий) / -ят(ий)**: *голкоподібний – голчастий; кільцеподібний – кільчастий*. За даними українських дослідників [Карпіловська 2004], більшість конкурентних номінацій такого типу є лише частковими синонімами, що розрізняються обсягом своєї семантичної парадигми (*голкоподібний – голчастий*) або активністю вживання, спектром сполучуваності та оцінним потенціалом (*медійний – медіальний продукт, глядацька аудиторія – глядачева зала*) тощо; б) конкурування прикметників зі складеними суфіксами **-альн(ий), -ональн(ий)** за умови тотожності їхніх значень зі спільнокореневим (і не лише спільнокореневим *чільний*

замість *президіальний*) прикметником із суфіксом **-н(ий)**: *емоціональний – емоційний*, але *музикальний – музичний, функціональний – функційний* (розрізнення паронімів); 7) у відносних прикметниках – розширення моделі з суфіксом **-ов(ий)** від основи іменника на суфікс **-к-**: *виставковий, заявковий, копійковий, пересадковий* замість моделі із суфіксом **-н(ий)** від основи з варіантами такого суфікса **-оч-** або **-еч-**: *заявочний, копієчний*; 8) у дієсловах активізується вживання форм без інтерфіксів **-пр- / -ір-**: *масажуювати, продюсувати, режисувати, маршувати, сортувати* замість *масажирувати, продюсирувати, режисирувати, марширувати, сортирувати*. Щоправда, для уникнення омонімії в лексиконі збережено опозиції на зразок *репетувати* (пор. *репетиція*) – *репетувати* (пор. *репет*), *бісувати* (пор. *викликти на біс*) – *бісувати* (пор. *біс вселівся*), функціонування таких опозицій підтримує в запозиченій лексиці співвідношення з назвами осіб і предметів із суфіксом **-ер**, напр.: *режисер, продюсер, компостер*; 9) заміна калькованих префіксів на питомі: *обезбарвити* на *знебарвити, розкласифікувати* на *покласифікувати* і т. ін.

3. Такі заміни набувають системного характеру, спираються на активні в сучасному українському словотворенні моделі. Завдяки цьому вони не порушують механізм сучасного українського словотворення, а лише усувають з лексикону ті конкурентні номінації, які не відповідають продуктивним зразкам словотворення, а отже, порушують системні словотвірні норми. Саме тому носії сучасної української мови такі зміни в словотвірній нормі сприймають без особливого спротиву, а самі такі деривати органічно функціонують у сучасній українській мовній практиці. Деякі з цих слів, як, приміром, *бізнесмен* і *бізнесовець*; *спортсмен* і *спортовець*; *чиновник* і *урядовець, посадовець, високопосадовець*; *діаспорит* і *діаспорянин, діаспорник, діаспорець, діаспорівець* співіснують, демонструючи певний плюралізм мовних смаків сучасного українського суспільства [Карпіловська 2005: 113]. Перевагу того чи іншого словотвірного варіанта засвідчить зростання його функціонального потенціалу в системі мови і в тексті, а отже, передусім активність його вживання у мовній діяльності суспільства.

Література

- Карпіловська Є. А. Конкурування варіантних номінацій як вияв тенденції розвитку лексикону: регулятори рівноваги // «Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту» до ювілею проф. А. П. Загнітка. Донецьк, 2004. С.122–132.
- Карпіловська Є. А. Неузале словотворення: правила «три без правил» // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія «Філологія». 2005. Том 8. №1. С. 106–117.
- Мазурік Д. В. Інноваційні процеси в лексиці сучасної української літературної мови (90-і роки ХХ ст.): Автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.01. Львів, 2002.
- Тараненко О. О. Сучасні тенденції до перегляду нормативних засад української літературної мови і явище пуризму // Мовознавство. 2008. № 2–3. С. 159–189.

Процеси дивергенції в сучасному словообразованні сербського, хорватського і бошняцького мов

Б. Тошович

Institut für Slawistik, Universität Graz (Грац, Австрія)

В общей тенденции, направленной на отталкивание (а) хорватского языка от сербского и (б) бошняцкого от сербского (в большей степени) и хорватского (в меньшей степени), наблюдается ряд характерных явлений, среди которых особого внимания заслуживают следующие.

В сербском словообразовании нет жестких ограничений в образовании от иностранных слов, хотя у некоторых язы-

коведов проявляется более осторожное, даже враждебное отношение к словам, образованным по чужим моделям. Сербское словообразование является довольно либеральным и толерантным на экстралингвистическом уровне. Хотя и в сербских изданиях все чаще и громче звучат голоса о засорении языка иностранными словами, пока отсутствуют более жесткие меры языковой политики. В сербском

словообразовании не наблюдаются тенденции к сознательному удалению сербского языка от хорватского и бошняцкого.

Хорватское словообразование находится под сильным давлением общепринятого пуризма и ориентировано на создание новых слов от домашних слов, что иногда делается во что бы то ни стало. В хорватском языкознании и словообразовании идет в настоящее время острая и широкомасштабная борьба против заимствований и новообразований по иностранным моделям, в которой особенно активно участвуют некоторые видные и влиятельные языковеды и дериватологи (в первую очередь Степан Бабич). В этом процессе желания главных представителей хорватского пуризма сталкиваются иногда с речевой практикой, которая всегда не принимает то, что ей навязывается. Доминантной в хорватском словообразовании в два последних десятилетия является и борьба против «сербизмов» и стремление вытеснить их из всех сфер употребления.

Реализация закономерностей системы языка в новой лексике

И. С. Улуханов

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Новообразование, закономерности системы языка, исчислительно-объяснительный метод

Аннотация. В докладе рассматривается роль новообразований в изучении закономерностей словообразовательной системы.

1. Исчислительно-объяснительный метод описания языка (подробнее см. [Улуханов 2008: 7–19]) состоит: 1) в исчислении всех потенциальных единиц какой-либо подсистемы языка; 2) в выявлении причин их реализации или нереализации в речи, т. е. в отказе от констатирующего описания в пользу объяснения языковых фактов во всех тех случаях, когда оно возможно. Исчисленные единицы иногда реализуются только новообразованиями, причем эти новообразования могут указывать на такую закономерность системы, которая не обнаруживается в узуальных единицах. Новообразования, таким образом, играют большую роль в познании закономерной системы языка – всех ее уровней. Так, в окказионализме может быть реализован теоретически возможный, но узуально отсутствующий морф, например, *обезо-: И море в день обезольдилось / Опять на нем синее тшль* (И. Северянин).

Большой интерес представляют такие незаполненные морфологические позиции, окказиональное заполнение которых можно назвать диагностическим для узуальной лексики: в этих позициях дифференцируются единицы, не дифференцируемые в узуальной лексике, и выявляются не выявляющиеся в ней закономерности. Например, в узуальной лексике представлены лишь следующие отадъективные глаголы на *-ича(ть)*: а) глаголы, мотивированные прилагательными на *-ный* (*важный* – *важничать* и т. п.); б) глаголы, мотивированные прилагательными на согласную + сонорную: *наглый* – *нагличать*, *подлый* – *подличать*. На основании этого иногда утверждалось, что в отадъективных глаголах на *-ича(ть)* используется только морф *-ича(ть)*, в то время как в отсубстантивных глаголах – *-ича(ть)* (ср. *лентяй* – *лентяичать* и т. п.). Между тем, возможна другая интерпретация структуры отадъективных глаголов на *-ичать*: а) в глаголах, мотивированных прилагательными на *-ный* (ый), выделять морф *-нича-*, а фонему /н/ считать принадлежащей одновременно мотивирующей части и суффиксальному морфу (явление совмещения морфов); б) морф *-ича-* выделять лишь в глаголах *нагличать* и *подличать*, где *-нича-* невозможен в силу закономерностей сочетаемости согласных. Выбор между двумя интерпретациями отадъективных глаголов на *-ичать* возможен только на основе таких глаголов на *-ичать*, которые были бы мотивированы прилагательными не на *-ный* и не на сочетание «согласная + сонорная»: в них выбор морфов *-нича-* / *-ича-* морфологически не обусловлен. Таких глаголов в узуальной лексике не имеется, т. е. эта морфологическая позиция узуально не заполнена. Окказиональные же глаголы образуются от таких прилагательных с помощью морфа *-нича-*: ср. *красивый* – *красивничать* (*Легко в студентах прогрессивничать, / Свободомыслием красивничать* – Е. Евтушенко). Наличие морфа *-нича-* в сильной (не обусловленной

Бошняцкое словообразование ориентировано на поиски моделей и форм, которые бы подтвердили / доказали необходимость выделения бошняцкого языка как особого языка и которые бы указали на его своеобразие по отношению к сербскому и хорватскому. Так как это последнее не так легко сделать на деривационном уровне, как, например, на лексическом плане (трудно, скажем, иметь или создать только свой бошняцкий суффикс, префикс...), такие попытки заканчиваются, как правило, выбором из двух существующих словообразовательных моделей – сербской или хорватской (типичным примером является явное предпочтение суффикса *-ira-ti* суффиксу *-isa-ti* в глаголах типа *organizirati* – *organizovati*). Бошняцкие языковые пособия (в первую очередь орфографические и грамматические) ориентированы чаще всего на хорватский язык. В определенных случаях это настолько сильно проявляется, что некоторые видные бошняцкие языковеды начали говорить о чрезмерной кроатизации бошняцкого языка, которая нарушает «дух» бошняцкого языка.

окружением) позиции в отадъективных глаголах (хотя и окказиональных) свидетельствует в пользу второй из указанных выше интерпретаций отадъективных глаголов на *-ичать*: в них используется морф *-нича-*, совмещаемый с *н* в прилагательных типа *важничать* и заменяемый на *-ича-* (путем отсечения первой фонемы) в случаях типа *нагличать*.

В языке реализованы далеко не все возможности частеречной сочетаемости аффиксов. Например, префиксы градационного значения семантически совместимы с мотивирующим словом любой части речи. Однако эта совместимость узуально реализуется в русском языке лишь у префикса *раз-*: *разбидеть*, *раскрасавец*, *развеселый*. У других префиксов градационного значения она может быть реализована окказионально; ср., например, окказиональное расширение частеречной сочетаемости префикса *сверх-*, узуально представленного лишь в существительных и прилагательных: *Родители...гонятся за сверхдостатком...*, *а отпрыск, видя это, сверхнаглеет* (И. Месхи); *Нам пора уже уходить. Даже сверхпора* (устн. речь).

Прямые транспозиции глагол → имя действия и прилагательное → сущ. со значением признака, как известно, широко распространены в языке, чего нельзя сказать о членах транспозиционных пар наречие → сущ. Отнаречных транспозиционных существительных в узуальной русской лексике не имеется. Однако эта потенциальная клетка системы заполняется окказионализмами: *нынчесть* (В. Маяковский), *нарочность* (Литературная газета, 19 июня 1968 г.); наречия могут превращаться в окказиональные существительные в результате контекстной субстантивации: *Он научился обращаться с пульсирующим, ускользящим «теперь»* (Д. Гранин).

2. В данном докладе излагаются некоторые результаты описания префиксально-суффиксальных глаголов русского языка с использованием исчислительно-объяснительного метода. Описаны следующие разновидности теоретически исчисленных словообразовательных типов с точки зрения их реализованности / нереализованности узуальными / окказиональными словами: 1) типы, реализованные многочисленными узуальными и окказиональными словами; 2) типы, реализованные немногочисленными узуальными словами, но пополняемые многочисленными окказионализмами; 3) типы, реализованные единичными узуальными словами (непродуктивные типы); 4) типы, реализованные только окказиональными словами (эта группа довольно многочисленна); 5) типы, лексически не реализованные, но реализация их возможна; 6) типы, математически (с точки зрения количества единиц подсистемы) возможные, но по внутриязыковым причинам нереализуемые.

Выяснение причин реализации / нереализации математически исчисленных типов (заполнения / незаполнения тех

или иных клеток подсистемы) способствует раскрытию многих непознанных закономерностей системы языка (в данном случае словообразовательной).

3. Рассмотренный в докладе материал свидетельствует о существовании в словообразовательной системе многочисленных «лакун» (пустых клеток), соответствующих не отдельным словам, а более крупным единицам системы. Появление неологизмов и окказионализмов часто означает не только появление новой лексической единицы, но и нового аффикса, нового значения существующего аффикса, нового форманта и тем самым – нового словообразовательного типа.

Для изучения префиксально-суффиксального способа словообразования во многих случаях реально применение исчисления максимально возможного числа комбинаций изучаемых единиц. С увеличением числа словообразовательных средств исчисление становится менее реальным: количество потенциальных единиц возрастает, а степень их реализованности уменьшается.

Литература

Улханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. 2-е изд. М., 2008.

Словообразовательные подсистемы русского языка в ментально-культурном аспекте

В. Г. Фатхудинова

Казанский государственный университет (Казань, Россия)

Словообразовательный тип, гнездо, семантика, картина мира

Аннотация. В докладе представлены результаты исследования словообразовательной системы русского языка в контексте антропоцентрической парадигмы современной лингвистики. Комплексные единицы словообразования, по мнению автора, могут обладать определенным лингвокультурным содержанием, что определяет специфику русской языковой картины мира.

Словообразовательная структура слова воплощает в себе тот аспект языкового сознания, который связан как с процессами категоризации, так и отражением национально-культурной специфики языковой картины мира. В этой связи изучение языковых единиц в рамках антропоцентрической парадигмы, а именно в этнокультурном аспекте, невозможно без обращения к словообразовательному уровню языка.

Как известно, словообразовательная система русского языка интерпретируется как неконечное множество организуемых ее подсистем. В самом общем виде она представляет собой две пересекающиеся плоскости, две большие подсистемы. Все совокупности производных слов русского языка в зависимости от корневой или формантной общности делятся на две большие группы. Первую образует корневая соотносительность производных – это словообразовательные гнезда и образующие их элементы: словообразовательные парадигмы, цепочки и пары; вторая основана на формантной соотносительности – сюда относятся словообразовательные типы и категории.

Каждое производное слово, входящее в словообразовательное гнездо, обладает уникальным лексическим значением, из чего следует, что образования такого рода также уникальны и неповторимы не только в силу лексической семантики исходного слова, но и в силу индивидуального набора производных: ни одно словообразовательное гнездо не повторяет другого ни в семантическом, ни в структурном отношении. В нем фиксируется вся предшествующая языковая динамика, и в то же время оно является синхронным срезом семантического пространства языка.

Словообразовательный тип является прежде всего единицей классификации, неким обобщением групп производных на основе способа словообразования, форманта и деривационного значения. В нем общее словообразовательное значение превалирует над лексическими значениями дериватов, поскольку оно вычлняется на основе анализа однотипных словообразовательных пар. Таким образом, две подсистемы словообразования образуют разные по своим онтологическим свойствам комплексные единицы, каждая из которых позволяет наиболее полно охарактеризовать специфику языковых отношений внутри системы, а также способы объединения и классификации производных слов. Каким же образом проявляется в них национально-культурная специфика?

Производное слово как номинативный знак опосредованно фиксирует в себе представления и этнокультурные образы человека об окружающем его универсуме. Процесс восприятия и ментального отражения явлений действительности можно проследить на основе анализа внутренней формы номинативных единиц, входящих в одно словообразовательное гнездо. В его рамках выявляются наиболее значимые понятия и области реального мира, которые в первую очередь становились объектами номинации. Так, например,

всем известно, какую важную роль играет лес в жизни русского человека. Лес в языковом сознании русских может быть «живым» или «мертвым». Для номинации последнего в русском языке широко представлены дериваты с производящей основой *сухой*, внутренняя форма которых позволяет осмыслить номинативную единицу как одно из средств передачи ментального опыта этноса: *сушняк* – ‘засохшие деревья, кустарник, а также сухие сучья, ветки’; *сушина* – ‘засохшее дерево’; *сухостой*, *сухостойник* – ‘засохшие на корню деревья, кустарники’, *сухолом* – ‘сухие деревья, хворост’; *сушь* – ‘2. сухие ветки, сучья’. Наличие такого количества производных говорит об актуальности данного понятия для русского языкового сознания: сухое дерево используется как топливо и тем самым обеспечивает жизнедеятельность человека. По словам Т. И. Вендиной, словообразование открывает широкие возможности для концептуальной интерпретации действительности, оно позволяет понять, какие элементы внеязыковой действительности и как словообразовательно маркируются, почему они удерживаются сознанием, ибо уже сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка [Вендина 1999: 9].

В рамках словообразовательного гнезда с исходным словом *сухой* можно выявить и другие обозначения специфических для русского народа реалий и понятий разного уровня абстракции. Прежде всего это номинации с фразеологизированным типом словообразовательной семантики: например, существительные *сухарь* – ‘высушенный кусок хлеба’ (ср. результат его дальнейшей семантической деривации – ‘сухой, неотзывчивый, эгоистичный человек’); *сухомытка* – ‘сухая еда без чего-л. горячего или жидкого’; *суховей* – ‘сухой горячий ветер’; *сухогруз* – ‘судно, предназначенное для перевозки сухих (насыпных или штучных) грузов’. Прилагательные, характеризующие внешность человека, также обладают этнокультурным компонентом значения: *сухопарый*, *сухощавый*, *сухотелый*, *сухонький* – о худом человеке. Таким образом, изучение внутренней формы деривата на фоне его «родственников» и сопровождающих его коннотаций помогает выявить средства ретрансляции жизненного и культурного опыта народа.

Этнокультурная специфика словообразовательного типа может быть обусловлена идиоэтническим характером его словообразовательного значения. Так, процесс лексикализации субъективно-оценочных категорий в русском языке, по сравнению с другими языками, происходит гораздо интенсивнее, о чем, например, свидетельствует довольно обширная группа отсубстантивных производных с субъективно-оценочным значением – уменьшительным, уменьшительно-ласкательным, ласкательным, уменьшительно-уничтожительным и увеличительным, для выражения которых в русском языке используется разнообразный арсенал

суффиксов: *зеркальце, носик, горка, окошечко, хлебец, шубенка, юбочка, ноченька, месячишко, коровушка, домище, грядица*. В отагдъективной деривации в некоторых словообразовательных типах транспозиционное значение может быть совмещено с модификационным (субъективно-оценочным) – таковыми являются существительные, называющие признак как отрицательно оцениваемое явление: *банальщина, безалаберщина, уголовица, официальщина, нелепица, несурзаца*.

Доминирующие морфонологические модели в системе современного украинского словообразования

М. Ю. Федурко

Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко (Дрогобыч, Украина)

Морфонологическая модель, чередование, усечение, наращивание

Аннотация. Статья посвящена анализу тех морфонологических моделей, которые наиболее активны в системе современного украинского словообразования.

Изменения внешнего облика морфем – важная составная словоизменительных и словообразовательных процессов во всех славянских языках. Признание факта варибельности морфем стимулировало поиск и обоснование лингвистического понятия, которое бы надлежащим образом отражало все виды трансформаций в их составе – в этом убеждают труды морфологов разных лингвистических школ и направлений (Г. Улашина, Н. С. Трубецкого, Д. Ворта, Г. Аронсона, Э. Станкевича, В. У. Дресслера, Р. Ляковского, К. Ковалик, А. А. Реформатского, В. Б. Касевича, Е. С. Кубряковой, Т. В. Бульгиной, Т. В. Поповой, В. Г. Чургановой, С. М. Толстой, В. А. Горпинича, В. Руснак и мн. др). Изучение морфонологических характеристик дериватов отсустантивных словообразовательных гнезд [Федурко 2003: 271] позволяет сделать вывод о соответствии этому требованию понятия морфонологической модели (далее ММ) благодаря ее стационарно-процессуальному характеру: ММ – это и статическая единица описания, непосредственно отражающая языковую данность, и аналог правил преобразования морфов одной морфемы в составе определенной словоизменительной / словообразовательной парадигмы [Кубрякова, Панкрац 1983: 103]. Это в свою очередь подтверждает взаимосвязь проблем морфонологического и грамматического (морфонологического или словообразовательного) моделирования.

В квалификации и дифференциации ММ актуально учитывать признаки качественного и количественного порядка. По первому признаку различаем ММ консонантных (С / С', типа с подтипами Т / Т', Т / Ї, Т / Ї, К / Ї, R / R', P / P', P / P' и типа С' / С), вокалических (О / О, О / Ø, Ø / О), акцентных чередований, ММ усечения и наращивания морфем; а по второму – элементарные и неэлементарные ММ. Неэлементарные ММ образуются путем различных комбинаций двух или более трансформаций.

ММ различаются между собой не только по набору морфонологических преобразований, но и такими важными характеристиками языковых феноменов, как регулярность, продуктивность, активность. Регулярность ММ проявляется в прогнозируемости и повторяемости морфонологических изменений: особенности морфонологической структуры производящей основы и словообразовательного аффикса прогнозируют морфонологическую структуру дериватов, а морфонологическое тождество соответствующих классов морфем обеспечивает многократное использование определенной ММ. Продуктивность ММ – это результативность ее использования теми словообразовательными структурами, которые формально готовы к ее применению, а активность – это ее безусловность в процессах образования новых единиц словаря.

Данные современных неологических словарей [Нелюба 2004]; [Нелюба, Нелюба 2007] позволяют утверждать, что современное словопроизводство активно использует те морфонологические модели, которые в системе украинского языка регулярны и продуктивны. К ним принадлежит модель с чередованием ударения типа «Ас» (*мова – мовізи*,

В целом можно констатировать, что словообразовательные гнезда и типы, несмотря на их классифицирующий характер, являются культурологически маркированными единицами и играют важную роль в формировании языковой картины мира русского народа.

Литература

Вендина Т. И. Словообразование как способ дискретизации универсума // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 27–49.

вібори – виборізи, Дзюба – дзюбізм, Кравчук – кравчукіст, центр – центріст, мітинг – мітингіст, берегти – березун, веселій – веселуха, міністр – мініструвати, метр – метреса, «Джинс» – джинсіст, жлоб – жлобуватий, спікер – спікеріада, Гоголь – гоголіана), ибо каждый из исконных или заимствованных суффиксов указанных словообразовательных пар принадлежит к классу аутоакцентных единиц. Отмечены также образования с перемещением ударения в пределах производящей основы, если она взаимодействует с суффиксами преакцентного типа – ММ «Ам» (*блэзень – блазэнія, глобалізація – глобалізаційний*), и на флексию, когда суффикс постацентный – ММ «Аф» (*бомж – бомженя, дойч'німець' – дойченя*).

Из сегментных альтернативных моделей самый активный подтип – «К / Ї» (*напівкрік – напівкрічок, наївняк – наївнячок, кабінет – закабінечуватися*), используются также элементарные ММ с усечением (*демократія[ja] – демократіти, боді-білдінг – бодібілдер, ганчірка – зганчіритися, зварганити – зварганеніи, маршрутка – маршрутник, епітафія[ja] – віденітафіти*) и наращиванием морфем – основных («Но»: *кінó – кінóиник*) и суффиксальных («Нс»: *аксесуар – аксесуарчик, бензін – бензінчик, бізнесмен – бізнесменчик*, ср. с *клієнт – клієнтик, звіт – звітик*).

Часто в процессы порождения новых единиц включаются две или более морфонологические операции. В анализируемом материале зафиксировано участие таких ММ: «Нс + Т / Т'» (*вундеркінд – вундеркіндівський, Меджліс – меджлісівець, МАУП – маупівець, Інтер – інтерівець, Грінліс – грінлісівець, МакДональдс – макдональдсівський*), «С' / С + Аф» (*король – короленя, вождь – вожденя*), «С' / С + Ас» (*вождь – вождиха*), «О / Ø + Ас» (*Барвінок – барвінкувати*), «Но + Ас» (*табу – табу[јува́ти]*), «С' / Ї + Ас» (*віборець – виборчіня*), «Нс + Ас» (*гібрид – гібридизація, мемуари – мемуаризувати, Європа – европе[ј]іст, геноцид – геноцидарний*), «К / Ї + Ас» (*бог – божізм*), «Уо + Ас» (*вето – ветувати*), «Уо + С' / С» (*графіті – графітник, регіональний – регіонал, гібридизація[ja] – гібридизатор*), «Уо + Ас» (*буквальный – буквалист, благополуччя – благополучізм*), «Уо + Т / Т' + Ас» (*куртка – куртяк, мерседес – мерсіджа*), «Уо + Нс + Ас» (*лірика – ліризація, голографія[ja] – голографізувати*), «Уо + С' / С + Нс + Ас» (*ірландизація, СНД (есенде) – есендівський*), «Уо + Но + Ам» (*мас-медіа – мас-медійник*).

Весь приведенный материал подтверждает значимость морфонологических трансформаций в системе современного украинского словообразования.

Литература

Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Г. Морфонология в описании языков. М., 1983.

Нелюба Анатолій. Лексико-словотвірні інновації (1983–2003). Словник. Харків, 2004.

Нелюба Анатолій, Нелюба Сергій. Лексико-словотвірні інновації (2004–2006). Словник. Харків, 2007.

Федурко М. Морфонологія відмінникового словотворення. Київ: Дрогобыч, 2003.

Русское модификационное словообразование: семантика, системность, функции

В. В. Химик

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Модификация, дериват, экспрессия, субъективная оценка, уменьшительность, усиление, интенсивность

Аннотация. В сфере так называемого модификационного словообразования выделяется особый тип дериватов, преобразующих слово на основе изменения размерности, интенсивности, экспрессивности семантики. Преобразования такого рода носят системный характер, отличаются высокой продуктивностью и обладают определенными коммуникативными функциями.

1. Так называемое модификационное словообразование объединяет два принципиально разных типа дериватов: логические и эмоционально-экспрессивные. *Логические* дериваты подразумевают существенное изменение сигнификативного содержания производящего слова по понятийно-логическому основанию, напр., по полу (*дворник* → *дворничиха*), взрослости (*татарин* → *татарчонок*), признаку подобия (*корона* → *коронка*), подчинения (*мастер* → *подмастерье*), собирательности (*мужик* → *мужичьё*), единичности (*жемчуг* → *жемчужина*), противоположности (*человечный* → *бесчеловечный*, *гуманно* → *антигуманно*). При всем сходстве двух единиц, это отчетливо разные слова, с разными лексическими значениями, хотя и выражаемыми одной частью речи. Различие часто поддерживается грамматическим расхождением исходного слова и деривата, напр., формами рода, ср.: *змея* → *змеёныш*, *аппарат* → *аппаратура*, *дым* → *дымка* и т. п.

2. Другой тип модификационных дериватов – *эмоционально-экспрессивные* преобразования, которые не изменяют сигнификативное содержание исходной лексической единицы, а преобразуют его в плане интенсивности, экспрессивности и обязательной коллоквиальности. При таком изменении производное слово сохраняет не только частеречную принадлежность, но и, за редким исключением, исходную грамматическую форму: род (*письмо* → *письмечко*), число (*щипцы* → *щипчики*), вид (*нажать* → *принажать*). Модификационные преобразования такого рода обычно называют субъективно-оценочными или стилистическими. Обозначения условные и не вполне точные, поскольку стилистически окрашенными являются многие модификационные дериваты, а субъективно-оценочные – в подавляющем большинстве. А с другой стороны, слова так называемой стилистической модификации тоже, как правило, отличаются субъективно-оценочной окрашенностью (*пёс* → *псица*, *компания* → *компашица*).

3. Основу всех эмоционально-экспрессивных преобразований слов составляет общее представление о возможности *размерных* оценок предметов, о выражении *количественной меры* признаков или *интенсивности* процессов, которые в производном слове могут быть уменьшены или увеличены, ослаблены или усилены, ср.: *дом* → *домишко*, *домище*; *тёплый* → *тепловатый*, *тёпленый*, *теплуций*. Уменьшение или увеличение часто приобретает условный, переносный характер: *суп* → *супец*; *актёр* → *актёршица*; *отстать* → *приотстать*. Как правило, уменьшение размера объекта или ослабление и смягчение интенсивности признака связано с выражением положительной оценки (*нога* → *ножка*; *жёлтый* → *жёлтенький*), и, напротив, размерное увеличение, усиление интенсивности часто связывается с выражением отрицательной оценки (*нога* → *ножища*; *седой* → *седуций*). Однако так бывает не всегда: уменьшительность может порождать и негативные преобразования исходного слова (*ум* → *умишко*; *богатый* → *богатенький*), а увеличение и усиление, напротив, положительные (*книга* → *книжища*). Характер оценки во многих подобных случаях определяется особенностями значения исходного слова: положительное при увеличении «улучшается» (*сила* → *силища*, *ум* → *умище*), а при уменьшении «ухудшается» (*сила* → *силёнка*, *ум* → *умишко*).

4. Эмоционально-экспрессивные преобразования слов имеют *системный характер*: все размерно-параметрические, экспрессивно-стилистические дериваты представляют собой частные модификационные *парадигмы* разного объема: от двучленных (*азбука* → *азбучка*; *желание* → *желаньице*), трехчленных (*день* → *денёк* → *денёчек*) до многочисленных, включающих иногда более десятка производных. Многочисленность производных оценочных модификаций достигает в ряде случаев уровня избыточности, особенно

это касается некоторых личных имен собственных (до 60 дериватов). Другая особенность системы модификационных лексико-семантических парадигм – своеобразные синонимические и антонимические связи внутри подсистем, так, *дождик*, *дождичек*, *дождишко* можно рассматривать как модусные синонимы, а *дождик*, *дождичек* по отношению к *дождина*, *дождище* – как модусные антонимы.

5. Эмоционально-экспрессивные преобразования – *продуктивная* и *развивающаяся* система, которая постоянно пополняется новыми парадигмами нормативной и сниженной субстандартной речи. Абсолютно преобладает морфологическое суффиксальное словообразование: у существительных и прилагательных встречается более 10, с вариантами, суффиксов уменьшительных (-к- / -ик / -ок, -чик / -чек / -щик, -еньк- / -оньк-, -ец / -иц-, -ечк- / -очк-, -еват- / -оват- и др.) и более 20 увеличительных (-уц- / -юц- / -иц- / -яц-, -аг- / -яг-, -ак- / -як-, -ан / -лан / -ган / -фан, -арь-, -ах- / -ях-, -ох- / -ёх-, -ух- / -юх- и т. п.). В глагольных словах часто используются суффиксальные и постфиксальные средства оценочной модификации: *стукнуть* → *стукануть*, *стучать* → *стучаться*. Префиксальное оценочно-параметрическое словообразование распространено прежде всего среди прилагательных и наречий: *развеселый*, *преглупо*, *наистрашнейший*, *сверхумный*, *супербыстро* и т. п., но возможно также у существительных и глаголов: *сверхоружие*, *суперагрегат*, *подзаработать*, *принажать*. Довольно часто в субъективно-оценочной функции используется способ экспрессивной редупликации: *быстро-быстро*, *едва-едва*, *еду-еду*. Иногда это редупликация элементов основ слов, которая используется для экспрессивного усиления семантики исходного слова: *бахнуть* → *бабахнуть*, *трахнуть* → *тарарахнуть*. Широко распространено в русской речи и смешение разных способов оценочной модификации: префиксация с суффиксацией: *расхорошенький*, *наисильнейший*; редупликация с префиксацией: *веселый-развеселый*, *добрый-предобрый*; редупликация с суффиксацией: *баю-бай* → *баю-баюшки-баю*.

6. К системе экспрессивной модификации тяготеет такое продуктивное явление современной разговорной и жаргонизированной речи, как *универбация*: *международка*, *заочка*, *пищевка*, *молодёжка*, *нобелевка* и т. п. Подобные новообразования – следствие речевой тенденции к экономии средств выражения и при этом явления экспрессивно-стилистической модификации производящих атрибутивных словосочетаний: *международные отношения* → *международка*; *заочное обучение* → *заочка*; *пищевая промышленность* → *пищёвка*; *платёжный документ* → *платёжка*. Большинство таких образований отличается множественной мотивацией, ср.: *молодёжка* ← *молодёжная команда*, *газета*, *редакция* и т. п. В каждом случае дериват сохраняет исходное сигнификативное содержание производящего словосочетания, но окрашивает его посредством суффикса -к- экспрессией динамичности и стилистического снижения, вплоть до вульгарности.

7. Наиболее интересный и перспективный аспект модификационных преобразований – *функциональный потенциал* и *типология употребления* эмоционально-экспрессивных дериватов в высказывании и целом тексте, где такие преобразования приобретают синтезированный оценочный характер: прагматический, субъективно-модальный, стилистический. В русской речевой культуре можно выделить несколько функциональных механизмов употребления таких единиц, каждый из которых реализует собой соответствующий мотив коммуникации и культурной традиции: использование диминутивных и аугментативных образований в детской речи или речи для детей, профессиональные диминутивы, образование социально-групповых (жаргонных) дериватов, а также наиболее распространенный – креативный мотив использования стилистически окрашенных модификационных дериватов в художественной и обиходной речи.

Универбация в сербском языке на фоне омонимии

Б. Чорич

Белградский университет (Белград, Сербия)

Хомонимија, универб, универбизација, српски језик

Аннотация. Универбация становится в разговорном стиле современного сербского языка очень продуктивным способом словообразования. При помощи его создаются целые серии неологизмов, вступающих очень часто в сложные внутренние и внешние омонимические отношения (например, *специјалка*¹ ← специјална изложба, *специјалка*² ← специјална вештина, *специјалка*³ ← специјална емисија...: *специјалка* ← жена специјалац; *Панчевац*¹ ← Панчевачки мост; *Панчевац*² ← становник Панчева и т. п.).

Среди различных типов омонимии в лингвистической литературе упоминается и словообразовательная омонимия, причем явно наблюдается различное толкование этого феномена (одни понимают ее более узко, другие более широко). В некоторых трудах приводится даже и типология словообразовательной омонимии [Тихонов 1985]. В общем, можно говорить о том, что словообразование, в частности универбация, является важнейшим источником омонимичных лексических единиц (дериват как продукт словообразования появляется в форме лексических омонимов). Об универбации, характерной для разговорного функционального стиля, в сербистике начали писать лишь в конце прошлого столетия, под влиянием дискуссий в других славистических средах, в которых это явление уже было предметом научных исследований (русистика, богемистика, полонистика). Оказалось, что и сербский язык обладает целым рядом словообразовательных типов, на основе которых порождаются универбальные конструкции. Более старая лексикографическая литература их почти не регистрирует, но в новейшем однотомном словаре сербского языка их довольно много. Рядом с некоторыми из них стоит помета *разг.*, в рядом с другими она отсутствует: такая неупорядоченность свидетельствует о различном толковании лексических единиц такого типа. Универбы вносились в словарь в статусе многозначного слова, а не омонима, хотя другой подход, на наш взгляд, является в большинстве случаев более оправданным. В процессе работы над словарем и после его выхода из печати в языке появились новые универбы, которых, конечно, нет в словаре, и которые в докладе рассматриваются как единицы, омонимичные единицам в однотомном словаре сербского языка. Данную картину иллюстрируют следующие примеры (в скобках находятся «свежие» универбы).

1. **Швајцарац** -рца м. *припадник народа који живи у Швајцарској, становник Швајцарске; швајцарац*, -рца, м. *швајцарски франак*.
[Оказионализам: *швајцарац* ← швајцарски нож; швајцарски пас].
2. **масовка** (масовка) ж. рус. *позоришна или филмска сцена у којој учествује велики број лица, масовна сцена*.
[Оказионализам: *масовка* ← масовна туча, *масовка* ← масовна гробница и сл.].

3. **машинац** -нца м. разг. 1. машиниста, стројар; онај који је запослен, који ради у машинској индустрији, машиноградњи. 2. студент машинског факултета; машински инжењер.
[Оказионализам: *машинац* ← машински језик].
4. **нуклеарка** ж. (ген. мн. -ки) централа на нуклеарни погон.
[Оказионализам: *нуклеарка* ← нуклеарна подморница].
5. **персоналац** -лица м. службеник, референт који се бави административним пословима у вези са запосленим особљем, запошљавањем.
[Оказионализам: *персоналац* ← персонални компјутер].
6. **саобраћајка** ж. 1. разг. саобраћајна несрећа. 2. жена саобраћајца.
7. **генералка** ж. 1. разг. генерална, потпуна поправка (обично аутомобила, односно аутомобилског мотора). 2. в. генерална карта.
[Оказионализамы: *генералка* ← генерална проба (позориште, спорт...); *генералка* ← генерално чишћење (историја: у кући, војсци); *генералка* ← генерална реформа (у образовању, школству и сл.)].

За рамками однотомного словаря остались, конечно, многие универбы, имеющие омонимичные пары типа: *Панчевац* ← житель Панчева / Панчевац ← Панчевачки мост; *половњак* ← половни аутомобил / *половњак* ← половини бицикл; *јавњак* ← јавна кућа / *јавњак* ← јавни тоалет; *хавајка* ← хавајска гитара / *хавајка* ← хавајска кошуља / *хавајка* ← хавајска фотельа...; *анонимка* ← анонимна достава (порука, писмо) / *анонимка* ← анонимна особа.

Учитывая широту универбальной омонимии, можно условно различать внутреннюю и внешнюю омонимию: первая касается омонимии в рамках универбации (*специјалка* ← специјална емисија / специјалка ← специјална изложба / специјалка ← специјална способност / специјалка ← специјални бицикл, специјалка ← специјална пљескавица), вторая же относится к омонимии универбального деривата и к другому словообразовательному типу (напр., все приведенные здесь образования и *специјалка* = жена специјалац).

Литература

Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. М., 1985.

Internacionalizační tendence a typ češtiny

(Тенденции интернационализации и типологические черты чешского языка)

I. Bozděchová / И. Боздыхова

Karlova univerzita v Praze, Filozofická fakulta (Praha, Česká republika)

Лексика, словообразование, интернационализация, адаптация, типология, номинация

Аннотация. Современное развитие литературных языков отличается всеобщей тенденцией к интернационализации словарного состава, наблюдаются динамические процессы в области номинации, а также адаптационные изменения, затрагивающие типологию языка. Доклад иллюстрирует наиболее выразительные динамические словообразовательные типы (модели) интернационализмов в чешском языке. Одновременно особое внимание уделяется сложным словам и аббревиатурам.

1) Současný vývoj spisovných jazyků a všeobecná tendence k internacionalizaci slovní zásoby.

Internationalizace jako vliv jedné skupiny jazyků na jiné (srov. [Waszakowa 2005]), představuje v současných spisovných jazycích výrazný podnět k pohybu v oblasti pojmenování (viz např. nárůst kompozičního tvoření a hybridnosti slovní zásoby). V kontextu syntaktických, slovtvorných, příp. pravopisných inovací ji příspěvek ilustruje na charakteristických slovtvorných typech internacionalismů (především z angličtiny) v současné češtině.

2) Vzájemná souvislost mezi typologií jazyka a jeho otevřeností vůči cizím vlivům, posilování nedominantních typologických rysů v jazyce.

Systémové tendence představující základ typologických změn jsou v současných slovanských jazycích rozvíjeny pronikáním typologicky cizích, zejména anglo-amerických prvků. V rovině lexikální a slovtvorné jsou dokladem těchto systémově-typologických procesů zejména analytické pojmenovací konstrukce, u flexivního jazyka zvyšující jeho aglutinačnost a analytičnost. Tyto konstrukce se tedy jeví jako výhodný materiál k analýze faktorů ovlivňujících současné internacionalizační a inovační procesy. Zaměření příspěvku na pojmenování z odborné oblasti dokládá fakt, že analytičnost podporuje významovou přesnost vyjádření a může sloužit (např. při přejímání cizích pojmenování) k odstraňování mnohoznačnosti. Exponování odborných názvů (včetně profesionalismů) je i

výrazem expanze jejich užívání nejen v odborné sféře, ale také v publicistice, ekonomii nebo politice.

3) Procesy a pojetí adaptace cizích prvků v češtině.

Typologická odlišnost (zdrojové) angličtiny a (přejímající) češtiny (její vysoká flektivnost a slovtvorná produktivnost) znesnadňuje adaptaci anglicismů v češtině. Jde skutečně o adaptační procesy, nebo spíše o upravování, pozměňování cizích prvků? Pro orientaci příspěvek poskytuje stručný přehled některých pojetí základních lingvistických pojmů a korespondujících termínů (*adaptace, anglicismy, xenismy, hybridní tvoření, citátová slova* apod.).

4) Typologie a změny v pojetí a rozsahu českého slova a flexe (derivace, deklinace).

Adaptační změny při přejímání cizích prvků mohou zasahovat typologii češtiny (viz jejich projevy ve flexi, příp. derivaci nebo v tendenci k posilování rysů charakteristických pro analytické jazyky). Materiálová dokumentace nových a výrazných typů takových pojmenování ze současné české komunikace se zaměřením na odbornou (viz např. *corticotropin-releasing hormon, koaguláza-negativní stafylokoky, biozátěž, H-RS buňky, H⁺/K⁺ ATPáza*) je doplněna přehledem a posouzením rozrůzněných a nejednotné lingvistické terminologie (názyv motivované formálně i funkčně) užívané při jejich označování a vymezování, srov. např. *sdrúžená analytická pojmenování, pojmenování s nezapojeným členem na prvním místě složenin, izafet, anomální kombinace internacionálních a domácích prvků, pojmenování s morfologicky neztvárněným jménem (adjektivem) nebo jeho zkratkou v antepozici k determinovanému substantivu, pojmenovací útvary se slovem v úloze určovaného členu a morfologicky neztvárněným, nevyhraněným výrazem («kvazislovem»), pojmenování s neshodným přívlastkem (různé morfologické povahy) nebo akronymem v postavení před rozvíjeným substantivem, víceslovná pojmenování se zkratkou, kolokace se zkratkou, iniciálová, příp. značková abreviační kompozita* aj.

5) Internacionalizace slovní zásoby a konfrontační slovtvorba.

Projevy internacionalizace v současných slovanských jazycích naznačují vytváření korelačních přejatých sémantických i

slovtvorných systémů. Prospěšné bude nadále porovnávat např. profilování nových slovtvorných (i nelexikálních) komponentů, analogičnost tvoření a sílu existujících modelů, derivační potenciál cizích slov, značkovost abreviatur a jejich funkčnost apod.

Literatura

- Bozděchová I.* Vliv angličtiny na češtinu // Český jazyk na přelomu tisíciletí. Praha, 1997. S. 271–279.
- Daneš F.* Faktor Rh / Rh-faktor / Rh faktor // Naše řeč. 68. 1985. S. 176–182.
- Daneš F.* Xenizmy v dnešní češtině // Čeština – univerzália a specifiká. 4. Praha, 2002. S. 29–35.
- Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. a kol.* Dynamika slovej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava, 1989.
- Internacionalizmy v nové slovní zásobě // Sborník příspěvků z konference Praha, 16.–18. června 2003. Praha, 2003. S. 64–73.
- Karlík P., Nekula M., Pleskalová J. (eds.)*. Encyklopedický slovník češtiny. Brno, 2002.
- Lotko E.* O některých vývojových tendencích v současné slovní zásobě a jejich příčinách (na materiálu češtiny, slovenštiny a polštiny) // Slovanské studie. Studia Slavica V. Ostrava, 2002. S. 7–23.
- Martincová O.* K popisu dynamiky slovtvorného systému // Rozumět jazyku. Sborník PFUK. Praha, 1995. S. 38–42.
- Mitter P.* Složená hybridní substantiva s prvním komponentem cizího původu v současné češtině. Acta Universitatis Purkynianae. 95. Ústí n. L., 2003.
- Mitter P.* Kompozice v kontextu současné češtiny. Acta Universitatis Purkynianae. 127. Ústí n. L., 2006.
- Mravinacová J.* K problematice neosemantizmů internacionální povahy // Varia XI. Zborník materiálov z XI. kolokvia mladých jazykovedcov (Spišská Nová Ves 28.–30.11.2001). Bratislava, 2004. S. 18–21.
- Rusínová Z.* Slovtvorná adaptace přejatých slov a její povaha. Čeština doma a ve světě. 10. 2002. S. 311–322.
- Waszakowa K.* Przejawy tendencji do internacionalizacji w systemach slowotwórczych języków zachodnioslowianskich // Ohnheiser I. Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków slowianskich. 1. Slowotwórstwo / Nominacja. Universitat Innsbruck – Uniwersytet Opolski. Opole, 2003. S. 78–102.
- Waszakowa K.* Przejawy internacionalizacji w slowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005.

Лексические инновации, вызванные грамматическими, структурными и прагматическими факторами (на материале префиксальных глаголов)

N. Janočková

Институт языкознания имени Людовита Штура Словацкой Академии наук (Братислава, Словацкая Республика)

Префиксальные глаголы, словообразовательная мотивированность, глагольный вид, неосемантизмы, прагматика

Аннотация. В докладе рассматривается мотивированность словообразования (новых) префиксальных глаголов: новый перфектив образуется от двувидовых глаголов (слов. *fixovať* – *zafixovať*, рус. *фиксировать* – *зафиксировать*) или происходит семантическая переоценка уже существующих лексем (слов. *presoliť polievku / volebnú kampan*, рус. *пересоливать суп / избирательную кампанию*). Анализ материала основан на четырех основных функциях словообразовательной мотивированности (по Ю. Фурдику): функции систематизации, интеграции, конденсации и адаптации.

Obohacovanie lexikálnej zásoby jazyka zahŕňa okrem kvantitatívneho nárastu nominálnych jednotiek (slovtvorba, prevzatia z iných jazykov a pod.) aj kvalitatívne prehodnocovanie existujúcej materiálovej bázy, t. j. sémantickú reštruktúraciu, readaptáciu a prevrstvovanie jednotiek, alebo nové možnosti vznikajú v syntaktickej spájateľnosti lexém, napr. *napáliť hudbu na cédečko (CD)*.

V podsystéme prefixálnych slovies sa táto dynamika prejavuje narastaním počtu slovies, ktoré priberajú rôzne predpony. Keďže predponové slovesá vnímame ako slovtvorne motivované jednotky a slovtvorná motivácia je «yhbnou silou lexikálnej dynamiky» [Furdík 1984: 144], ide v tomto prípade o rozširovanie pomenovacích a komunikačných možností hlavne z interných zdrojov jazyka (intraverbálna slovtvorba).

Prefixácia patrí k frekventovaným neologizačným slovtvorným postupom pri slovesách. Na základe existujúcich slovtvorných typov sa rozširujú modifikácie v rámci spôsobu slovesného deja o ďalšie jednotky, napr. obohacuje sa rezultatívnosť či definitívna realizácia deja (*odčiarknuť posledný odsek zákona, odignorovať všetky koncerty*). Prostredníctvom systémovo korektnej slovtvornej štruktúry majú k neologizmom blízko potenciálne slová, ktoré sú možnosťou vzniku rečového faktu zadanou jazykovým systémom [Chanpira 1972], napr. slovesá s významom «dôkladné vykonanie deja» (*dom prevoňaný ihličím*).

Na prefixálnych slovesách ako slovtvorne motivovaných jednotkách možno pozorovať štyri základné funkcie slovtvornej motivácie, ktoré vyčlenil J. Furdík [Furdík 1984: 144–149]; [Furdík 2004: 117–122]; tiež aj in: [Horecký, Buzássyová, Bosák a kol. 1989: 28–36], a to systemizačnú, integračnú, kondenzačnú a adaptačnú funkciu.

Systemizačná funkcia sa prejavuje v kategorizácii nových slovies do slovtvorných typov prostredníctvom slovtvorných formantov (*odtabuizovať, oddémonizovať, oddramatizovať*), slovesá slovtvornými základmi vytvárajú vidovo-slovtvorné hniezda (*dramatizovať* → *oddramatizovať* → *oddramatizúvať; dramatizovať* → *zdramatizovať*) a celkovo spadajú do konkrétnych typov onomaziologických kategórií, napr. do modifikačnej kategórie deverbatív – perfektivizácie – temporálnosti (*odtabuizovať*).

Integračná funkcia pri prefixálnych slovesách súvisí s ich zapájaním do systému lexikálnej zásoby na paradigmatickej osi (vzťahy synonymie, homonymie, antonymie, hyperonymie, hyponymie, kohyponymie a pod.) aj syntagmatickej osi (formálno-sémantická kolokabilita jednotky), čím sa vytvára mnohodoménová sieť vzťahov v lexike.

Význam prefixálnych slovies možno slovtvorne rozložiť pomocou slovtvornej parafrázy, napr. *doblokováť* «dodatočne nablokováť». Medzi prefixálnou jednotkou a slovtvornou parafrázou ako lingvistickou procedúrou sa tým vytvorí istý typ

ekvivalencie. Vo vzťahu k slovtvornej parafráze sa aktivuje **kondenzačná funkcia** slovtvornej motivácie. Analogický prípad kondenzácie predstavujú multiverbizované spojenia a ich jednoslovné ekvivalenty typu *dať signál = signalizovať, byť na osoh = osožiť*, hoci, samozrejme, nie všetky multiverbizované spojenia majú svoj jednoslovný ekvivalent.

V slovenčine sa dlhší čas ukazuje tendencia prefixáciou zdokonavovať obojvidové slovesá hlavne cudzieho pôvodu (*fixovať – zafixovať, publikovať – opublikovať*; podobne aj v češtine: *konfigurovať – nakonfigurovať*, a poľštine: *klonować – s-/wyklonować*; porov. [Waszakowa 2003: 79–80]). Vplyvom tohto gramatického činiteľa sa prefixácia zúčastňuje na rozčlenení vonkajšej formy lexémy. Formálna rozčlenenosť pomáha naznačiť, zvýrazniť obsah, v danom prípade všeobecný význam perfektívnosti deja. V tomto procese vidíme **adaptačnú funkciu** slovtvornej motivácie, pretože zdokonavujúci prefix pomáha začleniť dané jednotky do formálno-aspektuálnej paradigmy domáceho jazykového systému a odstraňuje tak jeden typ asymetrického dualizmu: jedna forma – dva významy [Buzássyová 2003]. Na perfektivizáciu obojvidových sloves sa zväčša využívajú desematizované prefixy, aby čo najmenej narušili sémantiku slovesa, resp. subsumpčné prefixy [Poldauf 1954, 1956]; [Kopečný 1962], ktoré sémanticky korelujú so základovým slovesom. Často sa aplikuje analógia s domácim synonymom, napr. *devastovať – zdevastovať* podľa *ničiť – zničiť*.

Pod lexikálnymi inováciami vyvolanými štruktúrnymi faktormi rozumieme rozširovanie významovej štruktúry sloves – vznik neosémantizmov, napr. *filtrovať* okrem významu «oddeľovať tuhé látky z kvapalín al. plynov; zadržiavať niektorú zložku zmesi al. nečistotu filtrom; prečisťovať niečo filtrom» (*filtrovať olej, filtrovaná káva*) má aj význam – publicizmus: «selektívne vyberať a tým skresľovať» (*filtrovať údaje, dostávať filtrované správy*) (podľa [Slovníka... A–G 2006: 976]).

So štruktúrnou zmenou jednotky súvisí lexikalizácia metaforických významov, ktorá je prepojená aj s pragmatickým hodnotením skutočnosti na osi kladné – záporné. Metaforizácia významu vyplýva z ekvivalencie medzi konkrétnym a abstraktným, zvieracím a ľudským (*vyhmatať zdureninu na tele – vyhmatať niečie slabosti, privoňať k vrecúšku s bylinkami – privoňať k modelingu*). Prípad hodnotíme ako fiktívnu ekvi-

valenciu (podľa [Dolníka 1999]), ktorej podstata spočíva v tom, že k entite sa pristupuje na podklade fikcie, akoby patrila do triedy, do ktorej nepatrí ani reálne a nevčleňuje sa do nej ani imaginárne. Fiktívna ekvivalencia sa navrstvuje na ontologickú ekvivalenciu a umožňuje nepravé rozšírenie extenzie jestvujúceho výrazu. V prípade prefixálnych sloves môžeme uvažovať o rozšírení slovtvorného formantu – prefixu, napr. *vyhmatať zdureninu na tele – vyhmatať niečie slabosti* (mentálna činnosť pri istom stupni abstrakcie je ekvivalentná fyzickej činnosti). Ontologická ekvivalencia predstavuje základný typ ekvivalencie. Ide pri nej o triedu prvkov, ktoré sú spojené relevantnými zhodnými vlastnosťami, entity sú teda medzi sebou ekvivalentné na základe danej vlastnosti. Schopnosť rozpoznať ekvivalenty vyplýva z našej abstrakčnej schopnosti pri poznávaní.

Literatúra

- Ханнира Е. И. Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования / Ред. В. Д. Левин. М., 1972. С. 245–317.
- Buzássyová K. Tendencia k nacionalizácii v českom a slovenskom tvorení slov // Ohnheiser I. (red.). Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo Nominacja. Opole, 2003. S. 152–159.
- Dolník J., Bajzíkova E., Mlacek J., Tomajková E., Žigo P. Princípy stavby, vývinu a fungovania slovenčiny. Bratislava, 1999.
- Furdík J. Slovtvorba – hybná sila lexikálnej dynamiky // Kačala J. (red.). Obsah a forma v slovnej zásobe. Materiály z vedeckej konferencie o výskume a opise slovnej zásoby slovenčiny (Smolenice 1.–4. marca 1983). Bratislava, 1984. S. 144–150.
- Furdík J. Slovenská slovtvorba. (Teória, opis, cvičenia) / Ed. M. Ološtiak. Prešov, 2004.
- Horecký J., Buzássyová K., Bosák J. (a kol.). Dynamika slovnej zásoby súčasnej slovenčiny. Bratislava, 1989.
- Kopečný F. Slovesný vid v češtině. Praha, 1962.
- Poldauf I. Spojování s předponami při tvoření dokonavých sloves v češtině // Slovo a slovesnost. 15. 1954. S. 49–65.
- Poldauf I. Ještě k prostě vidovým předponám v češtině // Slovo a slovesnost. 17. 1956. S. 169–172.
- Slovník súčasného slovenského jazyka A–G / Red. K. Buzássyová, A. Jarošová. Bratislava, 2006.
- Waszakowa K. Prejawy tendencji do internacjonalizacji w systemach słowotwórczych języków zachodniosłowiańskich // Komparacja współczesnych języków słowiańskich. Słowotwórstwo Nominacja / Red. I. Ohnheiser. Opole, 2003. S. 78–102.

Słowotwórstwo na zajęciach z dialektologii polskiej

I. Jaros

Uniwersytet Łódzki (Łódź, Polska)

Диалектология, словообразование

Аннотация. Цель выступления – продемонстрировать на конкретном фактическом материале значение вопросов словообразования на занятиях по диалектологии. Признаём, что они равноправны как фонетические и лексикальные явления в процессе описания групп говоров и диалектов. Доклад указывает на словообразовательные факты в апеллативах и собственных названиях, а также вносит предложения их использования в дидактике диалектологии на уровне университетских занятий.

Dialektologia jako dziedzina językoznawstwa stara się dotrzeć do genezy zjawisk językowych, ustalić chronologię i przebieg procesów, które stały się podstawą zróżnicowania danego terytorium etniczno-językowego [Dejna 1994]. Prowadzone na kierunku filologia polska zajęcia z dialektologii polskiej, komplementarne w stosunku do zajęć poświęconych gramatyce historycznej języka polskiego, mają na celu zapoznanie słuchaczy kursu z najważniejszymi innowacjami dialektalnymi, charakteryzującymi zespoły gwarowe wyodrębnione na polskim obszarze językowym. Są to głównie cechy fonetyczne, które najlepiej ukazują odrębności językowe poszczególnych terytoriów językowych. W mniejszym stopniu wykorzystuje się w dydaktyce uniwersyteckiej morfologiczne właściwości gwarowe, które nie wykazują tak dużego zróżnicowania jak cechy fonetyczne, choć podobnie jak i one odegrały znaczącą rolę w kształtowaniu się polskich dialektów.

Analiza źródeł dialektograficznych – głównie tekstów gwarowych (np. [Nitsch 1960], [Sędziak 1996], JP) oraz ujęć kartograficznych (zob. np. AGP, AJK, AJPP, AJŚ, MAGP, Maz, Wkp; [Kowalska 1975]) – wykazuje, że zróżnicowanie w zakresie słowotwórstwa gwarowego posiada dość istotne znaczenie w definiowaniu zespołów gwarowych i dialektów a fakty słowotwórcze, podobnie jak inne elementy systemowe, można wykorzystywać w procesie dydaktycznym w celu

przybliżenia słuchaczom problematyki związanej z genezą i rozwojem polskich dialektów.

Referat stanowi propozycję wykorzystania wiadomości z zakresu słowotwórstwa na zajęciach z dialektologii polskiej. Już pobieżny przegląd kartograficznych ujęć słowotwórczego zróżnicowania polskiego obszaru językowego pozwala wskazać kilka ważnych dla dialektologii faktów słowotwórczych (zob. [Gala 2002]). Przedmiotem zainteresowania stają się głównie formacje, które posiadają formanty, wykazujące wyraźne zróżnicowanie terytorialne. Są to np. apelatywne derywaty rzeczownikowe z deminutywnymi sufiksami *-yszek, -yszka, -yszko*, np. *kwiatyszek, głowyszka, stonyszko* charakteryzujące Wielkopolskę i Kaszuby [Dejna 1994]; [Karplukówna 1968], w opozycji do analogicznych formacji z suf. *-uszek, -eczka, -eczko*, występujących w pozostałych dialektach; nazwy istot niedorośli z mazowieckim *-ak* w opozycji do małopolskiego *-ę*, np. *kaczak / kaczę* [Taszycki 1961(1): 236–248]; mazowieckie i kaszubskie formanty *-k, -c* w opozycji do *-ek, -ec* w derywatach typu *domk / domek, krawc / krawiec* [Taszycki 1961(2): 227–229], zachodniopolskie przymiotnikowe formanty *-ity, -aty* wobec *-isty, -asty*, np. *wodnity – wodnisty, kraciaty – kraciasty* [Winkler-Leszczyńska 1964], czy czasownikowe przyrostki iteratiwów: małopolskie *-uwać*, np. *kupuwać* i mazowieckie *-ywać*, np. *kupywać* w stosunku do *-ować*, np. *kupować* [Dejna 1994], itp.

Рównie ważne dla przedstawienia polskich innowacji dialektalnych, zrozumienia procesu dyferencjacji polskiego języka etnicznego, są fakty słowotwórcze, których ślady odnajdujemy w nazwach miejscowych. Te same formanty, które derywują w polskich gwarach nazwy pospolite, widoczne są w nazwach miejscowych, które często ustalały się już w okresie średniowiecza np. współczesna repartycja nazw miejscowych z formantami *-iszcz* obok *-isko*, np. *Grodziszcz* – *Grodzisko*, (por. kaszubskie: *marwiszcz* ‘mrowisko’) [Taszycki 1965]; [Rospond 1969], *-ów*, *-owo* obok *-ew*, *-ewo*, np. *Gołębiowo* – *Gołębiewo* (por. wielkopolskie *wiśniowy sad*) [Demartin 1965].

Analizując na zajęciach z dialektologii polskiej odpowiednio dobrane teksty gwarowe, pochodzące z różnych obszarów dialektalnych i zawierające ciekawe przykłady derywatów, można wskazać słowotwórczą dyferencyjność polskich gwar i dialektów. Zdobyta w ten sposób wiedza powinna być uzupełniona informacjami o ich zasięgach terenowych, przedstawionych na mapach ogólnopolskich i regionalnych atlasów gwarowych.

Literatura

- Dejna K. Atlas polskich innowacji dialektalnych. Warszawa; Łódź, 1994.
Demartin A. Oboczność *-ov* : *-ev* w nazwach miejscowych Wielkopolski // *Slavia Occidentalis*. 25. 1965. S. 15–29.
Gala S. Problematyka słowotwórcza w kwestionariuszach i atlasach gwarowych // *Studia Dialektologiczne*. II. Prace Instytutu Języka Polskiego PAN. Kraków, 2002. S. 111–118.
Kowalska A. Zróżnicowanie słowotwórcze gwar Mazowsza i Podlasia. Rzeczownik. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975.
Nitsch K. Wybór polskich tekstów gwarowych. Warszawa, 1960.
Rospond S. Słowiańskie nazwy miejscowe z sufiksem *-ysk-*. Wrocław; Warszawa, 1969.

- Sędziak H. Łomżyńskie teksty gwarowe. Łomża; Kielce, 1996.
Taszycki W. Powstanie i rozwój rzeczowników typu *cielak*. Rozprawy i studia polonistyczne. T. II. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1961 (1). S. 236–248.
Taszycki W. Dwa rozdziały z historycznej dialektologii polskiej. Rozprawy i studia polonistyczne. T. II. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1961(2). S. 227–229.
Taszycki W. Przyrostek *-isko*, *-iszcz* w językach zachodniosłowiańskich. Rozprawy i studia polonistyczne. T. III. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1965. S. 87–99.
Winkler-Leszczńska I. Sufiksy przymiotnikowe *-ity*, *-isty*, *-aty*, *-asty* w języku polskim na tle ogólnosłowiańskim. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964.

Wykaz skrótów

- AGP – *Dejna K.* Atlas gwar polskich. T. 1. Małopolska. Warszawa 1998; T. 4. Wielkopolska. Kaszuby. Warszawa, 2002; *Dejna K.*, *Gala S.*, *Zdaniukiewicz A.*, *Czyżewski F.* Atlas gwar polskich. T. 2. Mazowsze. Warszawa, 2000; *Dejna K.*, *Gala S.* Atlas gwar polskich. T. 3. Śląsk. Warszawa, 2001.
AJK – Atlas językowy kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich. T. 1–15 / Red. Z. Stieber, H. Popowska-Taborska. Wrocław, 1964–1978.
AJPP – *Malecki M.*, *Nitsch K.* Atlas językowy polskiego Podkarpacia. Kraków, 1934.
AJŚ – *Zareba A.* Atlas językowy Śląska. T. 1–8. Warszawa, 1969–1980.
JP – Język Polski. Kraków, 1913 i n.
MAGP – Mały atlas gwar polskich. T. 1–13. Warszawa, 1957–1970.
Maz – *Horodyska-Gadkowska H.*, *Kowalska A.*, *Strzyżewska-Zaremba A.* Atlas gwar mazowieckich. T. 1–10. Wrocław, 1971–1992.
Wkp – Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski / Red. Z. Sobierajski, J. Burszta. T. 1–9. Wrocław; Poznań, 1979–1996.

Языковые изменения в условиях социально-культурного шока (на примере развития русского языка в диаспоре и в метрополии)

S. Mengel

Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg (Халле, Германия)

Стабильные и изменяющиеся участки языковой системы

Несмотря на то что русская диаспора существует как минимум три столетия (если вести начало отсчета от русских поселений в Лифляндии и Ингерманландии), научный интерес к языку русскоязычной диаспоры возникает лишь в середине XX в. При несомненной социолингвистической и культурологической направленности всех исследований, по целевой установке их можно разделить на две большие группы. Первая, представленная, в основном, учеными метрополии (ср.: [Земская 2001], [Красильникова 2001], [Грановская 1995] и др.), стремится проследить причины сохранения / утраты русского языка у представителей диаспоры. Вторая (ср.: [Meng 2003], [Протасова 2000], [Reitemeier 2003] и др.) – ставит своей целью выявить механизмы смены кода или смешения кодов в процессе создания представителями диаспоры гибридных (двуязычных или многоязычных) текстов и опирается, главным образом, на опыт иностранных исследователей (ср.: [Haugen 1953], [Pfaff 1997], [Hinnenkamp, Meng 2005] и др.). Ученые первого направления видят свою задачу в исследовании бытования и развития вне России *русского литературного языка* (стандарта). Их работы посвящены преимущественно анализу языка эмигрантов так называемой «первой волны», вынужденных покинуть Россию после Октябрьской революции 1917 года, и их потомков, выросших в иноязычной среде. Представители второго направления, напротив, рассматривают язык диаспоры как одну из форм существования «общерусского» языка – как своего рода *социолект* (ср.: [Жданова 2004]). Их исследования направлены обычно на анализ языка последней, «четвертой волны» эмиграции конца XX в.

В предлагаемом докладе делается попытка рассмотреть изменения, наблюдаемые в языке диаспоры, как *отражение общезыковых тенденций функционирования и развития системы языка*. В языке метрополии изменения в языковой системе, как и стабильность ее определенных участков, наиболее ярко проявляются в периоды политических, социальных, культурных и др. общественных преобразований, ко-

торые можно условно обозначить «условиями социально-культурного шока». Для России, как известно, характерны, как минимум, три таких периода: период Петровских реформ в начале XVIII в., период Октябрьской революции 1917 года и связанных с ней изменений в первой трети XX в. и период перестройки с последующими преобразованиями 1990-х гг. Важные для исследователя языка наблюдения над изменениями или стабильными участками языковой системы становятся в данные периоды возможными благодаря ослаблению стандартизации в результате рашатывания или смены существующих норм на всех уровнях организации общества, в том числе и на уровне языка. В аналогичных условиях социально-культурного шока пребывает каждое первое поколение эмигрантов любой «волны». Таким образом, существуя в диаспоре, язык особенно явно способен отражать изменения и стабильные участки языковой системы, предвосхищая нередко при этом их проявление (или возможность их наблюдения) в языке метрополии.

На основе анализа материала существующих исследований об изменениях в русском языке во время двух последних периодов социально-политических преобразований в России (ср.: [Селищев 2003], [Караулов 1991], [Костомаров 1994], [Гловинская 2000] и др.) и их сравнения с описаниями языковых изменений в русскоязычной диаспоре (ср.: [Гловинская 2003], [Земская 2001] и др.), а также на основе собственных наблюдений над русским языком диаспоры в Германии в докладе предполагается показать *стабильные и изменяющиеся участки языковой системы* в области *грамматики и словообразования* на примере *освоения заимствований* и проявления *общеиндоевропейской тенденции к ослаблению надежных функций*.

Литература

- Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 237–325.
Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.

Жданова В. Лингвистические индикаторы стратегий иммигрантов-билингвов // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2004. С. 539.
 Земская Е. А. Язык русского зарубежья. Общие вопросы и речевые портреты. М.; Вена, 2001.
 Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности. М., 1991.
 Костомаров Б. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.
 Красильникова Е. В. Русский язык зарубежья. М., 2001.
 Протасова Е. Ю. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. 59(49). 2000. С. 49–60.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М., 2003.
 Haugen E. The Norwegian Language in America. Philadelphia, 1953.
 Hinnenkamp V., Meng K. Sprachgrenzen überspringen. Tübingen, 2005.
 Meng K. Sprachliche Integration von Aussiedlern – einige Ergebnisse, einige Probleme // Reitemeier U. Sprachliche Integration von Aussiedlern im internationalen Vergleich. Mannheim, 2003. S. 37–57.
 Pfaff C. Contacts and conflicts – perspectives from code-switching research. 1997.
 Reitemeier U. Sprachliche Integration von Aussiedlern im internationalen Vergleich. Mannheim, 2003.

Ikoniczność a motywacja słowotwórcza (w języku polskim i niemieckim)

A. Nagórko

Humboldt-Universität zu Berlin (Berlin, Germany)

Motywacja, kognitywistyka, ikoniczność, metafora, metonimia

Summary. Iconicity and motivation in the word formation (Polish / German). The principle of iconicity, in the broad sense understood by cognitive linguistics, can be applied to such classical tropes as metaphor and metonymy. So far this mechanism got a little attention in the word formation literature. In the present paper we look at the traditional word formation categories from the point of view of iconicity. The empirical basis is formed by Polish and German languages that are not closely cognate.

We analyze: a) word formation similitives like *chomikować / hamstern*, *matkować / bemuttern*, *wybrzuszony / ausgebaucht*, *pantofelek / Pantoffeltierchen* etc., b) semantic shifts leading to e. g. collective meaning from other basic meanings, like *gazeta / Zeitung* (newspaper) – ‘a group of people working on a newspaper’, *obsada / Besetzung* ‘a group of people playing a part’, or (de)agentivity, see *spinacz / Heftklammer*, *zderzak / Stoßstange* with reference to people. Our goal is to establish a range of possible category shifts, i. e. to establish a specific mental map of categorisation and of the role of word formation in this process.

Zasada ikoniczności w szerokim, przyjętym za kognitywistyką rozumieniu obejmuje m. in. takie klasyczne tropy (trope) jak metafora i metonimia. Mechanizmowi temu poświęcano jak dotąd niewiele uwagi w pracach słowotwórczych. W artykule podejmuję próbę spojrzenia na tradycyjne kategorie słowotwórcze z punktu widzenia ikoniczności, przy czym za empiryczną podstawę moich uwag posłużyły bliżej ze sobą niespokrewnione języki polski i niemiecki.

Analizie poddane zostały: a) słowotwórcze similitiva typu *chomikować / hamstern*, *matkować / bemuttern*, *wybrzuszony /*

ausgebaucht, *pantofelek / Pantoffeltierchen* itp., b) semantyczne przesunięcia prowadzące np. do znaczenia zbiorowego (collectiva) od innych znaczeń podstawowych, typu *gazeta* ‘Grupa ludzi pracujących w gazecie’, *obsada / Besetzung* ‘Grupa ludzi obsadzonych w jakiejś roli’, albo (de)agentywności, por. *spinacz / Heftklammer*, *zderzak / Stoßstange* w odniesieniu do ludzi. Celem analizy ma być ustalenie możliwych przesunięć kategoryalnych, tj. swoistej mapy mentalnej kategoryzacji i roli słowotwórstwa w tych procesach.

Nowe typy wyrazów złożonych w języku polskim

D. Ochmann

Uniwersytet Jagielloński / Ягеллонский университет (Kraków, Polska / Krakow, Pольша)

Словообразование, сложение, сложные слова, контаминация, интернационализмы

Аннотация. Новые серии сложных слов (*ekokosmetyki*, *homotata*, *eurosieroty*, *e-rodzice*) как проблема словообразования, лексикографии и культуры речи. Контакты с другими языками, внутриязыковая эволюция и новая культурная парадигма.

Jedną z najważniejszych zmian w polskim słowotwórstwie ostatnich lat jest wzrost liczby wyrazów złożonych. Towarzyszy mu pewne przewartościowanie w obrębie modeli złożzeń (np. przewaga struktur połączonych bezpośrednio i popularność kontaminacji) oraz powstanie nowych ich typów.

Jako najistotniejsze można wymienić:

1. Seryjne złożenia z członami uciętymi, w których proces dezintegracji doprowadził do powstania:

a) nowych tzw. członów związanych, np. *euro(pejski)*: *eurosieroty*, *narko(tykowy)*: *narkogang*, *cyber(netyczny)*: *cyberterrorizm*, *e(elektroniczny)*: *e-sklep*;

b) nowego znaczenia członu już funkcjonującego, np. *eko(logiczny)*: *ekożywność*, *homo(seksualny)*: *homorodzice*.

2. Złożenia dwunominalne połączone bezpośrednio typu *biznesplan*.

3. Kontaminacje (struktury połączone za pomocą wspólnej części fonologicznej – węzła), np. *frustracja* (*frustracja* + *lustracja*), *dypłomatotek* (*dypłomata* + *matełek*), *demokratura* (*demokracja* + *dyktatura*), *urlop tacierzyński* (*tata* + *macierzyński*).

4. Złożenia kontaminacyjne (bez części łączącej, z dezintegracją członów), np. *lygrys* (*lew* + *tygrys*), *teleputer*, *kompuwizor* (*telewizor* + *komputer*).

Wymienione typy nie stanowią absolutnej nowości w polszczyźnie. W większości mają swe źródła bądź punkty odniesienia w strukturach funkcjonujących w niej od dawna, jednak często marginalizowanych (złożenia z członami związanymi typu *telekonkurs* czy kontaminacje) lub potępianych (formacje typu *specustawa*). Ich produktywność rodzi potrzebę uporządkowania pojęć z zakresu wyrazów złożonych (np. zrost) i stworzenia nowej klasyfikacji.

Zmiany w obrębie polskich wyrazów złożonych stanowią problem zarówno systemowy, jak i kulturowy. Są wyrazem ewolucji systemu związanej z kontaktami polszczyzny z innymi językami oraz z obecnymi przemianami cywilizacyjnymi (współczesne globalne zjawiska i problemy: ekologia, narkotyki, Internet, integracja europejska; dążenie do skrótowości i wyrazistości wypowiedzi, a także jej aluzyjności – gry z odbiorcą).

Bibliografia

Jadacka H. System słowotwórczy polszczyzny (1945–2000). Warszawa, 2001.
 Ochmann D. Nowe wyrazy złożone o podstawie zdeintegrowanej w języku polskim. Kraków, 2004.
 Waszakowa K. Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005.

Rozwój słowotwórstwa gwarowego na tle słowotwórstwa języka ogólnego

J. Sierociuk

Poznań, Polska

Диалектное словообразование, динамика диалектных явлений, возрастные различия

Аннотация. В докладе исследуется специфика диалектного словообразования в сравнении с деривационными процессами литературного языка: отсутствие аббревиатур, интернационализмов и др. Подчеркивается необходимость учитывать при изучении диалектного словообразования возрастные различия, что позволяет выявить динамику диалектных явлений.

Przypatrując się słowotwórstwu gwarowemu zauważa się istotne różnice decydujące o jego specyfice; przejawia się to między innymi w braku niektórych technik derywacyjnych (brak skrótowców i zapożyczeń, mniejszy udział złożzeń). Słowotwórstwo gwarowe rozwija się niezależnie od języka ogólnego; zachodzące tu zmiany rozpatrywane będą w kontekście przeobrażeń socjologicznych współczesnej wsi.

Mówienie o rozwoju gwarowego systemu słowotwórczego napotyka na trudności natury obiektywnej – brak bowiem odpowiednich materiałów charakteryzujących ten poziom organizacji gwar w przeszłości. Należy bowiem pamiętać, że gwary nie mają odpowiednio długo zestawianej i zadawalającej dokumentacji materiałowej. O ile język ogólny – w większości znanych wypadków – zasadzany jest na tradycji pisma, a jego reguły normatywne – gramatyki – wywodzone są z obszernej, różnicowanej historycznie podstawy tekstowej, o tyle w wypadku gwar możemy mówić jedynie o rejestracji zjawisk momentalnych, przy czym tradycja ta jest stosunkowo krótka. Nie można jednak mówić o braku jakichkolwiek norm gwarowych [Pawłowski 1967] – te jednak zakorzenione są w «świadomości» danej grupy społecznej i egzystują w oparciu o tradycje ustną.

W kontekście dorobku badań słowotwórstwa języka ogólnego – tak w aspekcie synchronicznym jak i diachronicznym – przy opisie analogicznego systemu gwarowego możemy praktycznie odwoływać się do materiału w przeważającej mierze pozyskiwanego w czasach nam współczesnych. W tej sytuacji zachodzi konieczność wypracowania nowych metod badawczych; koniecznym jest wykorzystanie dostępnych dialektologowi możliwości badawczych. Prowadząc systematyczne obserwacje języka mieszkańców współczesnej wsi możliwe jest jednak wnioskowanie o charakterze i tempie zmian zachodzących w tym środowisku językowym. Podstawowym rozwiązaniem jest tu uwzględnienie zróżnicowania pokoleniowego populacji wiejskiej. W naszym postępowaniu typowane są do obserwacji kilkusobowe grupy respondentów; przyjęty podział opiera się na 25-letniej reprezentacji pokoleniowej [Sierociuk 2003a]. Taki dobór respondentów pozwala śledzić ewolucję zjawisk typowych dla słowotwórstwa konkretnych badanych środowisk – wyniki analiz tak pozyskiwanego materiału będą podstawą prezentowanych uwag szczegółowych.

Ujmując słowotwórstwo gwarowe w kontekście słowotwórstwa języka ogólnego należy podkreślić stosunkowo nie-

wielkie otwarcie na wpływy obce; powszechnie odnotowywane w językach słowiańskich elementy internacjonalne [Waszakowa 2005], [Торіћ 2008] nie przynoszą potwierdzeń gwarowych. Podobnie brak w tym środowisku językowym niektórych mechanizmów słowotwórczych – dotyczy to szczególnie skrótów i skrótowców. O wiele skromniejsza jest też dokumentacja faktograficzna ilustrująca composita.

Przedstawione w referacie zagadnienia będą popartym odpowiednim zestawem odnośnych rozwiązań uszczegółowieniem zarysowanej problematyki.

Literatura

- Pawłowski E. Problem normy językowej w gwarach ludowych i w języku ogólnonarodowym // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego. Z. XXV. 1967. S. 139–147.
- Sierociuk J. Założenia metodologiczne badań języka wsi // Poznańskie Spotkania Językoznawcze. T. XI / Red. Z. Krążyńska i Z. Zagórski. Poznań, 2003a. S. 131–136.
- Sierociuk J. Słowniki gwarowe a możliwości opisu gwarowego słowotwórstwa // Gwary dziś. 2. Regionalne słowniki i atlasy gwarowe / Red. J. Sierociuk, Poznań, 2003b. S. 249–255.
- Sierociuk J. Specyfika wariantowości słowotwórczej w gwarach // Gwary dziś. 3. Wewnętrzne zróżnicowanie języka wsi / Red. J. Sierociuk. Poznań, 2006. S. 209–214;
- Sierociuk J. Pokoleniowość – jeden z czynników różnicujący słowotwórstwo języka mieszkańców wsi // Функцыянальныя аспекты словаўтварэння. Даклады IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі Камісіі па славянскаму словаўтварэнню пры Міжнародным камітэце славістаў / Навуковы рэдактар А. А. Лукашанец. Мінск, 2006. S. 329–336.
- Sierociuk J. Swoistość słowotwórstwa gwarowego (wybrane problemy) // LingVaria. Nr 1 (3). 2007. S. 115–125.
- Sierociuk J. Aspekt diachroniczny w synchronicznych badaniach języka mieszkańców wsi (problemy metodologiczne) // Rozprawy Komisji Językowej Łódzkiego Towarzystwa Naukowego. T. LII. Łódź, 2007. S. 215–221.
- Sierociuk J. Wariantowość słowotwórcza a problem ewolucji języka mieszkańców wsi // Współczesna polszczyzna – stan, perspektywy, zagrożenia / Red. Z. Cygal-Krupa. Kraków; Tarnów. 2008. S. 229–236.
- Торіћ Б. Творба именица у српском језику (одабране теме). Београд, 2008.
- Waszakowa K. Przejawy internacjonalizacji w słowotwórstwie współczesnej polszczyzny. Warszawa, 2005.

Tvorbene tendencije u hrvatskome standardnom jeziku / Новые словообразовательные тенденции в хорватском языке

B. Štebih Golub

Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje (Zagreb, Hrvatska)

Словообразование, хорватский язык, гибридные слова, префиксоиды, бленды

Аннотация. На основе корпуса слов, собранных в словарях современного хорватского языка, в печати и в электронных СМИ, анализируются модели словообразования в современном хорватском языке. Речь идет о новых словообразовательных стремлениях, т. е. о явлениях гибридных слов (*lunge-filozofija*, *web-stručnjak*), юкстапозиции (*sendvič sir*, *pizza šunka*), префиксоидов (*cro-*, *eko-*, *etno-*, *web-*) и блендов (*klinceza*, *Zaba*).

Neologija je u hrvatskome standardnom jeziku obilježena dvama glavnim utjecajima. S jedne se strane hrvatski jezik, kao i ostali jezici tzv. razvijenoga svijeta, «globalizira». Pod tim pojmom prvenstveno podrazumijevamo izloženost snažnom utjecaju engleskoga jezika koji funkcionira kao *lingua franca* suvremenog svijeta. Utjecaj je vidljiv na više jezičnih razina: od najpropusnije leksičke razine, preko morfologije i tvorbe riječi pa sve do sintakse. Tako se primjerice posljednjih

desetak godina sve češće javljaju juxtapozicije kao specifičan oblik tvorenica na razmeđu između sintakse i rječotvorja. Kao i ostali jezici svijeta, u hrvatskome se javlja i velik broj prefisksoida, uglavnom stranoga podrijetla (engleski i klasični jezici) čiji status u standardologiji još nije posve razrješen. Uslijed znatnog razvoja znanosti i tehnike svakodnevno se povećava i fond stručnog nazivlja (osobito računalnog). Hrvatski kao puristički orijentiran jezik načelno se odupire

prihvaćanju stranih riječi te odgovarajuće termine nastoji stvoriti unutarjezičnim procesima.

S druge strane, zbog specifičnih društvenih i političkih prilika početkom devedesetih godina, dolazi do intenziviranja purističkih strujanja u jeziku te se mnogobrojne riječi, najčešće do tada posve uobičajene posuđenice, odbacuju kao «strane» i «nehrvatske» te nastoje zamijeniti «hrvatskijim» riječima (*crnotržnik* «švercer», *izdomnik* «disident; emigrant», *izdomništvo* «emigracija», *izkivač* «broker», *podmetnik* «provokator», *suzdržnik* «apstinent», *veleulica* «aleja»), što daje nove poticaje rječotvornim procesima.

Innowacje słotwórcze jako amalgamaty znaczeń w świetle modelu dynamicznego opartego na uzusie językowym

K. Waszakowa

Uniwersytet Warszawski (Warszawa, Polska)

Словообразовательные инновации, концептуальная интеграция, контекстное значение

Аннотация. В работе показано, как динамическая модель, опирающаяся на языковой узус Р. Лангакера, и теория концептуальной интеграции Ж. Фоконьи и М. Тернера позволяют по-новому описать, как собеседники интерпретируют контекстуальные словообразовательные инновации. Обращаясь к теории концептуальной интеграции, автор представляет: а) механизмы возникновения словообразовательных структур в результате объединения двух ментальных пространств и определенных фонологических форм; б) результаты этого объединения: новые когнитивные домены, а также новые выделенные сегменты, выполняющие словообразовательную функцию.

Artykuł ukazuje nowe zjawiska słotwórcze w perspektywie dwu rozwijanych w kognitywnym paradygmacie badawczym koncepcji: 1) modelu dynamicznego opartego na uzusie językowym (*usage-based model*) R. Langackera oraz 2) teorii amalgamatów pojęciowych (*conceptual blending theory*) G. Fauconniera i M. Turnera.

U podstaw modelu Langackera, pomyślanego jako propozycja całościowego, a zarazem ujednoczonego opisu języka (jego reguł), leży przekonanie, że struktury językowe należy ujmować w połączeniu z ogólniejszymi zdolnościami – właściwościami psychicznymi, np. z percepcją, pamięcią. Na nich z kolei zasadzają się inne umiejętności znajdujące wyraz w systemie językowym i jego użyciu, m.in. takie, jak utrwalenie zjawisk, zdolność do abstrahowania, porównywania, łączenia ze sobą prostych struktur w celu otrzymania struktury złożonej [Langacker 1988].

Z dwiema ostatnimi właściwościami wiąże wszyscy wymienieni wcześniej badacze operację konceptualnej integracji, w wyniku której w użyciu języka (w tekście) na poziomie kognitywnym dochodzi do powstania z dwu lub więcej pojęć odrębnej konstrukcji, nie redukowanej do jej komponentów. Opisywana w ramach teorii amalgamatów tego typu integracja pojęciowa opiera się na przekonaniu, iż «każde użycie języka naturalnego wiąże się z odmiennymi i oryginalnymi konstrukcjami na poziomie kognitywnym» (różnym od struktury języka).

Wyrażenia językowe w tym ujęciu mają nie tyle stałe znaczenie, ile pewien potencjał znaczenia (*meaning potential*). Ten w określonym kontekście, w miarę jak dyskurs się rozwija, aktualizuje się w postaci konkretnego sensu, dzięki wskazówkom, które stanowią użyte wyrażenia językowe oraz kontekst [Fauconnier, Turner 2002].

Autorka rozwija przedstawione tu koncepcje, rozważając przykłady, ukazujące różnego typu aktualizacje semantycznego potencjału innowacji słotwórczych oparte na mechanizmie rozszerzenia lub zawężenia znaczeń pojęć podstawowych.

Wielu lingwistów (w tym również Langacker) uważa, że innowacyjnych wyrażen nie tworzy sam system językowy, lecz zwykle w konkretnej sytuacji czynią to jego użytkownicy posługujący się wszystkimi dostępnymi zasobami językowymi, w tym oferowanymi przez dany system językowy wzorcami – schematami o różnym stopniu szczegółowości. Zgodnie z podstawowymi zasadami gramatyki kognitywnej jedyną formą, którą te wzorce muszą przyjąć, są uschematyzowane wyrażenia (*schematized expressions*): matryce wyabstrahowane ze zbioru złożonych wyrażen po to, aby wyrazić to wszystko, co jest immanentnie wspólne.

Analiza zaczerpniętych z prasy zróżnicowanych przykładów ukazuje, jak używając nowej struktury słotwórczej, rozmówcy interpretują ją kontekstualnie: do czego ją odnoszą,

Na temelju korpusa ekscerpiranog iz rječnikâ suvremenoga hrvatskoga jezika te tiskanih i elektroničkih medija, analiziraju se tvorbeni obrasci u suvremenom hrvatskom jeziku čiji je standardološki status u kroatistici prijeporan, a rijetko se i spominju u hrvatskim gramatikama. Riječ je o novim tvorbenim tendencijama kao što su pojava hibridnih tvorenica (*lunge-filozofija*, *web-stručnjak*), juxtapozicija (*sendvič sir*, *pizza šunka*), prefiksoida (*cro-*, *eko-*, *emo-*, *web-*) i blenda (*klinceza*, *Zaba*). Raspravljaju se o njihovim tvorbenim modelima, standardnojezičnom statusu i tretmanu u hrvatskim normativnim priručnicima.

jaki schemat konstrukcyjny i wzorec kompozycjonalny jej przypisują.

Tak rozumiana kompozycjonalność wyrażen innowacyjnych ma charakter skalarny: od sporadycznie występującej w użyciu pełnej kompozycjonalności (ma ona miejsce wtedy, kiedy zintegrowana struktura jest całkowicie zdeterminowana przez konwencjonalne jednostki składowe) po typowe w normalnym użyciu językowym wypadki ujawniania za pomocą kontekstualnej interpretacji innowacji słotwórczych stopnia odejścia nowych wyrażen od ich wartości kompozycjonalnych.

Z kontekstowym ujęciem znaczenia innowacji (w tym słotwórczych) Langacker wiąże jeszcze jeden parametr: stopień rozkładalności znaczenia (*analyzability*), tzn. stopień, w jakim użytkownicy języka zdają sobie sprawę z obecności wkładu semantycznego składowych elementów. Rozkładalność też jest gradualna: pełna w momencie powoływania konstrukcji (ten, który ją tworzy, operuje jej składnikami), z czasem może się zacierać (aż do jej zaniku) na skutek konwencjonalizacji. Nowe struktury słotwórcze zwykle zachowują przejrzystość. Bywa, że kontekst służy jej wydobyciu, np. wtedy, gdy może ją «zaciemniać» inne znaczenie, dobrze utrwalone w języku, jak to ma miejsce np. w przypadku innowacji *donosicielka*, *donosicielstwo*, odrębnych od używanych z dezaprobatą tak samo brzmiących jednostek. Por. następujący kontekst:

Co roku w USA ciężowe donosicielki wydają na świat około 1000 dzieci, które oddają potem ich legalnym rodzicom. [...] Za pośrednictwem nowojorskiego Ośrodka Bezplodności William Sern poznał Mary Beth Whitehead, która zgodziła się być biologiczną matką jego potomka, czyli spełnić funkcję nazwaną przez niezastąpionego Stanisława Lema w jednej z jego opowieści «donosicielstwem». [...] Donosicielki nie są więc biologicznymi matkami dzieci, które noszą w swym tonie [...]. (Polityka. 28. 2006).

Podawane w pracy przykłady innowacji słotwórczych użytych w konkretnych kontekstach mają świadczyć o tym, że teoria amalgamatów G. Fauconniera i M. Turnera pozwala w nowym świetle ukazać i zinterpretować szereg zjawisk znajdujących swoje odzwierciedlenie w systemie językowym i jego użyciu. Są to m.in. a) semantyczne mechanizmy powstawania struktur semantyczno-słotwórczych w wyniku scalenia się dwóch przestrzeni mentalnych i określonych form językowych o kształcie fonologicznym; b) rezultaty owych scaleń: nowe domeny kognitywne oraz nowo wyodrębnione segmenty pełniące rolę słotwórczą.

Literatura

- Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York, 2002.
Langacker R. *A Usage-Based Model // Topics in Cognitive Linguistics / Red. B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam; Philadelphia, 1988* (Wersja popr.: *Concept, Images, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; New York).

Словообразовательные, грамматические и лексические инновации в славянских языках. Универбизация в польском и словенском языках

M. Wtorkowska

Университет в Любляне (Любляна, Словения)

Универбизация, словообразование, суффиксация, существительное, прилагательное

Аннотация. В докладе будут представлены различные способы образования универбатов в польском и словенском языках, такие как суффиксация (с помощью польских суффиксов **-ówka**: *spacerówka* ← *wózek spacerowy* [складная детская прогулочная коляска]; **-yk**: *Bałtyk* ← *Morze Bałtyckie* [Балтика] и словенских **-ec**: *popravec* ← *popravni izpit* [повторный экзамен, «хвост»]; **-ka**: *tiskovka* ← *tiskovna konferenca* [пресс-конференция]; **-ik**: *brezplačnik* ← *brezplačni časopis* [бесплатный журнал] или эллипсис, чаще всего с опущением существительного, являющегося составной частью мотивирующей основы, напр., *Fabryczna* ← *Łódź Fabryczna* [Лодзь Фабричный] и *Kaliska* ← *Łódź Kaliska* [Лодзь Калишский] (названия ж. д. станций); и в словен. яз. *Bavarski* ← *Bavarski dvor* [название автобусной остановки], *tehnični* ← *tehnični pregled* [техосмотр автомобиля]. Явление универбизации будет рассматриваться также в семантическом и в формальном аспектах. Кроме универбатов, которые уже прижились в польском и словенском языках, я уделю внимание также и самым новым образованиям такого типа, возникшим под влиянием политических и хозяйственных изменений, например *pomostówka* ← *emerytura pomostowa* [вид преждевременного ухода на пенсию], *wykszałciuch* ← *pogardliwie człowiek wykształcony* [незрелый образованный человек].

Tematem artykułu jest *Uniwerbizacja w języku polskim i słoweńskim*. Porównam w nim rozumienie terminu w obu językach oraz przedstawię sposoby tworzenia polskich i słoweńskich uniwerbizmów, które najczęściej powstają w procesie sufiksacji, a więc przez dodanie przyrostków, np. **-ówka**: *pomidorówka* ← *zupa pomidorowa*, **-yk**: *Bałtyk* ← *Morze Bałtyckie*, **-ec**: *odrzutowiec* ← *samolot odrzutowy* w języku polskim; **-ec**: *lokalec* ← *lokalni delavec*, **-ka**: *jutranjka* ← *jutranja halja*, **-ik**: *dovršnik* ← *dovršni glagol*, *prenosnik* ← *prenosni računalnik* w języku słoweńskim; lub też elipsy, a więc opuszczenia najczęściej członu rzeczownikowego w oficjalnej dwu- lub wielowyrazowej nazwie, stanowiącej podstawę derywatu, np. *centralna* ← *Warszawa Centralna*; *tatarski* ← *tatarski biftek*. Temu zjawisku w języku słoweńskim może, chociaż rzadko, towarzyszyć zmiana rodzaju, por. *bolniška* ← *bolniški dopust*, *porodniška* ← *porodniški dopust*, *vozniška* ← *vozniško dovoljenje*. Podstawami słowotwórczymi omawianych derywatów są zarówno wyrazy pospolite, jak i nazwy własne, np. *gierkówka* ← *nazwa* pochodzi od nazwiska Gierek, *kuroniówka* ← *nazwa* pochodzi od nazwiska Kuroń; *Blej(e)c* ← *Blejsko jezero*, *mariborčan* ← *vlak za Maribor*, *Prešerenc* ← *Prešernov trg*,

Šmartinka ← *Šmartinska cesta*, *vrhničan* ← *avtobus za Vrhniko*. Przyjrano się również semantyce uniwerbizmów i zauważono, że często formacje te mają po dwa lub więcej znaczeń, np. *plażówka* ← 1. sukienka plażowa, 2. torebka plażowa; *podiplomec* ← 1. kdor nadaljuje študij po diplomu (*Študirati kot podiplomec*), 2. dom podiplomcev (*Stanujem v podiplomcu*) i 3. podiplomski študij (*Vpisala sem podiplomca*). Często również jest tak, że mamy kilka uniwerbizmów na określenie tego samego desygnatu, np. w języku słoweńskim zarówno *kemičnik*, *kemik*, jak i *kemični* to *kemični svinčnik*, a *mobilec*, *mobilnik*, *mobilni*, jak i *mobi* i *mobitel* to *mobilni telefon*. Ciekawy jest też fakt, że większość tworzonych w języku słoweńskim uniwerbizmów nie jest powszechnie znana i niechętnie przejmuje je język ogólny, zaś w języku polskim obserwujemy tu proces odwrotny, szczególnie przy derywatach z sufiksem **-(ów)ka**. Oprócz uniwerbizmów już mocno zakorzenionych w obu językach, przyjrę się również derywatom, które powstają w wyniku obecnych przemian polityczno-gospodarczych, jak np. *pomostówka* ← *emerytura pomostowa*. Głównie skoncentruję się na porównaniu sposobów tworzenia uniwerbizmów, przyczynach ich powstawania i egzystowania w obu językach.